

ками. Впрочемъ, сплетня царить только въ «мелкой прессѣ» (ко-симбунъ), тогда какъ немногочисленные, правда, «большія газеты» (о-симбунъ) чуждаются. Самый успѣхъ газетъ многіе объясняютъ національнымъ характеромъ японцевъ, этихъ «французовъ Дальняго Востока», которые, по своей жадности къ новостямъ, напоминаютъ галловъ Цезаря. Подписная цѣна газетъ очень низка и колеблется отъ 20 до 50 сенъ за мѣсяць.

Къ крупнѣйшимъ газетамъ принадлежатъ: оффиціозная «*Ничи-ничи-Симбунъ*»; радикальная «*Дзи-зи Симпо*» («Наше Время»), редактируемая сыномъ знаменитаго Фуку-завы; бывший президентъ парламента, Ніума, стоитъ во главѣ либеральнаго органа «*Майнчи Симбунъ*» («Ежедневныя Новости»); консервативная «*Токіо Демпо*» («Тедосскій телеграфъ»),—во главѣ ея прежній министръ торговли, генераль То си; шовинистскій органъ, съ графомъ Итагаки во главѣ, «*Коранъ Симпо*» («Общественное мнѣніе»).

За преступленіе противъ законовъ о печати редакторы ихъ привлекаются къ суду и, въ случаѣ доказанности преступленія, наказываются тюремнымъ заключеніемъ. Это повело къ появленію и въ Японіи «подставныхъ редакторовъ», имѣющихъ задачею своею «отсиживаться» за грѣхи истыхъ руководителей газеты.

Но важнѣйшею особенностью японской печати является преобладаніе журналовъ — ежемѣсячныхъ, двух- и трехмѣсячныхъ: ихъ издается въ четыре раза больше, нежели газетъ. Объясняется это тѣмъ, что интересы политическихъ партій и ихъ борьба — обычная тема ежедневной печати—совершенно чужды массѣ японскаго народа; журналы же, касаясь вопросовъ жизни самого народа, его прошлаго, настоящаго и будущаго, а также важнѣйшихъ вопросовъ обще-человѣческихъ привлекаютъ весь грамотный людъ, который стремится расширить свой кругозоръ. Большинство журналовъ очень незначительно по объему, но баснословно дешево. Философскіе или научные журналы почти отсутствуютъ; преобладаютъ журналы литературные, коммерческаго и обще-образовательнаго содержанія; существуютъ также прекрасные журналы для дѣтей и юношества.

Японское искусство.

Г. ВОСТОКОВА.

Дважды за послѣднія полтора столѣтія японское искусство — живопись, рѣзьба и лакированныя произведенія — проникало въ Европу и дважды производило глубокое впечатлѣніе на европейскихъ художниковъ, и оставляло замѣтные слѣды въ искусствѣ Европы.

Въ первый разъ это случилось въ XVIII вѣкѣ, когда впервые въ Парижѣ и Дрезденѣ были получены многочисленныя образчики японскихъ издѣлій изъ фарфора и лакированнаго дерева. Вещи эти поразили любителей и знатоковъ Европы своею странною, необычайною для европейскаго глаза прелестью, капризными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, граціозными особенностями; и несомнѣнно, что именно знакомство съ произведеніями японскаго стиля дали искусству въ Европѣ толчекъ къ выходу изъ застоя и способствовали выработкѣ живого стиля Людовика XV на мѣсто тяжелаго, неподвижнаго стиля Людовика XIV.

Вторичное появленіе японскихъ художниковъ въ Европѣ произвело, повидимому, на европейское искусство еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Это случилось въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія и встрѣтило гораздо болѣе подготовленную почву: художники Франціи, стоявшіе тогда на перепутьи, недовольные старыми застывшими формами и искавшіе новыхъ путей, нашли въ картинахъ японцевъ готовымъ то, что они сами только предчувствовали, къ чему стремились. По мнѣнію Мутера, новѣйшая французская живопись, берущая свое начало отъ Манэ, въ значительной степени создана вліяніемъ японцевъ. Есть цѣлый рядъ выдающихся именъ, у которыхъ все развитіе и окончательная формировка дарованій произошли подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями японскаго искусства и проникновенія его духомъ. Таковы: Манэ, Тиссо, Уистлеръ, Дегазъ, Монэ, Карольюсъ Дюранъ.

Еще при первомъ знакомствѣ съ японскимъ искусствомъ европейцевъ поражали въ немъ двѣ особенности, какъ-будто другъ другу противорѣчащія и въ то же самое время въ самомъ этомъ противорѣчій своеобразно привлекательныя; это, во-первыхъ, каприз-

ное чудачество, причудливость, склонность къ преувеличеніямъ, часто каррикатурность изображенія съ одной стороны и въ то же время печать жизненной правды, несомнѣнные слѣды глубочайшей пронизательности и острой наблюдательности художниковъ. Только въ періодъ вторичнаго—болѣе глубокаго—ознакомленія съ японскимъ искусствомъ, зрѣлые европейскіе художники вдумались и въ значительной мѣрѣ поняли и тогда примирили это противорѣчіе. Нашимъ читателямъ, познакомившимся уже съ характерными чертами японскаго поэтическаго творчества, многое само собою становится понятнымъ. Всѣ эти «танка», «хай-кай» въ значительной мѣрѣ выяснили намъ характеръ отношенія японскихъ поэтовъ—слѣдовательно и художниковъ,—къ природѣ. Глубокое чувство природы, способность отождествленія себя съ природою, необыкновенное чутье ко всякому проявленію жизни въ природѣ, умѣніе подсматривать движенія этой жизни въ самыхъ скрытыхъ, въ самыхъ интимныхъ ея формахъ и поэтизировать ихъ,—таковы особенности японскаго художественнаго гения, который началъ развиваться подъ вліяніемъ китайскаго искусства, но далеко превзошелъ свой первоначальный образецъ.

Чуткій ко всякимъ проявленіямъ *движенія* жизни, японецъ мало любитъ *форму*, этотъ предѣлъ подвижности. Симметричность всего живущаго, формъ животныхъ и растений—это явное выраженіе стремленія природы къ равновѣсію—оставляетъ его совершенно равнодушнымъ. Онъ наблюдаетъ и ухватываетъ въ природѣ *асимметричное, нарушенное равновѣсіе*, подчеркиваетъ формы въ моментъ измѣненія. И именно по этому пути японскіе художники такъ легко и охотно доходятъ, можетъ-быть, до уродливаго, до каррикатурнаго. Въ самой формѣ ихъ поэтическихъ стихотвореній сказывается это стремленіе къ асимметричности: стихи въ нечетное количество слоговъ, стихотвореньице въ нечетное количество строкъ.

Понятно поэтому, что при такихъ особенностяхъ японскаго художественнаго гения нѣкоторыя искусства совершенно не могли въ Японіи развиваться,—это архитектура и до нѣкоторой степени скульптура. И въ самомъ дѣлѣ: въ смыслѣ развитія архитектуры Японія—ребенокъ по сравненію съ европейскими народами. Жилыя строенія, въ стилѣ которыхъ они могли еще прѣзвить свои характерныя народныя особенности, обнаруживаютъ въ нихъ отвращеніе, боязнь стройнаго плана, нелюбовь къ линіямъ горизонтальнымъ и строго вертикальнымъ, къ пропорціи, симметріи; и поэтому у жилыхъ строеній японцевъ есть еще своя фizioномія, въ нихъ есть своеобразная красота и живой подвижной типъ. Храмы же и всякія монументальныя сооруженія являются въ Японіи лишь образцами увеличеннаго жилого типа, пожалуй, нѣсколько болѣе украшеннаго, но лишеннаго всякой

величавости, всякой оригинальной цѣльности. Единственно въ чемъ проявляется у японцевъ стремленіе въ архитектурѣ какого-нибудь храма воздѣйствовать возвышающимъ образомъ на душу молящихся, это—«тори» и «тора»: первое (деревянные ворота изъ двухъ столбовъ съ перекладиною, имѣющія какое-то символическое значеніе)—нѣчто въ родѣ портика при входѣ, болѣе или менѣе величавое по конструкціи; второе—рѣзная колонна съ каменнымъ или бронзовымъ фонаремъ наверху. Памятниковъ людямъ въ Японіи нѣтъ: имъ не свойственно стремленіе увѣковѣчить въ человѣческомъ образѣ силу, глубину и красоту духа человѣческаго. Бога они видятъ въ движеніи природы и больше нигдѣ.

Подъ вліяніемъ буддизма, который сильнѣе, чѣмъ синтоизмъ, дѣйствовалъ на мистическія глубины духа человѣческаго, было, правда, сдѣлано кое-что въ Японіи и въ этомъ направленіи. XVII вѣкъ выдвинулъ знаменитаго въ Японіи архитектора и рѣзчика Хидари Ценгоро. Крупнѣйшіе храмы въ Никко и Кіото, большія пятиэтажныя пагоды въ Никко, Осака и Кіото построены имъ. Главнѣйшимъ его произведеніемъ считается храмъ въ Никко, посвященный Ё-ясу. Изумительная чистота столярной работы сочетается здѣсь съ сильными, яркими, но гармоничными красками, производящими чарующее впечатлѣніе. Особенно поражаетъ удивительная рѣзба главныхъ воротъ (ср. рис. 3 на табл. VI): на наружныхъ столбахъ тянутся вверхъ, извиваясь, священные драконы, исполненные весьма реалистично; на приворотныхъ косякахъ изображены въ пышномъ весеннемъ цвѣту деревья, вѣтви которыхъ переходятъ на верхній брусъ; еще выше, на фризѣ многочисленный сонмъ боговъ; на другихъ частяхъ гирлянды цвѣтовъ и сплетенія животныхъ перемежаются съ изящными геометрическими орнаментами. «Кто не видалъ рѣзбы Ценгоро въ Никко, тотъ не видалъ ничего»—говорятъ японцы.

Въ области скульптуры опять только буддизмъ подвинулъ японцевъ къ творчеству. Колоссальная статуя Будды въ Нарѣ (рис. на стр. 299), отлитая изъ бронзы въ 739 году,—самый монументальный слѣдъ этого вліянія. Нѣсколько меньшей «Дай-Будза» находится еще въ Камакурѣ; отлитъ онъ въ XII вѣкѣ. Оба эти изображенія не лишены элементовъ возвышеннаго и замѣчательны не только по колоссальнымъ размѣрамъ, но и своею выразительностью. Въ общемъ же буддизмъ съ его мистицизмомъ и презрѣніемъ къ тѣлу не могъ, однако, быть прочной почвой для развитія скульптуры. Созданные подъ его вліяніемъ «тангу», т.-е. идолы, изображающіе адскихъ духовъ и народныхъ божковъ (ср. изображенія ниже), представляютъ собою отвратительныя чудища, безобразныя, уродливыя, брюхатыя, назначеніе которыхъ было изобразить злобность стражей, охраняющихъ святыню отъ проникно-

венія невѣрныхъ и грѣшныхъ. Тамъ же, гдѣ скульптура японская того времени стремится увѣковѣчить образы проповѣдниковъ, мудрецовъ и святыхъ буддизма, она создаетъ только грубыя, рѣзныя изъ дерева, физически безобразныя фигуры съ выраженіемъ тупого тер-

Статуя Будды въ Наръ.

пѣнія и равнодушія на лицахъ. Стремленіе изобразить побѣду духа надъ тѣломъ проявляется здѣсь въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ: предполагаемая красота духа противопоставляется безобразію и уродливости тѣла.

Въ противоположность крупной скульптурѣ безусловную само-бытность проявляютъ и несравненнаго совершенства достигли произведенія мелкой пластики, изготовляемыя изъ самыхъ разно-

образныхъ матеріаловъ. Это — то небольшія статуэтки и группы, не имѣющія опредѣленнаго практическаго назначенія, — японцы называютъ такія вещи «окимоно» — то всякаго рода предметы обихода, изъ которыхъ особенно популярны среди коллекціонеровъ эфесныя чашки мечей (ср. рис. 1 и 2 на табл. VI) и «нецке» (ср. рис. 2 и 3 на табл. VIII), носимыя на поясахъ для пристегиванія къ нимъ всякаго рода предметовъ. Въ этихъ чисто-японскихъ произведеніяхъ проявляются бездна прилежанія, внушеннаго любовью къ дѣлу, бездна творческой фантазіи, бездна индивидуальной художественной свѣжести, при удивительномъ умѣньи пользоваться формами природы и стильно приспособлять ихъ къ назначенію предмета. Мелкая пластика начала процвѣтать въ XVI в., но особаго расцвѣта достигла въ XVIII стол.; изъ знаменитыхъ мастеровъ Еііу, которому принадлежитъ, напр., чашка меча со цвѣтами (рис. 2 на табл. VI), жилъ на рубежѣ XVII и XVIII вв., а Мива-старшій и Тадатоши (ихъ нецке на табл. VIII) — въ концѣ XVIII стол.

Живопись проникла въ Японію, какъ и письменность, изъ Китая, и орудія живописи остались донинѣ у японцевъ общія съ китайцами. Масляная живопись имъ была неизвѣстна. Они пишутъ исключительно акварелью по бумагѣ или по шелку, не знаютъ ни карандашей, ни употребленія пера, — никакихъ твердыхъ и неподатливыхъ орудій живописи. Японскіе «какемоне» — картины — пишутся тушью и акварельными красками на бѣломъ шелку или на несравненной японской бумагѣ. Никогда японецъ, имѣющій нѣсколько «какемоне», не вывѣшиваетъ ихъ всѣ сразу; они хранятся свернутыми, и изъ нихъ выбираютъ для украшенія тѣ, которыя болѣе подходятъ къ данному случаю, къ данному времени года или ко вкусу гостей, которыхъ ждетъ хозяинъ. Содержаніе японскихъ картинъ безконечно разнообразно. Такъ какъ японскіе художники охотно берутъ сюжеты и изъ мифологии, и изъ героическаго эпоса, то содержаніе многихъ такихъ картинъ непонятно европейцамъ безъ соотвѣтствующихъ объясненій. Но даже и тутъ, при непонятности сюжета, въ нихъ для насъ много совершенно особенной привлекательности, находящейся въ зависимости, конечно, отъ тонкаго прирожденнаго вкуса ихъ художниковъ, отъ удивительно нѣжныхъ красокъ и дѣйствительно неподражаемаго мастерства въ рисунокѣ. Надобно замѣтить, что японскія картины именно героическаго и историческаго содержанія менѣе всего способны нравиться европейцамъ; въ нихъ бросаются въ глаза съ наибольшою рѣзкостью всѣ непріятныя особенности японскихъ художниковъ; посадка и группировка фигуръ въ нихъ принужденныя, форма не всегда эстетична, погрѣшности противъ чувства мѣры очень часты. Повидимому, однако, всѣ эти особенности имѣютъ на этихъ именно

картинахъ значеніе условное, потому что въ области жанра японскіе художники совершенно свободны отъ этихъ недостатковъ. Особенной же силы достигаютъ японскіе худржники въ пейзажной живописи.

Творцомъ японской національной живописи историки считаютъ Косе Кана-ока, жившаго въ IX вѣкѣ. О немъ сложилась легенда, очень напоминающая легенду о Зевксѣ: рассказываютъ, будто лошади, написанныя имъ въ одномъ изъ храмовъ въ Нуинаи, были такъ живы, что по ночамъ выходили изъ рамъ и мчались по полямъ. Отъ Кана-оки до Цунетаки въ XIII вѣкѣ господствовало направленіе въ живописи, данное первымъ: это была живопись больше религіозная, чѣмъ свѣтская, хотя и не исключительно.

Цунетака былъ вице-губернаторомъ провинціи Тоса, и, начиная съ него, какъ, художественнаго родоначальника, цѣлая плеяда талантливыхъ художниковъ, усвоившихъ себѣ его направленіе, носитъ въ Японіи названіе художниковъ *школы Тоса*. Характерная черта этой школы—аристократичность, а искусство той эпохи можно назвать придворнымъ. Наибольшаго совершенства достигаютъ художники школы Тоса въ изображеніи птицъ, цвѣтовъ, плодовъ и т. п. (*nature morte*). Къ лучшимъ живописцамъ этой школы принадлежатъ Мицуоки († 1691 г.), Мицугоси († 1772 г.) и Мицусада († 1806 г.).

Если школа Тоса была придворной школой микадо, то развившаяся затѣмъ *школа Кано* является придворной школой сѣ-гуновъ. Характерная особенность новой школы—*натурализмъ*, постепенно въ ней развивающійся и достигающій сильнѣйшаго выраженія у художника-пейзажиста Мотонобу (1475—1559). Первые начатки новаго направленія замѣчаются уже въ XV вѣкѣ, въ знаменитой картинѣ «Смерть Будды», кисти Мейсіо († 1427 г.) и еще болѣе въ работахъ Сессю (1414—1506), явившагося основателемъ японской живописи чернымъ по бѣлому въ большомъ размѣрѣ. Къ той же школѣ, учителемъ и сознательнымъ поборникомъ которой былъ Кано Матонобу (1475—1559), давшій всей школѣ свое имя, принадлежитъ, кромѣ многихъ другихъ, знаменитый пейзажистъ Таню (1601—1674) и художники Нанобу (ум. въ 1651 г.), Циненобу (ум. въ 1683 г.) и Сансецу (ум. въ 1654 г.).

Въ XVII стол., подъ вліяніемъ послѣднихъ четырехъ мастеровъ, начинается широкое развитіе общенароднаго японскаго искусства, рѣшительно оставившаго сферы аристократическую и миѳологически-буддистскую и подошедшаго ближе къ широкой народной жизни, къ родному пейзажу. Это новое натуралистическое направленіе, извѣстное подъ названіемъ *Укйюйе* (школа юдоли скорби), было основано въ срединѣ XVII в. живописцемъ Матагеи, писавшимъ правдивые, полные жизни типы, группы и сцены изъ быта низшихъ клас-

совъ народа. Любопытно то, что насколько въ нашихъ глазахъ именно это направленіе, полное смѣлости, яркости и фантазіи, является лучшимъ выраженіемъ японскаго искусства, настолько же въ глазахъ многихъ японцевъ оно оцѣнивается какъ искусство низшее, годное для толпы, но не для высшихъ сферъ.

Сильно подвинули впередъ съ тѣхъ поръ японское искусство въ томъ же направленіи Гисикава Моронобу въ Кіото (1646—1717), ученикъ и послѣдователь Матагеи, пробудившій въ японской *массѣ* вкусъ къ живописи; онъ же впервые придалъ художественную силу и законченность хромоксилографіи (печатанію красками), которая съ того времени играетъ видную роль въ японскомъ искусствѣ, и въ которой особую школу (*школу Торіи*) создалъ великій Торіи Кійонобу (1688—1755), прославившійся остроумными изображеніями актеровъ. Въ теченіе той же эпохи появился и знаменитый Коринъ (1660—1710), истинный, родоначальникъ японскаго импрессионизма, «самый японскій изъ всѣхъ японскихъ живописцевъ»; это—рѣзкій реалистъ, чрезвычайно бравурный и смѣлый въ выполненіи своихъ картинъ. Главнымъ образомъ, онъ посвящалъ себя лаковой живописи. Во второй половинѣ XVIII стол. народилась *школа Сійо* (названіе по одной изъ улицъ Кіото), которая держалась того же почти направленія, что и школа Укійоёе, но шла преимущественно по колеямъ, проложеннымъ китайцами; главные представители этой школы: Окіо (1733—1795), Госунъ (собственно Геккеи, онъ же Ёнцанъ; 1741—1811), Сосенъ (1747—1821) и Ёсаи (1787—1871). Послѣдній, впрочемъ, подражалъ уже европейскимъ художникамъ, сохранивъ въ своемъ стилѣ мало китайскаго. Традиціи школы Укійоёе продолжалъ Кійонага (1750—1814), представитель «величественно-простого и прекраснаго», величайшій мастеръ по части хромоксилографіи; достойнымъ соперникомъ его въ этой области явился Кацукава Сунсо (ум. въ 1792 г.), отдѣлившійся отъ школы Укійоёе и явившійся самымъ пламеннымъ изобразителемъ артистовъ театральной сцены и артистокъ по части любви. Къ Кійонагѣ примыкаетъ по стилю знаменитый Утамаро (1754—1797), въ полиптикахъ котораго рѣзко выступаетъ фантастическій символизмъ, характеризующій его какъ художника эпохи упадка; фигуры и лица у него вытянулись, женщины стали отличаться болѣзненно-вялыми движеніями (ср. рис. 2 на табл. VII).

Въ XIX стол. попрежнему господствуетъ школа Укійоёе, особенно въ лицѣ знаменитѣйшаго изъ японскихъ художниковъ Гокусаи (1760—1849). Удивительно многосторонній и трудолюбивый, онъ произвелъ несмѣтное количество картинъ, рисунковъ, но, главнымъ образомъ, гравюръ на деревѣ. Ему принадлежитъ, между прочимъ,

14-томный «Манъ-гуа»—сборникъ бѣглыхъ эскизовъ, изображающихъ всевозможные сюжеты историческіе и современные, особенно изъ повседневной народной жизни, напечатанные всего тремя досками и легкими тонами; изъ его ландшафтныхъ ксилографій особенно извѣстностью пользуются сто печатанныхъ двумя досками видовъ горы Фуджи, этого свидѣтеля вѣчности, неизмѣнно взирающаго на юдолю скоропреходящей человѣческой жизни (см. рис. 1 и 3 на табл. VII). Въ смыслѣ внутренняго содержанія, произведенія Гокусаи не отличаются особенною глубиною мысли, но въ нихъ много любви къ правдѣ, тонкаго вкуса, теплаго чувства природы и нерѣдко юмора, который надъ всѣмъ смѣется, потому что все видитъ насквозь. По непосредственности же въ передачѣ каждаго предмета съ его наиболѣе характерной и наиболѣе естественной стороны, по смѣлости и твердости рисунка, по національной своеобразности чувства живописности — трудно найти въ Японіи художника, равнаго Гокусаи; сохранивъ національныя черты художественнаго творчества, Гокусаи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ пониманіи перспективы сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Въ этомъ отношеніи еще дальше его ушелъ У та г а в а Т о й о г и р о (ум. въ 1828 г.), но особенно ученикъ послѣдняго Х и р о ш и г е (1797—1858), у котораго появляются европейская перспектива, европейская передача тѣней, европейская зеркальность воды; но эти, все еще далеко не вполне усвоенные имъ, техническіе успѣхи нисколько не нарушаютъ у Хирошиге его основного, сильно декоративнаго, японскаго приѣма передавать природу (см. рис. 1 на табл. VIII).

Въ конечномъ итогѣ слѣдуетъ признать, что въ живописи, какъ и въ поэзіи, японцы не столько психологи, сколько біологи. Трактовка жизни и отношеній людей, какъ самостоятельной темы, мало свойственна японскимъ художникамъ. Но въ то же время и фотографами, рабскими воспроизводителями природы, японскіе художники никогда не были. Что касается ихъ техники, то, можетъ-быть, величайшимъ достоинствомъ ихъ произведеній является простота приѣмовъ, удивительная ограниченность средствъ, съ помощью которыхъ достигаются и передаются настроенія, поразительныя по силѣ, глубинѣ и правдѣ. Въ Европѣ стремленіе уподобиться японскимъ мастерамъ, благодѣтельное съ одной стороны, повело съ другой къ усиленной стилизаціи живописи, къ внѣшней подражательности общимъ приѣмамъ и типу японскихъ картинъ.

Промышленное искусство стояло въ Японіи очень высоко уже въ давно прошедшія времена, со времени же утвержденія въ Японіи фабрики, многія отрасли художественной промышленности пали, но нѣкоторыя особенно пышно расцвѣли именно въ послѣднія десятилѣтія (см. выше, стр. 212 и сл.).

Японская музыка.

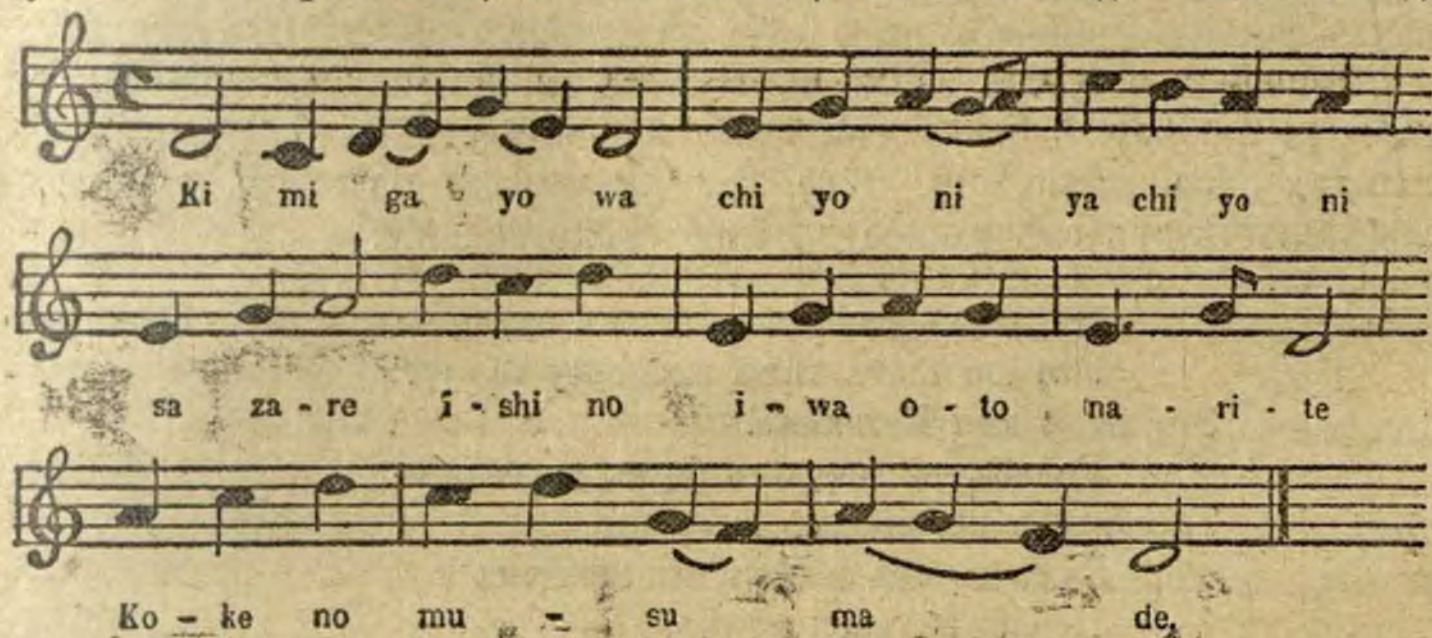
Н. Д. БЕРНШТЕЙНА.

Японскія легенды повѣствуютъ, что лишь съ помощью музыки удалось выманить богиню солнца изъ пещеры, въ которую она во гнѣвѣ удалилась (ср. выше, стр. 47). Музыкѣ, слѣдов., съ самаго начала существованія міра, земля обязана освобожденіемъ отъ мрака и водвореніемъ свѣта, силѣ музыки подчиняется даже богиня, и по всему этому вполне естественно, что въ странѣ «Восходящаго Солнца» музыкальнымъ инструментамъ придаютъ символическое значеніе и причисляютъ ихъ къ главнымъ принадлежностямъ культа Синто.

Не только синтоизмъ, но и конфуціанство и буддизмъ отводятъ музыкѣ первенствующее, почетное мѣсто. Самое замѣчательное божество, олицетворяющее собою идеаль прекраснѣйшаго: женщины, семьи, гармоніи и моря—этой главной кормилицы великаго Ниппона—богиня Бенъ-заи-тенъ-нью или Бентенъ, это восьмирукое божество добрыхъ дѣлъ, считается также изобрѣтательницею лютни и покровительницею чуднаго голоса. «Не разъ, говоритъ Гюмберъ, случалось мнѣ слышать, по захожденіи солнца и иногда даже въ глухую ночь,—звуки тамбуриновъ, составляющихъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, весь оркестръ храма Бентена. Бонзы (жрецы) безъ конца бьютъ въ этотъ монотонный инструментъ, соблюдая всегда одинъ и тотъ же темпъ, напримѣръ: четыре удара ровныхъ и звучныхъ, и вслѣдъ за ними четыре такихъ же ровныхъ, но глухихъ, и такимъ образомъ они повторяютъ одно и то же цѣлые часы, составляющіе, вѣроятно, условное время, необходимое для удаленія злыхъ вліяній. Ничто не можетъ сравниться съ заунывнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ этотъ глухой, размѣренный шумъ, когда онъ сливается, въ глубокой тиши ночи, съ завываньемъ вѣтра въ высокихъ кедрахъ и гуломъ морскихъ волнъ». Эта монотонность какъ бы силится выразить невыразимую глубину проповѣди, высокое философское воззрѣніе, итогъ буддійскаго исповѣданія; «торжество вѣчности надъ мимолетнымъ временемъ, безконечнаго величія Нирваны въ сравненіи съ низменною суетностью человѣческой жизни».

Участіе музыки на всѣхъ торжествахъ, при всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ обязательно; она исполняется самими жрецами и стоитъ всегда на первомъ планѣ. Она постоянно въ самомъ широкомъ употребленіи, ибо Японія—страна праздниковъ: вѣчно и вездѣ воздухъ оглашается звуками пѣнія, большихъ барабановъ, тамбуриновъ, мѣдныхъ гонговъ и бронзовыхъ колоколовъ. Но языческая Японія, съ ея ребяческимъ фиглярствомъ, съ ея священными церемоніями и процессіями, понынѣ еще, однако, хранитъ въ своихъ нѣдрахъ тотъ зародышъ, изъ котораго со временемъ образуется національная музыка.

До насъ не дошли какіе-либо несомнѣнные памятники японской музыкальной древности, мы не знаемъ, какого мелодическаго склада,

Ki mi ga yo wa chi yo ni ya chi yo ni
 sa za - re i - shi no i - wa o - to na - ri - te
 Ko - ke no mu - su ma ma de,

Японскій національный гимнъ.

какого словеснаго содержанія были ея древніе мотивы, ея пѣсни. Для сужденій о древней японской музыкѣ не даетъ матеріала и японскій національный гимнъ, хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, онъ очень древняго происхожденія. Гимнъ этотъ чуть ли не кратчайшаго мелодическаго склада. Содержаніе его приблизительно такого рода: «Да продлится держава нашего императора тысячи да тысячи лѣтъ, пусть онъ царствуетъ, пока камни въ скалы превратятся, пока мохъ затвердѣетъ». Впрочемъ, древность японскаго гимна не доказана. Музыку къ японскому народному гимну скомпановалъ германскій капельмейстеръ Эккертъ. Этотъ Эккертъ былъ вызванъ въ Японию организовать военные оркестры въ преобразованной японской арміи, и онъ первый обратилъ вниманіе на то, что у японцевъ нѣтъ народнаго гимна. Была образована поэтому особая комиссія, которая рѣшила превратить въ гимнъ старинное японское стихотвореніе «Кимигаё». Эккертъ сочинилъ къ этому стихотворенію музыку, комиссія пришла въ восторгъ и нашла, что въ ней удивительно сохранена

японская мелодія. Спустя нѣсколько лѣтъ явились указанія, что Эккертъ вовсе не воспользовался народными японскими мелодіями, а взялъ готовую музыку изъ одной игривой и не совсѣмъ скромной пѣсенки и примѣнилъ ее къ японскому гимну.—Но если у насъ и нѣтъ данныхъ для сужденія о древней японской музыкѣ, то безспорно, что японцы издревле были большими любителями музыки: объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ древнія хроники.

При сотвореніи міра музыка оказываетъ японскому человѣчеству громадную услугу, въ шестомъ столѣтіи до Р. Хр. она спасаетъ японское государство отъ гибели. Первый микадо Цзин-му, какъ нѣкогда Тиртэй спартанцевъ, воодушевляетъ своими боевыми пѣснями своихъ воиновъ къ новому нападенію на непріятеля,—музыка оживляетъ ихъ, и побѣда остается за ними. Музыка же, на ряду со стихами, доставляла побѣду и на всенародныхъ поэтическихъ состязаніяхъ—утагакахъ (ср. выше, стр. 274). О роли музыки на этихъ турнирахъ свидѣтельствуемъ слѣдующее древнее стихотвореніе:

Въ моихъ рукахъ самизенъ звучитъ:
Кто внемлетъ тамъ нѣжному звуку?
Это ты, о моя Кагехиме!
Еслибъ ты перломъ была, дорогая,—
То самымъ красивымъ была бы,
Самымъ красивымъ, блестящимъ
Перломъ-Аваби моимъ!

До недавняго времени въ Японіи считалось, что дѣвушка получила хорошее воспитаніе, если она знала игру на самизенѣ или даже на кото (игра на яемъ труднѣе).

Первоначальный источникъ японской музыки, пишетъ докторъ Мюллеръ въ журналѣ «Народо-и естествовѣдѣніе восточной Азіи», лежитъ въ Китаѣ и Корей, но источникъ этотъ не остался въ своей неприкосновенности. Извѣстно, что китайцы пришли давнымъ-давно ко многимъ совершенно правильнымъ музыкальнымъ выводамъ; но если они и знали 12 полутоновъ, квартовые, квинтовые круги и еще многое другое, то все это въ строжайшемъ консерватизмѣ хранилось въ теоріи, а практика довольствовалась самыми первобытными приемами, съ дѣтской наивностью скандируя на своихъ примитивныхъ инструментахъ и до нелѣпости щеголяя своею безобразною замкнутостью. Совершенно иное мы видимъ у японцевъ, съ ихъ духомъ, но китайскимъ знаніемъ: заимствованное у китайцевъ они стремятся переработать по-своему, но къ чему они пришли въ музыкѣ, этого опредѣлить еще не можемъ. Въ частности, японскія мелодіи, собран-

ныя фонъ-Зибольдомъ и арранжированныя для фортепiano Клипферомъ, не даютъ никакихъ положительныхъ понятій о японской музыкѣ: онѣ, какъ наши пѣсни временъ Екатерининскихъ, лишены самобытности, не имѣютъ опредѣленной національной физиономіи.

Микадо, осебенно-же сѣ-гуны, иногда даже и дайміо содержали свои частные оркестры. Свѣтская музыка сѣ-гуна носитъ названіе «Но», духовная музыка микадо—«гагакку» или «гакку». Поэтому и музыканты, исполняющіе одну духовную музыку, единственные, которые теоретически образованы и владѣютъ чтеніемъ нотъ, именуется: «гаккунинъ».

Современные профессиональные музыканты въ Японіи образуютъ цехи; какъ наши бывшіе скоморохи, они странствуютъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, и, какъ наши «виртуозы» на гармошкѣ, балалайкѣ или гитарѣ, всѣ они—самоучки, ничего не знающіе о нотахъ и теоріи.

Уже въ этомъ японцы рѣзко отличаются отъ китайцевъ. Въ «Небесной имперіи» музыка составляетъ привилегію особаго класса; бывають люди не играющіе, но теоретики, а обратный случай, какъ это имѣетъ мѣсто въ Японіи, тамъ не наблюдается.

Въ общемъ музыканты раздѣляются въ Японіи на слѣдующія категоріи:

1) «Гаккунины», пользующіеся высшимъ почетомъ. Даже дайміо разучивали у нихъ ихъ духовную музыку, которая исполняется только у микадо.

2) «Генины», занимающіеся свѣтской музыкой, но въ теоріи и нотахъ ничего не смыслящіе. Игрокъ на «кото»—единственный, который знаетъ лады и нотацію свѣтской музыки.

3) Слепые, исполняющіе одну простую музыку. Этотъ третій классъ имѣетъ два побочныхъ почетныхъ чина, которые приобрѣтаются деньгами: а) Кенгіо и б) Кото.

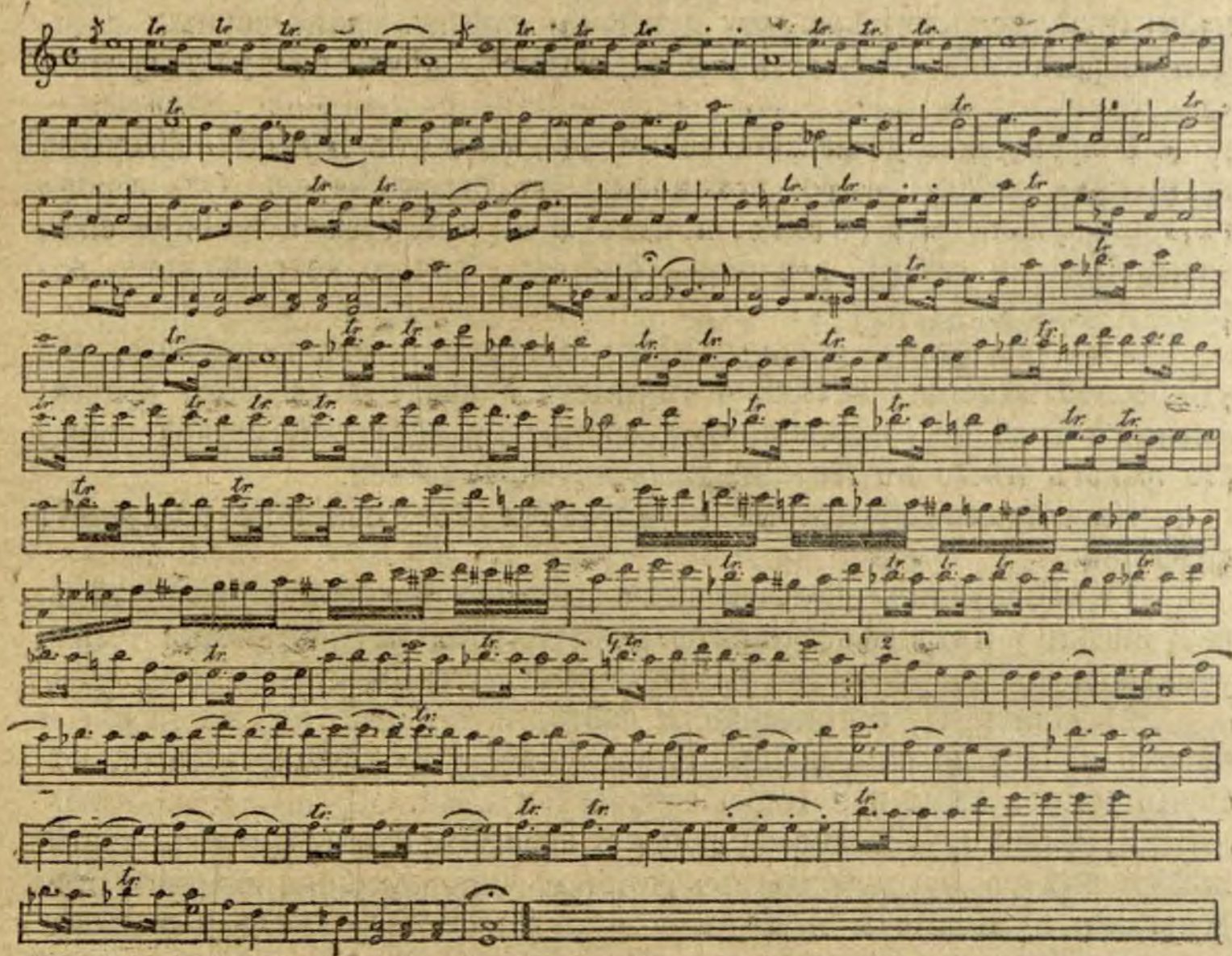
4) Женщины-музыкантши, стоящія какъ въ музыкальномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ на очень низкомъ уровнѣ. Къ этому разряду могутъ быть отнесены и многія гейши.

Что касается японскаго репертуара, то имѣется у нихъ народная музыка, такая, которая поется мужикомъ, рыболовомъ и др. при работѣ; мотивы ихъ напоминаютъ мѣрную, однообразную псалмодию и подходятъ, по мнѣнію Моксизи, къ пѣнію горныхъ жителей Шотландіи. Но есть у нихъ и другой родъ мелодій—высшаго сорта, и эти-то уже принадлежать одному изъ музыкальныхъ цеховъ и могутъ быть только имъ исполняемы. Для каждой музыки существуютъ отдѣльные инструменты; такъ, напр., для священной—подъ названіемъ «чистыхъ»—«каккуки», для древне-японской, и для «не-

чистой». Тѣ инструменты, которые употребляются при священной музыкѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть примѣняемы при исполненіи другого музыкальнаго рода въ оригинальномъ своемъ видѣ: они должны быть тогда измѣняемы или по виду, или по числу струнъ.

Японскіе инструменты очень просты, они безъ всякихъ вентилей

Играть на одну октаву выше.

Образецъ японскаго фудзію.

или клавиатуръ: они—ударные, духовые или струнные, точно такіе же, какъ у китайцевъ. Чисто японскимъ инструментомъ является, по Науману, сильно трескучій гобой. Онъ состоитъ изъ морской раковины и мундштука, имѣющаго форму трубки, а единственный струнный инструментъ, существующій у японцевъ и почти невѣдомый у китайцевъ,—по Размадзе—самизень. Это—самый обычный инструментъ, пользующійся большимъ распространеніемъ и употребленіемъ. Имъ аккомпанируютъ пѣнію, на немъ преимущественно играютъ гейши и на-

родъ. По Размадзе, онъ состоитъ изъ почти кубическаго небольшого ящика (примѣрно въ одинъ кубич. футъ) безъ всякихъ отверстій, съ прикрѣпленной къ нему въ видѣ грифа изогнутой, длинной шейкой; струнъ на самизенѣ три; привязываются онѣ наглухо на колкахъ, а на оконечности грифа укрѣпляются на винтахъ довольно первобытнаго устройства, при помощи которыхъ инструментъ и настраивается. Играютъ на самизенѣ лопаточкой, изъ рога, дерева или черепахи, которою играющій загибываетъ струны, значитъ—чѣмъ-то въ родѣ греческаго плектрона (по-японски «батзи»). Но имѣются у японцевъ также инструменты, на которыхъ играютъ смычкомъ—посредствомъ «киу». Таковъ инструментъ—кокиу, нѣчто похожее на нашу виолончель (играющій ставитъ его себѣ между колѣнъ). Волосы въ смычкѣ конскіе. Самизенъ имѣлся въ музеѣ покойнаго князя Вл. Ө. Одоевскаго и чуть ли не отъ него поступилъ въ коллекцію московской консерваторіи. По звуку эти струнные инструменты лютнеобразнаго характера. Кокиусты играютъ старинныя пьесы, унаслѣдованныя ими отъ предковъ, такія называются—фудзію (см. нотный образецъ на стр. 308) или обычные современные мотивы—сохою.

У японцевъ имѣется, далѣе, масса всякаго рода и вида ударныхъ инструментовъ. У нихъ барабаны, имѣющіе форму солнечныхъ часовъ, которые располагаютъ горизонтально и ударяютъ по нимъ съ обѣихъ сторонъ, цилиндрическія литавры и аппараты со звоночками, которыми потрясаютъ, совершенно похожія на наши дѣтскія побрякушки, и такъ далѣе.

О японской нотаци рѣдко кто распространяется. Берлинскій профессоръ музыковѣдѣнія Оск. Флейшеръ, написавшій прекрасный трудъ о старинномъ нотномъ письмѣ вообще (Neumen-Studien), говоритъ «японцы пользовались или пользуются акцентуаціею, которою они снабжаютъ свои декламаціи». Книга съ японскою нотаціею имѣется у г-на Флейшера, но разобрать эти ноты ему не удалось. Сами японцы не знаютъ ихъ значенія. Главнѣйшіе и чаще всего употребленные знаки слѣдующаго вида: \angle \backslash $-$. По цѣлымъ страницамъ каждое слово снабжено однимъ изъ этихъ трехъ знаковъ. О такой же нотаци и въ настоящее время говоритъ А. Фишеръ въ своей книгѣ о Японіи.

Тонъ у японцевъ, въ ихъ пѣснопѣніяхъ, тѣснѣйшими узами связанъ со словомъ, и какъ у нѣкоторыхъ людей звукъ производитъ всегда одинаковое впечатлѣніе известнаго цвѣта, такъ у японца мотивъ всегда представляется чѣмъ-то содержательнымъ: при каждомъ тонѣ онъ привыкъ что-нибудь да себѣ думать. Это заставляетъ полагать, что музыка у японцевъ дѣйствительно живая рѣчь—она для нихъ имѣетъ чуть ли не большее значеніе, чѣмъ для насъ. Сыну «Восходящаго Солнца»

каждый тонъ что-нибудь говорить, имѣеть свое содержаніе. Должно-быть, поэтому, одинъ японецъ, не знающій гармоніи, въ первое время своего пребыванія въ Берлинѣ никакъ не могъ понять, что играютъ: если онъ привыкъ при одномъ звукѣ вызывать въ себѣ какое-либо опредѣленное представленіе, то при сочетаніи многихъ звуковъ выходила чепуха.

Вообще мы японской музыки не понимаемъ, она для насъ такая же загадка, какъ наша—для сыновъ «Восходящаго Солнца». «У японскаго посланника—пишетъ де Волленъ—появилась предъ европейскими гостями одна изъ лучшихъ японскихъ актрисъ, но одинъ ужъ видъ ея казался намъ до того комичнымъ, что вся наша публика покатила со смѣха. Однако, я знаю другой случай. Японцы-туристы присутствовали при представленіи въ парижской «Большой Оперѣ». Когда выступила примадонна и начала выводить высокія ноты, то японскими слушателями овладѣлъ такой неудержимый смѣхъ, что представленіе пришлось остановить на самомъ интересномъ мѣстѣ». «Наша музыка—говорятъ китайцы—проникаетъ черезъ уши въ сердце, а оттуда въ душу», а слушая европейскую пѣсню, они получаютъ впечатлѣніе: «вотъ воютъ собаки». Съ другой стороны, всѣмъ почти европейцамъ все китайское и японское кажется до такой степени кошачьей музыкой, что удивляются, какъ такую какофонію слушать можно *).

Только Гюмберъ замѣчаетъ безъ всякаго предубѣжденія: «что касается музыкальныхъ японскихъ наслажденій, то слѣдуетъ сказать правду—цѣну ихъ могутъ постигать одни мѣстные жители. Въ японской мелодіи есть нѣчто странное и неуловимое для европейскаго уха. Музыкальная система, на которой она основана,—еще не извѣстна. Японская музыка изобилуетъ полутонами, если только не четверть-тонами. Она нерѣдко переходитъ въ одной и той же фразѣ изъ мажорнаго тона въ минорный и оканчивается вовсе не въ тонъ». Ф. Ж. Фетисъ замѣчаетъ, «что собранныя Зибольдомъ мелодіи, повидимому, противорѣчатъ всякому предположенію о сходствѣ съ китайской музыкой, потому что въ нихъ мы нисколько не замѣчаемъ пропусковъ, свойственныхъ нотной шкалѣ китайцевъ». Такимъ образомъ, въ японской музыкѣ, какъ и въ японскомъ языкѣ, кроется тайна особой системы, которая не подходитъ рѣшительно ни къ чему изъ того, что намъ извѣстно въ западномъ мірѣ и на крайнемъ востокѣ.

Музыканты театральнаго оркестра, какъ и музыканты, исполняющіе духовную музыку, носятъ шапку въ родѣ древняго національнаго плема, полукруглаго, безъ гребня и съ продолженіемъ, назначеннымъ для защиты затылка.

*) Веберъ, однако, взялъ для увертюры къ пьесѣ Шиллера «Турандо» китайскую мелодію.

Ихъ главные инструменты—флейта-траверсъ, флейта Пана, гобой (вогнутая морская раковина), литавры и гонгъ, называемый «какъ-дти-ко». Послѣдній составляетъ кругъ, величиною съ половинку ширмы, обтянутый выдѣланной кожей, стоящій на толстой ножкѣ и разукрашенный символическими фигурами и пламенемъ, имѣющими, по всей вѣроятности, какое-нибудь соотношеніе къ поклоненію солнцу.

Въ конечномъ итогѣ необходимо признать, что, несмотря на всѣ наклонности и способности японцевъ, имъ вообще не удалось пока сказать вѣское слово въ музыкѣ, что у нихъ все это искусство въ крайне младенческомъ состояніи, что они для насъ музыкальные варвары. Тысячелѣтія внесли очень мало переменъ въ эту область, и даже время оказалось здѣсь безсильнымъ! Но одинъ обычай исчезъ. По Науману, «японскіе посланники на первой аудіенціи у иностранныхъ государей, при которыхъ они были аккредитованы, обращались не съ рѣчью, но съ пѣніемъ. При этомъ, продолжаетъ Науманъ, мы, конечно, не смѣемъ предполагать, что пропѣтый посломъ ультиматумъ звучалъ подобно какому-нибудь поздравленію. «Дипломатическія ноты» поэтому имѣли въ Японіи двойной смыслъ и здѣсь впервые вполнѣ оправдывали свой общепризнанный характеръ двусмысленностей. Японскіе послы нынче не поютъ, но японскія дипломатическія ноты остались двусмысленными по своему содержанію, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ послѣдняя японская нота Россіи, въ которой говорилось о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, а въ виду имѣлась война...

Общественный, домашний и религиозный бытъ Японіи.

Г. ВОСТОКОВА.

Страна, люди, жилища.

— Вы пріѣхали изъ Японіи? Расскажите намъ про желтую опасность!

— Она очаровательна!

Белльсортъ (Bellessort), авторъ «La société japonaise» (1904)—книги, увѣнчанной премією французской академіи,—начинаетъ съ этого маленькаго діалога предисловіе къ своему сочиненію. Это—комплиментъ, но въ немъ, надо признаться, остроумно и рѣзко отмѣчаются сразу двѣ главныя и наиболѣе интересныя стороны, выступающія предъ европейцами, знакомящимися съ Японіей.

Первая серьезная сторона—это та загадочная, мало понятная до сихъ поръ основа японскаго народнаго характера, та чуждая Европѣ сущность бытового строя Японіи, то нѣчто, что точно притаилось въ этой странѣ и ея народѣ, но чувствуется нами по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ ней; эта тайна Японіи заставляеть насъ недоувѣрчиво насторожиться и уже изъ одного чувства самосохраненія быть, на всякій случай, готовымъ къ отпору. Японцевъ слишкомъ часто до сихъ поръ называли народомъ-ребенкомъ, и вотъ европеецъ, принявшій этого ребенка въ тѣсный кругъ своей европейской семьи, натывается въ немъ неожиданно на нѣчто, вполне сложившееся, упирается въ опредѣленный народный характеръ, который, при всей своей видимой гибкости, очень упругъ и стоекъ. Здѣсь—въ значительной мѣрѣ—источникъ возникновенія въ европейцахъ тревоги, идеи «опасности».

Вторая сторона—это та непреодолимая, несмотря на все недоувѣріе, привлекательность, то положительно подкупающее впечатлѣніе, которое вызываетъ Японія въ европейцахъ, близко подошедшихъ къ этой поэтической странѣ, и которая исторгаетъ прямо взрывы восторга даже у людей, заранѣе недоброжелательно настроенныхъ.

Все въ Японіи, начиная отъ природы и кончая людьми, поражаетъ, восхищаетъ и очаровываетъ европейцевъ; даже неодушевленные предметы кажутся обладающими въ Японіи своеобразною прелестью. «Если неодушевленные предметы—говорить знатокъ японской литературы Бале—имѣютъ, какъ утверждаютъ поэты, душу, то въ Японіи душа вещей обладаетъ чарующей силой, излучаетъ свое очарованіе на всѣхъ, кто приходитъ съ нею въ соприкосновеніе».

Эрнстъ фонъ Гессе-Вартекъ, занимающій безспорно одно изъ болѣе видныхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ писателей и путешественниковъ послѣдняго времени, въ такихъ выраженіяхъ описываетъ впечатлѣніе перваго своего знакомства съ Японіей:

«Когда предъ моимъ умственнымъ взоромъ проходятъ картины всѣхъ странъ, видѣнныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ земного шара, то я не могу себѣ представить ничего болѣе идиллически-прекраснаго, полнаго какой-то нѣги, чѣмъ этотъ райскій уголокъ восточной Азіи—Японію, а особенно ея море... На пути изъ Нагасаки къ Симоносеки я читалъ на пароходѣ многочисленныя описанія Японіи и невольно улыбался преувеличеннымъ похваламъ, расточаемымъ японскому Средиземному морю, преддверіе котораго какъ бы составляетъ Симоносеки. Но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія».

Путешественники по японскому Средиземному морю плывутъ въ теченіе цѣлыхъ дней исключительно въ лабиринтѣ изящныхъ, причудливыхъ, разнообразныхъ по величинѣ и по виѣшнему виду островковъ; ихъ тутъ цѣлыя тысячи, начиная отъ довольно крупныхъ и кончая островками, состоящими изъ нѣсколькихъ скалъ, вышиною въ нѣсколько метровъ.

«Всѣ эти островки необыкновенно живописны на видъ и такъ красиво сгруппированы, что, глядя на эту идеальную красивую панораму, стоишь какъ очарованный и не можешь глазъ отъ нея оторвать. Всѣ пассажиры нашего парохода цѣлый день проводятъ на палубѣ и не могутъ оторваться отъ безпрестанно смѣняющихся картинъ и видовъ. Когда пришло время обѣда, то прислуга потеряла всякое терпѣніе, приглашая насъ къ столу звонкими и громкими ударами въ гонгъ»...

Такъ встрѣчаетъ японская природа своихъ гостей.

Такъ же ласково и гостепримно, какъ встрѣчаетъ европейцевъ японская природа, встрѣчаютъ ихъ и люди. Сами японцы, съ ихъ привѣтливими и ласковыми манерами, весь строй ихъ жизни, домашней и уличной, подкупаютъ европейцевъ своей живописной граціей, простотой и особенной, однимъ японцамъ свойственной, кокетливой любезностью.

Отпечатокъ чего-то не столько дѣтскаго, сколько женственнаго

лежить на людяхъ, вещахъ, обстановкѣ и бытѣ японцевъ. Тонкій запахъ цвѣтовъ, встрѣчающій васъ въ домѣ каждаго японца, изящныя мелкія вещицы, подвижная, капризная внѣшность всего, что составляетъ несложную и крайне оригинальную обстановку японскаго дома; висящія на стѣнахъ даже самыхъ бѣдныхъ жилищъ «какемоне» — длинныя узкія полосы бумаги съ изящными рисунками на нихъ, вѣера съ написанными на нихъ непременно рукой самого поэта «ута» — двустипшіемъ, изящнымъ по формѣ и красивымъ по мысли, — все говоритъ вамъ о чисто-женскомъ изяществѣ и чутьѣ этого народа; манера, съ которою встрѣчаетъ васъ хозяинъ дома, его привѣтливая улыбка, ласковая рѣчь, весь этотъ букетъ этикета, не нарушающаго впечатлѣнія спокойной простоты, говоритъ вамъ о тонкой воспитанности. Взгляните на руки японцевъ, на эти небольшія нервныя руки, свидѣтельствующія о породистости и о культурѣ: онѣ живо напоминаютъ вамъ изящество и тонкую отдѣлку тѣхъ произведеній искусства, тѣхъ знаменитыхъ японскихъ бездѣлушекъ, которыя вышли изъ-подъ ихъ пальцевъ. Японцы несомнѣнно умѣютъ быть жестокими, но въ то же время съ какою нѣжностью прикасаются они къ обнаженнымъ ранамъ души друга! Они тщеславны, но, можетъ-быть, именно поэтому они никогда не забываютъ о вашемъ достоинствѣ и боятся задѣть и оскорбить васъ. Японцамъ свойственно стремленіе нравиться въ мѣрѣ, быть-можетъ, гораздо бѣльшей, чѣмъ это свойственно мужчинамъ у насъ; слушая чужую похвалу, они какъ-будто утверждаютъ въ своемъ хорошемъ мнѣніи о самихъ себѣ. Вездѣ вокругъ себя они распространяютъ ту атмосферу гармоніи, которая такъ необходима ихъ утонченнымъ чувствамъ; они умѣютъ самымъ незначительнымъ словамъ придавать глубокое и таинственное значеніе и смыслъ, и понятно, что въ Японіи вы не услышите почти никогда грубыхъ и рѣзкихъ словъ, не увидите грубыхъ жестовъ. Ихъ богословы часто гораздо тоньше понимаютъ красоту вышитой матеріи, нежели глубоко-мысленныя выраженія и символы священныя книгъ, а философы ихъ одинаково высоко цѣнятъ изящество букета цвѣтовъ, какъ и мѣткость и остроуміе новой философской идеи.

Люди, изучавшіе исторію Японіи, почти всѣ утверждаютъ, что японцы малоизобрѣтательны, но что они при этомъ легко и хорошо усваиваютъ чужія изобрѣтенія. Д-ръ Тенъ-Кате, повторяя слова Кольбриджа, сказанныя о яванцахъ, говоритъ о японцахъ: «прекрасная воспроизводящая машина, правдивый фотографическій аппаратъ, часто одаренный при этомъ артистической жилкой, но безъ инициативы, безъ творческой мысли» [д-ръ Кате, принадлежащій, между прочимъ, къ крайнимъ японофобамъ, протестуетъ здѣсь, однако, противъ выраженій «превосходный» и «правдивый», такъ какъ для этого япон-

цамъ не хватаетъ, по его мнѣнію, способности глубокаго пониманія]. Интеллектуальная исторія Японіи, какъ это часто бываетъ у женщинъ, есть исторія ихъ романовъ. Увлеченные китайцами, они въ теченіе цѣлыхъ столѣтій японизируютъ у себя все китайское; теперь имъ вскружили голову европейцы, и они цѣликомъ отдаются насажденію у себя европейской культуры. Увлеченные, они обнаруживаютъ, повидимому, гибель симпатіи и довѣрчивости. Однако, подъ ихъ наружною подражательностью скрывается медленная и трудная работа усвоенія и измѣненія, передѣлки воспринятаго по-своему; благодаря этому мы впоследствии въ заимствованномъ ими у насъ натыкаемся на особенности не наши, намъ чуждыя. Если прибавить къ этому странное сплетеніе въ ихъ натурѣ естественнаго съ искусственнымъ, ихъ непостоянство и вѣчную загадку ихъ улыбки, то станетъ понятнымъ то впечатлѣніе и вмѣстѣ обаяніе женственности, которое производятъ японцы на европейцевъ.

Туристъ изъ другой части свѣта, попавшій въ любой изъ нашихъ европейскихъ городовъ, былъ бы поставленъ въ возможность изучать только уличную жизнь. Все, что совершается за крѣпкими непроницаемыми стѣнами нашихъ домовъ, осталось бы скрытымъ для него. Семья, домашній бытъ, вся интимная подкладка жизни тщательно скрываются нами отъ досадныхъ и навязчивыхъ взоровъ постороннихъ наблюдателей. Въ Японіи ничего этого нѣтъ.

Достаточно побыть нѣсколько часовъ на улицахъ японскаго города,—конечно, въ тѣхъ кварталахъ, которые еще не потеряли своей фizioноміи подъ наплывомъ европейскихъ новшествъ,—чтобы ознакомиться съ цѣлой массой подробностей интимнѣйшей жизни японцевъ, увидѣть ихъ среди ихъ домашнихъ занятій, среди ихъ семейной обстановки, наблюдать ихъ въ ихъ повседневныхъ будничныхъ отношеніяхъ.

Происходитъ это отъ того, что японцы живутъ въ домахъ совершенно своеобразнаго типа. Нашему представленію о домѣ какъ-будто и не соответствуетъ жилище этого народа; скорѣе всего, это—сквозные навѣсы, съ передвижными стѣнками какъ наружными, такъ и внутренними, позволяющіе видѣть съ улицы не только то, что въ нихъ, но и то, что за ними, въ садикахъ, находящихся обязательно за каждымъ городскимъ домомъ. Дома эти у зажиточныхъ классовъ двухъэтажные, у семей средняго и низшаго классовъ чаще всего одноэтажные. Въ домѣ, кромѣ деревянныхъ строилъ, поддерживающихъ кровлю, крытую или соломой, или черепицей (на кровляхъ людей богатыхъ черепицы фарфоровыя), есть всего одна неподвижная стѣнка деревянная, всѣ же остальные перегородки состоятъ изъ деревянныхъ рамъ съ натянутой на нихъ

бумагой; перегородки эти движутся въ пазахъ, устроенныхъ вдоль стропиль, и благодаря этому японцы имѣютъ всегда возможность разбивать помещенія своего дома на сколько угодно клѣточекъ, въ зависимости отъ того, какъ это имъ въ данномъ случаѣ удобнѣе.

Такія жилища устраиваются, конечно, не на фундаментахъ. Въ Японіи, кромѣ землетрясеній, свирѣпствуютъ тайфуны, и вотъ къ борьбѣ съ этими двумя врагами японцы и приспособляютъ типы и особенности устройства своихъ жилищъ и ихъ внутренней обстановки. Во многихъ мѣстахъ Японіи стропила, лежащія на землѣ, связаны между собою совершенно особеннымъ образомъ: въ мѣстахъ скрѣпленія отдѣльныхъ балокъ другъ съ другомъ насыпана дробь; получается особый видъ подвижного скрѣпленія, благодаря которому дома пріобрѣтаютъ способность нѣсколько наклоняться подъ давленіемъ налетѣвшаго тайфуна. Забавное и очень странное для европейскаго глаза зрѣлище представляетъ собою такая японская деревушка въ моментъ бѣшеннаго напора тайфуна: не только деревья, кустарники и высокія травы, но и домики наклоняются въ одну сторону подъ напоромъ вѣтра. Въ большихъ городахъ и селеніяхъ, густо застроенныхъ, гдѣ нѣтъ простора набѣгающему вѣтру, такія скрѣпленія не нужны.

На улицахъ городовъ изрѣдка среди рядовъ легкихъ домиковъ попадаются, однако, и небольшія, совершенно особаго типа, глинобитныя постройки. Это—не жилые дома, а сараи, въ которыхъ богатые японцы хранятъ свое болѣе цѣнное имущество, а торговцы—особенно дорогой и легко сгораемый товаръ. Эти зданія называются «кура» и представляютъ собою огнеупорныя постройки, съ глиняными стѣнами въ полъ-аршина толщины. Не взирая на матеріаль, изъ котораго они сдѣланы, они очень красивы на видъ. Крыши такихъ зданій сдѣланы изъ особенно плотной черепицы, толстыя двери и ставни устроены такъ, что ихъ зазубренные края заходятъ одни въ другіе. Оставшіяся щели во время пожара замазываются глиной, запасъ которой находится всегда подлѣ такой «кура». Когда начинается пожаръ, собственникъ «кура» вырѣзываетъ свое имя на свѣжей глинѣ,—такимъ образомъ, кура запечатывается и только послѣ пожара вновь открывается въ присутствіи свидѣтелей. И надо отдать справедливость: огнеупорныя постройки такого типа оказываются вполнѣ цѣлесобразными; пожары, свирѣпствующіе въ Японіи и уничтожающіе въ короткій срокъ цѣлые кварталы, оставляютъ эти «кура» почти нетронутыми.

Читатель видитъ, что, налаживая свой домашній бытъ, Японія должна была считаться съ совершенно особенными стихійными условіями. Легкій типъ ихъ построекъ прямо обусловленъ частыми землетрясеніями; то же обстоятельство выработало особую простоту, легкость, негромоздкость всей ихъ утвари, мебели,—всего, что во время колебанія

почвы могло бы, падая, легко ломаться или даже ушибить, ранить кого-нибудь. Извѣстно, что вѣрнѣйшее средство избѣгнуть опасности во время землетрясенія—немедленно покинуть домъ, выбѣжать на улицу вонъ изъ предѣловъ домовъ, гдѣ все рушится, обваливается и грозитъ опасностью остающимся внутри ихъ. Японцы живутъ въ открытыхъ домахъ, на половину всегда на улицѣ.

Всегдашняя готовность считается съ возможностью землетрясенія служить, однакоже, причиною тому, что японскія постройки представляютъ собою настоящій костеръ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Маленькіе домики, выстроенные изъ сухого дерева, съ бумажными стѣнами и соломенными крышами, всыхиваютъ какъ трутъ, и нечего и думать о спасеніи горящаго или сосѣдняго съ нимъ дома. Поэтому, когда на темномъ ночномъ небѣ Японіи появляется зарево или виднѣются огненные «цвѣты Іеддо», и со всякой каланчи доносится зловѣщій звукъ набата, беззаботнымъ населеніемъ сразу овладѣваетъ тревога. Во всѣхъ прилегающихъ къ пожарнищу кварталахъ начинаютъ думать о спасеніи.

И вотъ именно несложность и простота японской обстановки дѣлаютъ эту задачу нетрудной въ тѣхъ домахъ, гдѣ пожаръ еще не начался. Женщины бросаютъ въ какую-нибудь корзину свою домашнюю посуду, кухонную утварь, почти сплошь деревянную или металлическую, дѣвушки быстро скатываютъ тонкіе матрацы, соломенные циновки и одежды, мужчины вынимаютъ изъ назовъ даже передвижныя стѣны, обтянутыя бумагой; все это помѣщается на небольшой ручной телѣжкѣ и отвозится въ безопасное отъ огня мѣсто. Сгораютъ свая, стропила и крыша. Понятно, что японца не такъ сильно страшитъ пожаръ, какъ, напримѣръ, жителей нашихъ городовъ и деревень; зачастую японецъ, вчера погорѣвшій, сегодня живетъ уже въ такомъ же домѣ, какъ его вчерашній; у многихъ имѣются даже въ запасѣ заготовленные стропила и основная стѣнка новаго дома.

День на улицахъ японскаго города.

Интимная жизнь японцевъ, какъ мы уже выше сказали, открыта взору всякаго внимательнаго наблюдателя. Провести на улицѣ японскаго города день съ утра и до 10 или 11 часовъ ночи, внимательно всматриваясь во все, происходящее открыто въ домахъ,—безспорно самый вѣрный путь для ознакомленія съ домашнею жизнью японцевъ. Вы сразу увидите тогда всю городскую Японію, бѣдную и богатую, высшую и низшую.

Наблюдателю, желающему внимательно и спокойно всмотрѣться въ японскую уличную и домашнюю жизнь, надо обойти городъ пѣш-

комъ и отказаться отъ услугъ своеобразныхъ японскихъ извозчиковъ. «Рикша» (дженрикша)—это возница, который замѣняетъ и лошадь *). Къ вашимъ услугамъ чрезвычайно удобный экипажъ: это изящная легкая двухколесная викторія, запряженная вмѣсто лошади человѣкомъ. Почти совершенно обнаженные кули, превосходно сложенные, съ мускулистыми крѣпкими бронзовыми тѣлами, стоятъ возлѣ своихъ «курума», пролетокъ, и, держа шляпу въ рукахъ, вѣжливо, въ самой утонченной формѣ, предлагаютъ вамъ свои услуги, какъ только вы выйдете на улицу. Слово «о» (уважаемый) такъ и пестритъ въ ихъ фразахъ. Избавиться отъ предложенія такого «курумайя» не трудно; если вы въ простой и вѣжливой формѣ отклоните предложеніе, васъ навязчиво преслѣдовать, какъ вездѣ на Востокѣ, не будутъ.

Тротуаровъ на японскихъ улицахъ обыкновенно нѣтъ; только изрѣдка вы увидите на особенно широкой улицѣ одинъ тротуаръ посреди улицы. Да они здѣсь и не нужны. Всѣ здѣсь ходятъ пѣшкомъ или ѣздятъ на маленькихъ «рикшахъ». Поэтому-то здѣсь и легко держать улицы въ чистотѣ: чего не успѣваютъ убрать люди, съѣдаютъ цѣлыя стада куръ, которыя въ ранній утренній часъ выпускаются на короткое время изъ клѣтокъ.

Въ этотъ ранній часъ, кромѣ одинокихъ женщинъ, подметающихъ улицу около дома, можно видѣть на перекресткахъ сонныхъ полицейскихъ въ европейскихъ мундирахъ да еще озабоченно бѣгающихъ по улицамъ изъ-дома-въ-домъ кули съ длинными узкими кадками за плечами; эти люди собираютъ въ свои кадки накопившіяся за день въ домахъ нечистоты. Въ этотъ часъ на японской улицѣ пахнетъ нехорошо, но японцы равнодушнѣе къ этому запаху, нежели мы: японцы дорожатъ всякимъ удобреніемъ, и оно здѣсь цѣнится очень дорого. До сихъ поръ еще въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ обитатели нѣкоторыхъ домовъ платятъ за наемъ квартиры, вмѣсто денегъ, своими изверженіями. Такимъ образомъ, городскія нечистоты получаютъ въ Японіи очень полезное примѣненіе; однако, такое примѣненіе нечистотъ является здѣсь причиной, обуславливающей частыя эпидеміи тифа и холеры. Очень многіе японскіе города страдаютъ отъ недостатка воды. Водопроводы въ нихъ рѣдкость, и бѣдное населеніе городовъ, не имѣющее возможности устраивать колодцы, беретъ воду изъ рѣчекъ и ручьевъ, текущихъ по загрязненной и зараженной почвѣ.

Часовъ съ семи просыпается жизнь въ домахъ. То тутъ, то тамъ «амадо» (деревянные перегородки), уставленные на ночь вокругъ ве-

*) Рикши—изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Такое примѣненіе человеческой силы введено въ Японіи всего лѣтъ сорокъ тому назадъ. Нынѣ это—одинъ изъ распространеннѣйшихъ промысловъ. Въ одномъ только Токио свыше 80000 рикшей. Обычная такса для рикшей—отъ 7 до 15 сенъ за 1 ри.

рандъ, съ громомъ и трескомъ отодвигаются и раскрываютъ, такимъ образомъ, внутренность японскихъ жилищъ. Передъ вами постепенно развертывается картина японской жизни внутри семьи. Вы видите цѣлыя семьи, усѣвшіяся на мягкихъ, бѣлыхъ соломенныхъ циновкахъ за утренній завтракъ. Сидятъ всѣ на корточкахъ или на колѣняхъ. Завтракъ почти вездѣ и у всѣхъ одинаковъ, вездѣ подается бѣлоснѣжный дымящійся вареный рисъ и чай, разливаемый въ крохотныя фарфоровыя чашечки изъ большихъ фарфоровыхъ чайниковъ. Женскій персоналъ, жены и дочери, подымается обыкновенно раньше; онѣ уже за домашней работой, моютъ, чистятъ, стряпаютъ въ то время, когда мужья, уже проснувшіеся, зачастую лежатъ на своихъ матрацахъ, расположенныхъ прямо на полу, и посасываютъ коротенькія трубочки. На вашихъ глазахъ японцы, отъ мала до велика, совершаютъ свой туалетъ, начинающійся обыкновенно съ ванны (ср. выше, стр. 161). Свои омовенія японцы совершаютъ совершенно открыто на глазахъ всѣхъ проходящихъ. Молодая женщина или дѣвушка сидитъ преспокойно въ ваннѣ и иногда вылѣзаетъ изъ нея, чтобы подать что-нибудь своему мужу или помочь чѣмъ-нибудь своему маленькому братишкѣ, и затѣмъ спокойно возвращается въ нее. Если въ домѣ тѣсно, ванна нерѣдко выдвигается на улицу, и вамъ приходится обходить какую-нибудь группу весело болтающихъ и моющихся въ горячей водѣ дѣвушекъ.

Туалетъ японцевъ очень несложенъ и почти совершенно одинаковъ у мужчинъ и у женщинъ: платье ихъ отличается другъ отъ друга скорѣе окраской, нежели кроємъ, и кой-какими мелкими подробностями, ускользящими отъ неопытнаго взгляда европейца.

Японка, къ какому бы классу она ни принадлежала, начинаетъ свой туалетъ съ того, что обматываетъ вокругъ бедеръ бѣлое «юмодзи» — нѣчто въ родѣ нашего полотенца, но тоньше и гораздо длиннѣе его; потомъ она одѣваетъ «дзибанъ» — халатикъ изъ тонкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта; халатикъ этотъ плотно облегаетъ фигуру японки и играетъ роль нашей сорочки, но — какъ халатъ — открытъ спереди. Лѣтомъ на «дзибанъ» прямо надѣвается «кимоно», зимою подъ кимоно одѣваютъ еще шерстяное платье — такой же халатъ — «ситачи». Всѣ эти три вещи — «дзибанъ», «ситачи» и «кимоно» — всѣ одного покроя и превосходно прилажены другъ къ другу. «Кимоно» отличается только тѣмъ, что оно наряднѣе другихъ, шьется изъ гораздо болѣе дорогой матеріи, обыкновенно красивыхъ, нѣжныхъ нарядныхъ цвѣтовъ.

Сверхъ «кимоно» одѣвается широкій поясъ — «оби». На эту принадлежность туалета японки обращаютъ всего больше вниманіе; какъ ни красивы «кимоно» въ уличныхъ туалетахъ японской женщины, вышедшей на прогулку, ея «оби» еще наряднѣе: это гордость и богатство японки.

«Оби» дѣлается изъ широкой, тяжелой шелковой матеріи; женскій «оби» длиною аршинъ въ шесть, шириною аршина въ полтора. Цѣнность такого пояса бываетъ очень высока и, во всякомъ случаѣ, часто превышаетъ стоимость всего костюма. Богатая японка — щеголиха нерѣдко надѣваетъ на себя «оби» стоимостью въ нѣсколько сотъ рублей. Пояса мужчинъ не такъ широки и пышны; въ этомъ, пожалуй, единственное отличіе по формѣ мужского японскаго костюма отъ женскаго; мужской «оби» — мягкій и узкій шарфъ, гораздо ближе подходящій подъ наше представленіе о поясѣ.

Проходя по улицѣ, вы можете видѣть, какъ японка у себя дома старательно одѣваетъ свой «оби»; одной ей съ этимъ не справиться, обыкновенно ей помогаетъ въ этомъ другое лицо. На «кимоно» прежде всего одѣвается «хозо-оби», тонкій шарфъ изъ крепа; затѣмъ самый «оби» раскладывается во всю длину на циновкѣ и складывается въ шарфъ, шириною почти въ полъ-аршина; въ такомъ видѣ «оби» обматывается два или три раза вокругъ талии, причемъ складки обязательно направлены вверхъ; одинъ свободный конецъ «оби» образуетъ сзади петлю, и въ эту петлю пропускается второй конецъ; такимъ образомъ, «оби» завязанъ; чтобы «оби» хорошо держался, поверхъ него одѣвается эластичный тонкій шелковый поясъ, у богатыхъ людей съ золотыми кончиками; такой верхній поясокъ-держатель называется «оби-доми».

Однако, дорогія «кимоно» изъ тяжелой парчи, роскошно расшитой богатою и художественною вышивкою, носятъ японцами только на улицахъ и даже по преимуществу въ торжественныхъ праздничныхъ случаяхъ. Въ будничныи же день утромъ японцы и японки носятъ дома простенькія домашнія «кимоно» изъ матеріи скромныхъ цвѣтовъ — у мужчинъ болѣе темныхъ, у женщинъ посвѣтлѣе. Кармановъ въ костюмѣ японцевъ нѣтъ, и вы видите, какъ вмѣсто кармановъ японки и японцы пользуются многочисленными складками «оби», а въ особенности широкими и глубокими рукавами своихъ «кимоно». Туда японецъ укладываетъ все, что ему нужно: коротенькія трубочки, съ чашечками не больше нашего наперстка, съ которыми никогда не расстаются ни японецъ, ни японка — курятъ тамъ всѣ: мужчины, женщины и даже дѣти; пачки мягкой бумаги, употребляемой японцами вмѣсто носовыхъ платковъ; деньги; коробочку съ пудрой и карандашъ для бровей, которые всякая японская дѣвушка имѣетъ съ собою, выходя на улицу; вѣеръ; словомъ — все, что можетъ понадобится имъ внѣ дома. Все это укладывается въ глубокіе рукава, и, чтобы достать что-нибудь оттуда, японецъ совершенно прячетъ на время руку въ свой рукавъ.

Дома японцы обходятся безъ всякой обуви. На ногахъ ихъ,

обнажающихся при всякомъ движеніи во время ходьбы, при наклонѣ, быстромъ поворотѣ, благодаря расходящимся поламъ ихъ «кимоно» и «дзибанъ», вы замѣтите только короткіе носки, бумажные или шелковые, съ отдѣленіемъ для большого пальца, и съ крѣпкой подошвой изъ толстой шерстяной матеріи; дома все такъ чисто, циновки, выстилающія полъ, такъ опрятны, что ходить по нимъ въ обуви съ улицы немислимо. Но вотъ японецъ собирается выйти на улицу и одѣваетъ «гета», стоящія у входа, какъ у насъ калоши. «Гета»—это тяжелыя, въ дюймъ толщиною, деревянные сандали, прикрѣпляемые къ ногѣ кожаными ремнями. Такую обувь носятъ всѣ: мужчины, женщины и даже дѣти. Конечно, такая обувь, безобразная по формѣ, лишенная всякой гибкости, стѣсняетъ въ движеніяхъ и, несмотря на всю привычку къ ней, въ значительной мѣрѣ лишаетъ японцевъ подвижности; фигура перегибается впередъ, колѣна всегда немного согнуты, движенія лишены свободы.

Дѣти одѣты дома совершенно такъ же, какъ ихъ родители: на нихъ тѣ же «кимоно», тѣ же «дзибанъ». «Кимоно» ихъ, однако, бываютъ даже въ будни очень нарядны; они обыкновенно яркихъ цвѣтовъ и вышивка на нихъ особенно крупная. Комичное впечатлѣніе производятъ четырехлѣтніе бутузы, здоровые, крѣпкіе, всегда веселые, съ плутовскими ребячьими физиономіями, съ бритыми головами, на которыхъ торчатъ небольшіе участки нарочно для

Японская обувь.

красоты оставленныхъ волосъ, одѣтые совершенно какъ взрослые люди, и что особенно комично: чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ крупнѣе и ярче узоръ его «кимоно». Въ холодную погоду дѣтей укутываютъ въ нѣсколько «кимоно» одно за другимъ. Въ домахъ побѣднѣе дѣтей часто оставляютъ въ хорошую погоду совсѣмъ голыми и если ихъ хотятъ выпустить на улицу, то обертываютъ въ одно «кимоно».

Про сложность и пышность японской прически слышалъ всякій, а со времени увлеченія Европы всѣмъ японскимъ, характеру японской прически стараются подражать дамы и у насъ. Здѣсь, на японской улицѣ, вы можете видѣть, хотя и не часто, какъ японки причесываются—не часто потому, что японка причесывается разъ въ 10—

12 дней. Сооруженіе это очень сложное; сама японская женщина или дѣвушка не въ состояніи причесаться,—для этого приглашается за ничтожную плату специалистка-парикмахерша. Въ ходѣ идутъ не только собственные волосы японки, черные и прямые, но и накладки. Все это искусно и тщательно скрѣпляется съ помощью шпилекъ и гребней и представляетъ собою сооруженіе, достаточно прочное, чтобы держаться нѣсколько дней. Благодаря такой прическѣ спать, какъ у насъ, подкладывая подъ голову подушку, японкѣ немислимо; поэтому вмѣсто подушекъ служатъ небольшія деревянныя колодки съ вырѣзомъ, въ который укладывается шея. Японецъ, котораго вы видите лежащимъ еще въ постели, т.-е. прямо на полу на тонкомъ матрацѣ, накрытъ толстымъ цвѣтнымъ одѣяломъ, но подъ нимъ онъ лежитъ одѣтый въ свой «дзибанъ» или даже въ «ситачи», въ зависимости отъ времени года.

То въ томъ, то въ другомъ домѣ вы видите, какъ молодая японская дѣвушка, сидя обнаженная до пояса передъ зеркаломъ, тщательно краситъ себѣ губы и пудритъ лицо. Такъ дѣлаютъ всѣ и нисколько не скрываютъ этого.

Къ восьми часамъ улицы все болѣе и болѣе наполняются народомъ. Нѣсколько неожиданное впечатлѣніе производятъ на васъ показывающіеся на улицахъ ребятишки, отправляющіеся въ школу: между ними много одѣтыхъ въ европейское платье, штаны и куртки, въ европейскія ботинки, съ фуражками на головахъ и съ книжками подъ мышкой. Это—уступка духу времени; этого требуетъ правительство отъ дѣтей, посѣщающихъ общественныя школы. Впрочемъ, дѣвочки сохраняютъ свой японскій костюмъ.

Вмѣстѣ съ толпой вы отправляетесь въ наиболѣе оживленныя въ этотъ часъ части города—на рынки, и самое главное, что поразитъ васъ тамъ, это—то, что закупкой провизіи завѣдуютъ здѣсь мужчины. Хозяйки остаются дома за своими домашними работами. На рынкахъ вы можете видѣть, что ѣсть японецъ, и изъ чего слагается его сравнительно несложная кухня. Японцы почти совершенные вегетаріанцы: мяса на рынкахъ вы почти не увидите, вездѣ—овощи, фрукты, рисъ, бобы, морскія водоросли, въ особенности особый видъ ихъ, называемый морскою капустою, и рыба. Торгъ ведется вѣжливо, вы не увидите на японскомъ рынкѣ ничего, напоминающаго наши грубые рыночныя нравы; нѣтъ ни ругани, ни азартнаго торга, все совершается въ формахъ чрезвычайно вѣжливыхъ, сопровождается низкими поклонами, любезными улыбками, выраженіями самими изысканными, полными комплиментовъ. Японецъ, входящій въ лавку, оставляетъ у порога свои «гета» (обувь) и низко кланяется хозяину. Хозяинъ, его продавщицы отвѣшиваютъ и ему рядъ

нижайшихъ поклоновъ; словомъ, въ общемъ, зрѣлище этого торга до такой степени необычайно, что прямо поражаетъ европейца. Кажется, будто сюда пришли вовсе не бѣдные люди за закупкой самыхъ обыденныхъ предметовъ первой необходимости, а собрались богатые люди, рантье, съ цѣлью закупить себѣ веселыхъ и забавныхъ бездѣлушекъ. Знакомые, встрѣчаясь, низко раскланиваются, слегка присѣдая при согнутыхъ колѣнахъ и выражая всей своей фигурой и лицомъ живѣйшее удовольствіе. Они долго трутъ себѣ руками бедра, втягиваютъ воздухъ сквозь стиснутые зубы и не скоро рѣшаются разойтись, изъ боязни оскорбить другъ друга послѣдностью.

Если вы всмотритесь въ эту толпу, вы, при извѣстной наблюдательности, отличите въ ней два типа, очерченные въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящей книги (стр. 28—29) и изображенные на таблицѣ III. Я говорю при извѣстной наблюдательности потому, что непривычному глазу европейца всѣ японцы кажутся сначала удивительно похожими другъ на друга. Докторъ Тень-Кате склоненъ въ этомъ видѣть признакъ, свидѣтельствующій о низкомъ уровнѣ развитія японской личности. Къ вопросу о развитіи личности въ Японіи мы еще вернемся; здѣсь укажемъ только, что проф. Бельцъ, прожившій въ Японіи болѣе двадцати лѣтъ и практиковавшій тамъ какъ врачъ, возражая Тень-Кате, разъяснилъ, насколько ошибоченъ этотъ взглядъ: оказывается, что японцы, путешествующіе по Европѣ, выносятъ такое же впечатлѣніе о безразличіи нашихъ физіономій.

Среди людей, наполняющихъ рынокъ, много почти совершенно нагихъ. Чаще всего это чернорабочіе и крестьяне; тѣла многихъ изъ нихъ украшены художественной татуировкой. На голой груди какого-нибудь кули вы можете видѣть отлично выполненный портретъ женщины—его жены или возлюбленной; другіе украшены изображеніями драконовъ, разныхъ птицъ и звѣрей, цѣлыми пейзажами; многихъ татуировка покрываетъ и спереди, и сзади, начинаясь съ ногъ и кончаясь на груди и спинѣ. Большинство японцевъ ходитъ на улицѣ съ непокрытыми головами; въ дурную погоду они прикрываютъ головы—одинаково какъ мужчины, такъ и женщины—особыми капюшонами, прикрѣпленными къ «кимоно», или красивыми легкими бумажными зонтиками. Иной разъ вы наткнетесь на чрезвычайно комичное смѣшеніе костюма европейскаго съ японскимъ. Женщины въ этомъ почти совсѣмъ неповинны, но встрѣтить на улицѣ японца въ пиджакѣ съ голыми ногами и въ блестящемъ цилиндрѣ—явленіе нерѣдкое, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ европейское вліяніе сказалось рѣзче обыкновеннаго: въ Токио, въ Кобе. Одинъ только предметъ удостоился вниманія японскихъ дамъ: это наши зонтики, которые почти совершенно вытѣсняють въ городахъ зонтики японскіе.

Если во время вашего пребыванія на рынкѣ пойдетъ дождь, вы увидите японцевъ въ ихъ странныхъ плащахъ изъ соломы; плащи эти отлично охраняютъ ихъ платья отъ промоканія: по нимъ, какъ по крышѣ, вода скатывается внизъ; этому помогаютъ и огромныя соломенные шляпы въ формѣ гриба, обтянутыя бѣлою матеріею. Запачкаты свои «кимono» опрятные японцы очень боятся. Надо замѣтить, что стирка у нихъ — дѣло гораздо болѣе сложное, чѣмъ у насъ: платье, требующее чистки, распарывается, чистится и шьется заново.

Японка въ соломенномъ плащѣ.

Улицы все больше и больше оживляются. Коннаго движенія почти совершенно нѣтъ, но все населеніе города, казалось, поднялось на ноги и высыпало на улицу. Дѣло идетъ здѣсь вперемѣшку съ забавой. Фокусники, акробаты, представители разныхъ чисто японскихъ специальностей снуютъ въ толпѣ. У воротъ храмовъ цѣлыя маленькія ярмарки; ряды лотковъ съ игрушками, вокругъ которыхъ всегда толпа женщинъ и дѣтей, продавцы сластей, которые едва ли были бы способны удовлетворить вкусы нашихъ дѣтей: какіе-то кусочки тѣста, рѣдька съ сахаромъ и съ сиропами... Въ храмы то-и-дѣло заходятъ женщины и дѣвушки, рѣже мужчины. Входящій моетъ у колодца передъ храмомъ руки, затѣмъ медленно подымается по ступенькамъ вверхъ и звонитъ въ висящій въ крышѣ колоколъ. Послѣ этого онъ громко хлопаетъ въ ладоши и, слегка согнувшись, читаетъ молитву. Конецъ молитвы сопрово-

ждается такимъ же хлопаніемъ въ ладоши, послѣ чего бросаютъ въ особый ящикъ свою ленту и уходятъ.

Фокусники и артисты всякаго рода занимаютъ не однихъ дѣтей, а даже и взрослыхъ. Въ этой области японцы истинные мастера: фокусы ихъ не только необычайно ловки, они изящны по замыслу и часто прямо поэтичны. Вотъ «амея» съ небольшимъ горшочкомъ, полнымъ ячменнаго киселя; съ помощью трубочки выдуваетъ онъ дѣтямъ изъ киселя разныя фигурки звѣрей, людей и птицъ, тутъ же засыхающія на воздухѣ. Вотъ жонглеръ, сдувая съ руки грудку бѣлыхъ бумажныхъ обрѣзковъ, съ помощью вѣера группируетъ изъ нихъ въ воздухѣ цѣлую стаю красивыхъ бѣлыхъ птицъ. Недалеко отъ него у

дверей храма сидитъ своеобразный художникъ: разноцвѣтный песокъ замѣняетъ ему краски; онъ сыплетъ его рукою на уложенную передъ нимъ доску, и на ней получаютъ красивые ландшафты съ летающими птицами и цвѣтущимъ на водѣ лотосомъ. Вы слышите заунывные звуки дудочки и оглядываетесь: это — слѣпой «ама», массажистъ, предлагающій свои услуги за крохотное вознагражденіе. Далѣе вы натываетесь на странную фигуру врача—важно выступающаго японца въ очкахъ; за нимъ по пятамъ слѣдуетъ мальчикъ съ ящичкомъ медикаментовъ и ступкой въ рукахъ... Жизнь кипитъ веселая, бойкая; кажется, будто въ городѣ «мацури» (праздникъ).

Дѣти особенно оживляютъ японскую улицу своимъ звонкимъ говоромъ, играми и веселымъ смѣхомъ. На рынкѣ вы ихъ видѣли мало, зато улицы полны ими: вы видите ихъ повсюду, на самыхъ улицахъ, въ открытыхъ настежь домахъ и сквозь дома—въ садикахъ за ними. Въ каждомъ японскомъ домѣ, даже самомъ бѣдномъ, есть садикъ. Иногда онъ не больше нашей небольшой комнаты, но все въ немъ есть: маленькій игрушечный прудокъ съ перекинутымъ черезъ него горбатымъ мостикомъ, аллея—другая, окаймленная странно согнутыми карликовыми деревьями причудливой формы, крохотныя куртины цвѣтовъ, низенькая каменная скамья и столъ передъ ней (единственный случай, гдѣ вы увидите въ японской обстановкѣ столъ и скамейку), и даже небольшой гротъ, а иногда и фонтанъ *).

Эти игрушечные садики, маленькіе домики японцевъ, изящная игрушечная утварь—все какъ-будто приспособлено для дѣтей, сдѣлано нарочно для нихъ. Вся Японія кажется однимъ огромнымъ дѣтскимъ садомъ. Дѣти здѣсь, повидимому, настоящіе хозяева всего: здѣсь все для нихъ. Заботливость и нѣжность японскихъ родителей къ своимъ дѣтямъ бесспорно весьма характерная черта этого народа, единогласно подтверждаемая всѣми путешественниками. Но не надо думать, что дѣти здѣсь избалованы, изнѣжены. Совсѣмъ напротивъ, это—народъ жизнерадостный, здоровый, но спокойный и чрезвычайно благовоспитанный. Плачущаго ребенка вы рѣдко увидите на улицѣ, не увидите и дерущихся мальчишекъ, не услышите криковъ наказываемаго ребенка. Они довѣрчивы, любезны и не пугаются страннаго для нихъ вида иностранца, а съ любопытствомъ, смѣло окружаютъ его, отнюдь,

*) Декоративное садоводство процвѣтаетъ въ Японіи съ середины XV столѣтія. Въ этомъ искусствѣ существуютъ различныя школы. Одна школа стремится расширить перспективу и вызвать иллюзію, чтобы садъ казался большимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ; для этого спереди располагаются болѣе крупныя деревья и холмики, а на заднемъ планѣ садятся низкорослыя деревья. Другая школа прибѣгаетъ къ прямо противоположнымъ приемамъ.

однако, не мѣшая ему идти своей дорогой. Если у васъ, однако, по несчастію, рыжіе волосы и борода, ребятишки разсыпаются стрѣлой во всѣ стороны: они примутъ васъ за «они»—чорта, который забираетъ дѣтей, это величайшее пугало для японскихъ ребятишекъ и вѣрнѣйшее орудіе воздѣйствія въ устахъ матерей и сестеръ.

Матери среднихъ и низшихъ классовъ Японіи, а также дѣвушки, начиная уже съ семи лѣтъ и лѣтъ до пятнадцати, таскаютъ своихъ совсѣмъ маленькихъ братьевъ и сестреночекъ у себя за плечами, и дѣти чувствуютъ себя тамъ, повидимому, очень хорошо. Васъ не удивитъ, если ребенокъ сидитъ на спинѣ у матери, привязанный къ ней особой лентой, но вы видите, что нянькой ребенку служитъ и семи-восьмилѣтняя сестренка. Сначала такой дѣвочкѣ, конечно, трудно, но она скоро привыкаетъ къ своей ношѣ: весело бродитъ она съ товарками по улицѣ, играетъ съ сосѣдними ребятишками, работаетъ, если надо, и вообще чувствуетъ себя такъ же свободно и просто, точно у ней сзади горбъ. Ребята часто спокойно спятъ за плечами у своихъ молоденькихъ нянекъ въ то время, когда тѣ спокойно и непринужденно бѣгаютъ. Голова мальчишки болтается изъ стороны въ сторону; кажется, вотъ-вотъ онъ сломаетъ себѣ спинку, но всѣ эти опасенія напрасны: ребенокъ охватываетъ своими растопыренными ножками бока своей няньки и крѣпко держится на ней. Кривыя ступни японскихъ дѣвушекъ и женщинъ съ носками внутрь—результатъ такого воспитанія на спинѣ у няньки. Японскія дѣти до двухъ—трехъ лѣтъ сосутъ грудь, и вы можете видѣть, какъ нянька, не снимая своего братишки, садится возлѣ матери и ждетъ, покуда мать покормитъ ребенка.

Какъ ведется въ Японіи воспитаніе дѣтей? Съ одной стороны, въ отношеніи физическомъ,—купаніе, постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, гимнастика на спинахъ своихъ сестеръ, очевидно, превосходно отражаются на здоровьи дѣтишекъ. Смертность, какъ извѣстно, среди японскихъ дѣтей свирѣпствуетъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ, и нѣкоторыя изъ нашихъ наиболѣе губительныхъ для дѣтскаго возраста болѣзней тамъ совершенно не извѣстны. Съ другой стороны, веселые, живые японцы, производящіе на многихъ впечатлѣніе народа легкомысленнаго, относящагося къ жизни далеко не серьезно, съ самаго ранняго дѣтства внушаютъ своимъ дѣтямъ, что жизнь дана людямъ не исключительно для одной радости. Эта суровая, грустная доктрина примѣняется, однако, воспитателями съ такою мягкостью и любовью, что не дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на душу дѣтей. Никакой ворчливости, никакихъ строгостей, почти полное отсутствіе тѣлесныхъ наказаній; давленіе на дѣтей оказывается въ такой мягкой формѣ, что кажется, будто дѣти сами себя воспитываютъ, и что Японія—дѣтскій рай, въ которомъ нѣтъ даже запрещенныхъ плодовъ.

Невидимыми руками дитя направляется къ опредѣленной цѣли. Оно не отдаетъ себѣ отчета въ дисциплинѣ, которой повинуется: самые его инстинкты формируются и направляются въ извѣстную сторону, а именно въ сторону воплощенія расоваго идеала.

Дѣти воспитываются въ Японіи на полной свободѣ: сама природа служитъ имъ, повидимому, воспитательницей. Въ Японіи природа и люди прекрасно спѣлись, сжились въ теченіе вѣковъ и оставили другъ на другѣ неизгладимый слѣдъ. Совершенная своеобразность первыхъ лѣтъ воспитанія на спинѣ у нянекъ оставляетъ уже замѣтный слѣдъ на всемъ складѣ характера японскихъ дѣтей: съ самаго ранняго дѣтства японскій ребенокъ учится приспособляться къ положеніямъ самымъ непредвидѣннымъ, сохраняя при этомъ естественность и гибкость. Уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторую подготовительную школу къ жизни: если не жизненная мораль, то, во всякомъ случаѣ, жизненные приличія усваиваются ребенкомъ быстро и прочно. Дѣтямъ никто не говоритъ о необходимости самообладанія; всѣ тѣ правоученія по этой части, которыя у насъ такъ часто преподносятся дѣтямъ,—здѣсь ненужны. Имъ показываютъ воочію, что сыновнее и дочернее послушаніе и кротость радостны и пріятны; какъ избѣгать передъ родителями и иностранцами выраженія душевныхъ движеній, способныхъ ихъ огорчить или омрачить,—они видятъ на примѣрахъ. Отецъ ребенка никогда не унижитъ своего отцовскаго престижа грубою рѣзкостью и несправедливостью; мать передъ своимъ мужемъ сохраняетъ видъ всегда довольный и по отношенію ко всѣмъ домашнимъ соблюдаетъ всѣ правила вѣжливости. Всѣ эти утонченности, можетъ-быть, скрываютъ много недоговореннаго и условнаго, но японское воспитаніе гораздо болѣе заботится о томъ, чтобы вырастить людей, годныхъ къ общественности, чѣмъ объ освобожденіи дѣтей отъ ихъ индивидуальныхъ пороковъ. Въ результатѣ имъ не приходится прилагать усилій для того, чтобы владѣть собою, даже въ случаяхъ, если они страдаютъ, если оскорблены ихъ самыя законныя чувства: дѣло не въ ихъ чувствахъ, а въ удобствахъ и удовольствіи другихъ людей, и никакое зрѣлище ихъ такъ не радуетъ, какъ видъ улыбающихся вокругъ нихъ физиономій. Искусственность становится второю натурою японца.

Религія, господствующая въ Японіи,—миѳологическія сказанія синтоизма и пантеизмъ буддизма—одушевляетъ для японскихъ дѣтей всѣ вокругъ нихъ находящіеся предметы. По отношенію къ деревьямъ, цвѣтамъ и къ животнымъ дѣти не обнаруживаютъ той холодной жестокости, которую часто можно наблюдать у европейцевъ; все въ природѣ кажется имъ полнымъ порядка и гармоніи, они обнаруживаютъ нѣжную жалость ко всему, что живетъ и дышитъ. Мальчики,

случается, грѣшнать противъ этого, дѣвочки же никогда. Маленькая японка, которая преслѣдуетъ бабочку и хочетъ ее заставить сѣсть къ себѣ на руку, смотритъ на это существо не какъ на игрушку, а наивно симпатизируетъ ей, понимаетъ ее, можетъ-быть, потому, что сама на нее очень похожа. Наши дѣти грязнятъ и рвутъ книги; маленькіе японцы сочли бы святотатствомъ такое обращеніе со страницами, на которыхъ запечатлѣны мысли и рисунки артистовъ, гораздо болѣе умныхъ и талантливыхъ, чѣмъ они сами.

Чѣмъ ближе къ обѣду, къ тремъ-четыремъ часамъ, тѣмъ пустѣе становятся улицы, только кое-гдѣ въ жаркіе дни женщины и дѣти поливаютъ мостовую передъ своимъ домомъ. Зато въ домахъ людно; семьи собираются въ полномъ составѣ вокругъ обѣденнаго стола. Ѣдятъ, какъ и за завтракомъ, сидя на полу, а самый обѣдъ у большинства очень даже незатѣйливъ. Неизбѣжный вареный рисъ въ разныхъ видахъ, овощи разныхъ сортовъ съ острыми подливками и рыба, часто подаваемая сырою; тонкіе ломтики живой еще трепещущей рыбы опускаются въ соусъ и затѣмъ сѣдаются. Все это запивается «саке» — рисовой водкой, подаваемой теплой въ маленькихъ чашечкахъ, затѣмъ идетъ чай, сладости и куренье. Общее для всѣхъ блюдо ставится на небольшой низенькій лакированный столикъ-скамеечку посреди обѣдающихъ; возлѣ курящихъ небольшія лакированные пепельницы. Прислуживаютъ за столомъ женщины, то-и-дѣло встающія, приносящія изъ кухни готовые блюда. Кухня тутъ же, близко; нѣтъ ничего напоминающаго нашу кухонную плиту; посреди комнаты стоитъ ящикъ, полный песку и золы, надъ нимъ съ крюка, вдѣланнаго въ потолокъ, свисаетъ мѣдный котелокъ или чайникъ. Трубы въ домахъ рѣдки: онѣ черезчуръ легко обрушиваются при землетрясеніяхъ; поэтому во время изготовленія пиши японскіе дома нѣсколько дымны, но это не стѣсняетъ обитателей, видимо привыкшихъ къ этому. Печей избѣгаютъ изъ боязни пожаровъ.

Послѣ обѣда всѣ предаются отдыху, спятъ, пьютъ чай, курятъ трубки. Это самые тихіе часы въ жизни японскаго города въ теченіе дня. Молодыя дѣвушки приходятъ другъ къ другу въ гости, и на вашихъ глазахъ продѣлываются всѣ церемонные японскіе поклоны: опускаются другъ передъ другомъ на колѣни и, опершись на руки, касаются лбомъ пола. Веселыя, тихія рѣчи, звонъ струнныхъ инструментовъ... Позже, часовъ около пяти, уличная жизнь постепенно снова оживляется, но теряетъ въ значительной степени свой дѣловый характеръ. Между пятью и шестью вы видите въ общественныхъ баняхъ толпы купающихся; люди зажиточные, имѣющіе у себя въ домѣ «фуродо», т. - е. домашнюю баню, продѣлываютъ это дома,

кто побѣди́тъ—идеть въ общественную баню. Общественныхъ бань много въ японскихъ городахъ, и сквозь рѣшетчатые стѣны вамъ видно все, что тамъ происходитъ. Мужчины, женщины, дѣти ходятъ туда толпами, платятъ нѣсколько мелкихъ монетъ, складываютъ свое платье въ ящики, висящіе на стѣнахъ, и погружаются въ бассейнъ, наполненный горячею водою. Поперекъ бассейна протянута веревка—это граница между отдѣленіями мужскимъ и женскимъ. Женщины сидятъ на ступенькахъ, ведущихъ въ воду; дѣвушки, уже выкупавшіяся, стоятъ у края бассейна, болтаютъ, смѣются, обсыхая на воздухъ и нисколько не стѣсняясь постороннихъ взоровъ. Часто вы видите, что такая общественная баня соединена непосредственно съ чайнымъ домомъ, и сплошь-и-рядомъ молодая парочка, выкупавшись, отправляется отдохнуть туда въ отдѣльномъ кабинетѣ, на мягкихъ циновкахъ.

Все это европейцу на первыхъ порахъ кажется безстыдствомъ, но достаточно напомнить наши нравы въ Европѣ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, когда общія купальни, мужскія и женскія, въ Швейцаріи, на примѣръ, были совершенно обычны. У японцевъ зрѣлище наготы не считается постыднымъ; на голаго человѣка смотрятъ такъ же равнодушно, какъ на деревья, на небо, и никто не останавливается на немъ своего вниманія. Съ другой стороны, японки считаютъ проявленіемъ безстыдства наши европейскія декольтированные платья; по ихъ мнѣнію, намѣренно декольтироваться значитъ сознательно дѣйствовать на чувственную сторону человѣка. У японки не только костюмъ, но никакой жестъ не выразитъ чувственности; понятіе о красотѣ у нея связано съ представленіемъ о скромности. И это относится не только къ японкамъ среднихъ обезпеченныхъ классовъ, но цѣликомъ наблюдается и въ низшихъ слояхъ, и даже у «майко» и «гейшъ»—этихъ куртизанокъ Японіи.

Вечеромъ японскія улицы такъ же оживлены, такъ же полны народа, какъ и въ предобѣденное время. Занятія вездѣ кончились, самые занятые люди свободны, и все стремятся провести остатокъ дня какъ можно веселѣе, какъ можно пріятнѣе. Японскій городъ въ эти часы кажется прямо праздничнымъ: длинныя линіи разноцвѣтныхъ причудливо окрашенныхъ фонарей производятъ на васъ впечатлѣніе праздничной иллюминаціи; изъ домовъ доносится пѣніе, смѣхъ, звуки «самизена»—японской гитары. И такъ тянется долго, часовъ до одиннадцати вечера, и позже. Такъ въ будни, а въ праздники, въ безчисленные «мацури», еще люднѣе, еще оживленнѣе и гораздо наряднѣе. Японцы любятъ праздновать, и «мацури» ихъ,

въ особенности праздники цвѣтовъ, посвященные цвѣтенію того или другого вида цвѣтущихъ растений,—живописны и поэтичны *).

Если вамъ захочется зайти въ японскій театръ, и вы наймете «рикшу», то онъ васъ доведетъ только до театральной улицы,—до такой степени переполнена она народомъ. Въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ городѣ Японіи есть, по крайней мѣрѣ, одна такая спеціально-театральная улица. Японцы—страшные любители театра, и представленіе въ театрѣ идетъ съ утра до поздняго вечера. Театральная улица имѣетъ своеобразную фізіономію, благодаря страннымъ вывѣскамъ театра; это длинные въ три-четыре сажени бамбуковые шести, къ которымъ во всю почти ихъ длину до самаго верха прикрѣплены синія и красныя полотняныя ленты съ пестрыми надписями. Сами театры представляютъ собою балаганы, сколоченные изъ досокъ; зрительный залъ рассчитанъ на триста - пятьсотъ человѣкъ. Эти строенія не прозрачны, какъ обыкновенные японскіе дома: съ улицы вы въ нихъ ничего не увидите. Къ театрамъ примыкають обыкновенно чайныя домики съ полузакрытыми балкончиками и галлереями, украшенными фонариками. Кромѣ того, тутъ много всякихъ балагановъ, въ которыхъ показываютъ всевозможныя чудеса.

Вы покупаете билетъ—деревянную дощечку съ какою-то надписью. Обувь вашу вамъ придется оставить у входа, гдѣ вамъ выдадутъ номеръ на маленькой деревяжкѣ. Если вы въ большомъ городѣ, то найдете въ театрѣ ложу, спеціально устроенную для европейцевъ со стульями для сидѣнія; японцамъ же этого не нужно. Весь партеръ до самой рамы представляетъ собою ряды ящиковъ площадью въ одну квадратную сажень, съ невысокими досчатыми стѣнками. Чтобы попасть къ себѣ въ ложу, вамъ придется перебраться чрезъ перегородки чужихъ ложъ. Сцена не только передъ вами, но и съ боковъ: она подковообразна.

Японцы цѣлыми семьями сидятъ въ своихъ ложахъ, пьютъ,

*) Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о праздникахъ въ Японіи. Официальныхъ праздниковъ въ Японіи всего 16 въ году; изъ нихъ перваго, третьяго и пятаго января празднуется новый годъ, 17 октября—принесеніе въ жертву синтоистскимъ богамъ первыхъ плодовъ, остальные дни—табельные. Къ числу табельныхъ дней относится, между прочимъ, 11 февраля—праздникъ въ память воцаренія перваго мнѣическаго микадо въ 660 г. до Р. Х.; тогда же празднуется день обнародованія конституціи. Но народомъ соблюдается еще около 20 праздниковъ въ году. Важнѣйшимъ изъ нихъ является «бонъ-но-мацури» или «соро-мацури», т.-е. праздникъ усопшихъ, который длится отъ 13 до 16 іюля. Въ эти дни души предковъ спускаются на землю и проводятъ ихъ вмѣстѣ съ живыми у празднично разукрашенныхъ домашнихъ алтарей. Всѣ дома украшаются фонарями, вслѣдствіе чего соро-мацури называется также «праздникомъ фонарей». Ср. выше, стр. 207.

ѣдятъ, курятъ; прислуживаютъ имъ и приносятъ чай, фрукты или сахаръ—«мусме», молоденькія прислужницы изъ прилегающаго чайнаго домика. Публика въ театрѣ состоитъ на три четверти изъ женщинъ; много дѣтей. Все это курить, болтаетъ и непрерывно машетъ вѣерами, съ которыми ни японецъ, ни японка никогда не расстаются.

За сценой раздается три глухихъ удара, занавѣсъ подымается или раздвигается въ стороны, и представленіе, начатое до васъ, продолжается. То, что вы видите на сценѣ, поражаетъ васъ во многихъ отношеніяхъ. На сценѣ нѣтъ никакихъ декорацій; чтобы изобразить садъ, японцы ставятъ нѣсколько горшковъ живыхъ растений, чайный домъ изображается воткнутыми въ землю двумя фонарями и надписью, — совсѣмъ какъ въ Европѣ во времена Шекспира. Пьеса, которую играютъ, передаетъ повидимому, содержаніе какой-то сказки или разсказа изъ временъ рыцарскихъ. Огромную роль здѣсь играютъ костюмы: актеры появляются на сценѣ увѣшанные стариннымъ оружіемъ, мантиями, доспѣхами—вещами, часто роскошными по своей отдѣлкѣ и чрезвычайно дорогими. Когда знаменитый актеръ, играющій въ пьесѣ главную роль, появляется на сценѣ, его сопровождаютъ два прислужника съ фонарями, съ обѣихъ сторонъ освѣщающими его великолѣпную фигуру.

Двѣ нарядно одѣтыя женщины сидятъ на полу и громко плачутъ; слезы текутъ у нихъ по лицу, и обѣ онѣ попеременно берутъ другъ у друга изъ рукъ и прижимаютъ къ груди какой-то круглый предметъ,—это окровавленная человѣческая голова. Женщины эти — мать и жена убитаго японца. Приходитъ отецъ убитаго, роскошно разодѣтый въ старинное платье и увѣшанный оружіемъ «даймію». Безучастно, спокойно и невозмутимо сидитъ онъ нѣкоторое время между двухъ женщинъ, поглядывая на голову своего сына, потомъ даетъ знакъ рукой, и обѣ женщины съ причитаніями уходятъ. Тогда онъ, оглядѣвшись вокругъ и убѣдившись, что за нимъ никто не подсматриваетъ, бросается къ лежащей на землѣ головѣ, и передъ вами разыгрывается молчаливая сцена безысходнаго отцовскаго горя. Черезъ нѣкоторое время отецъ падаетъ безъ чувствъ; очнувшись, онъ какъ-будто съ трудомъ соображаетъ все происшедшее, тяжело вздыхаетъ и на нѣкоторое время погружается въ безмолвныя думы. Затѣмъ онъ снимаетъ съ себя доспѣхи, свои великолѣпныя расшитыя одежды, распахиваетъ спереди свой «дзибанъ» и, обнаживъ мечъ, распарываетъ себѣ животъ. Внутренности у васъ на глазахъ вываливаются къ его ногамъ, кровь заливаетъ полъ сцены: старый «даймію» не пережилъ своего горя и совершилъ надъ собою «харакири».

Надо признаться, актеръ игралъ превосходно, и впечатлѣніе

произведенное на васъ, очень сильно. Когда занавѣсъ опустился, зрительный залъ застоналъ отъ выраженія восторга. Актеръ вышелъ, раскланивается, и въ него полетѣла изъ зрительнаго зала туча самыхъ разнообразныхъ вещей, частей туалета, вѣровъ, трубокъ..... Прислужники собираютъ всѣ падающія на подмостки подношенія для того, чтобы продать ихъ потомъ ихъ же владѣльцамъ за нѣкоторую сумму, опредѣляемую по соглашенію и идущую въ пользу артиста.

Многіе изъ публики устремились изъ театра къ буфетамъ, находящимся тутъ же, или въ чайные домики. Если вы направитесь за ними въ чайный домикъ, васъ ждетъ обстановка совсѣмъ иного характера: звуки музыки, ласковая нешумная веселость, хорошенькія личики и прелестные костюмы «мусме», «майко» и «гейшъ». При самомъ входѣ васъ съ низкими поклонами встрѣчаетъ цѣлая толпа молоденькихъ «мусме»; онѣ опускаются передъ вами на колѣни, затѣмъ откидываются всѣмъ корпусомъ назадъ, т.-е. попросту садятся на собственные икры и, наконецъ, низко кланяются вамъ, касаясь лбомъ пола. Лица у нихъ улыбающіяся, голоса тихіе, гармоничные, движенія полны граціи. Проворные маленькіе пальчики снимаютъ съ васъ европейскую обувь, и вы входите въ помещеніе чайнаго домика. Передъ вами на циновкѣ оказываются японскія лакомства, неизмѣнный чай или теплый «саке»; если вы хотите, — передъ вами у бумажной стѣны усаживаются молоденькія музыкантши, одна другой краше, и перебираютъ пальцами струны своихъ «самизеновъ» и «кото», сопровождая игру пѣніемъ. Вотъ какая-нибудь «майко» начинаетъ подъ эту музыку плясать, и танецъ этотъ поразитъ васъ: въ немъ ничего нѣтъ напоминающаго наши танцы: ноги танцовщицы, скрытыя длиннымъ «кимоно», совсѣмъ не видны, и весь танецъ сводится къ жестикуляціи руками и корпусомъ; танцовщица стремится въ танцахъ передать какую-нибудь сцену, чаще всего опять-таки изъ героическаго эпоса страны. Если вамъ хочется провести время въ живой остроумной бесѣдѣ, пригласите «гейшу». Всегда красавица, молодая, не старше двадцати лѣтъ, изысканно одѣтая, она составитъ вамъ очаровательное общество. «Гейши» — самыя образованныя женщины въ Японіи. Остроумныя, превосходно знающія свою литературу, веселыя и находчивыя, онѣ расточатъ передъ вами все свое очарованіе. Съ классическимъ искусствомъ «гейша» пропоетъ вамъ и продекламируетъ лучшія стихотворенія и отрывки изъ лучшихъ драматическихъ произведеній. И все время непринужденно веселая, остроумная и кокетливая, она не потеряетъ своего женскаго достоинства. «Гейша» — вовсе не непременно продажная женщина; это, во всякомъ случаѣ,

не входить въ ея обязанности; скорѣе всего это артистка, которую приглашаютъ за извѣстную часовую плату для развлечения и удовольствія художественнаго. Вастъ, европейца, не знающаго по-японски, она можетъ очаровать только своею молодостью, своею чарующею кокетливостью, своею неизмѣнною живостью, но японцы цѣнятъ въ гейшахъ именно художественно-образованныхъ собесѣдницъ, незамѣнимыхъ въ обществѣ. Когда какой-нибудь японецъ хочетъ задать друзьямъ пиръ, то онъ устраиваетъ его въ чайномъ домикѣ; жены и дочери его остаются дома, а къ столу приглашаются «гейши». Онѣ поютъ, декламируютъ, изображаютъ разные драматическіе танцы, а въ антрактахъ подсаживаются къ гостямъ, угощаютъ ихъ виномъ, кокетничаютъ и болтаютъ, украшаютъ столъ своимъ умомъ, своею живостью и красотою, сохраняя при этомъ полную скромность. Понятно, что «гейши» очаровываютъ японцевъ, и что образованію, искусству и талантамъ «гейши» завидуетъ всякая японская женщина. Очень часто жены японцевъ отправляются въ чайные домики для того, чтобы, слѣдя за «гейшами», перенять у нихъ ихъ манеры.

Обученіе «гейши» очень сложное, конечно, гораздо сложнѣе, чѣмъ образованіе средней японской женщины; существуютъ особыя академіи, воспитывающія «гейшъ», и между ними много дѣвушекъ изъ знатныхъ фамилій. Совсѣмъ молоденькія—онѣ еще «майко», и только лѣтъ шестнадцати становятся «гейшами». «Гейши» часто выходятъ замужъ; къ ихъ прошлому японцы гораздо снисходительнѣе, чѣмъ это было бы у насъ; объясняется это, впрочемъ, общимъ взглядомъ японцевъ на бракъ, о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Если въ семьѣ много дочерей, то ихъ очень трудно всѣхъ выдать замужъ, и такъ какъ занятія въ различныхъ учрежденіяхъ или коммерческихъ предпріятіяхъ имъ до сихъ поръ мало доступны, родители стараются самыхъ красивыхъ и талантливыхъ сдѣлать «гейшами».

Въ чайномъ домикѣ вы можете наблюдать и любимое времяпрепровожденіе японцевъ,—ихъ «соданъ». Подобно древнимъ грекамъ, проводившимъ цѣлые дни на площадяхъ, гдѣ происходили диспуты софистовъ, японцы собираются въ чайныхъ домахъ для своего «соданъ». Собираются по приглашенію въ тотъ или другой чайный домъ для совмѣстнаго дружескаго обсужденія всякаго случая въ жизни, будь то коммерческое предпріятіе, семейный вопросъ, предполагаемое путешествіе и т. д. Садятся въ кружокъ, пьютъ «саке» и чай, курятъ трубочки, и поочередно каждому предоставляется слово. Говорятъ долго, много, и вовсе не обязательно говорить непременно прямо на тему, совсѣмъ напротивъ: самыя отдаленныя разсужденія, самыя неожиданныя отступленія допускаются и привлекаютъ вниманіе собесѣдниковъ. Главная задача—быть интереснымъ, быть остроумнымъ, занять ауди-

торію. Въ этомъ заключается «соданъ», къ участию въ которомъ привлекаются и «гейши». Здѣсь японецъ всего ближе напоминаетъ намъ Востокъ: восточный кейфъ, восточная склонность къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ, уживающаяся рядомъ съ совершенно неудержимой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся фантазіей.

Воспитаннаго на многовѣковомъ «соданъ» японца ничто не въ состояніи удивить; нѣтъ такого парадокса, нѣтъ такой странной идеи, которую онъ не готовъ былъ бы обсуждать, серьезно оспаривать или принять. Развѣ ихъ реформаторы не предлагали сдѣлать въ Японіи національнымъ англійскій языкъ? Превосходная тема для «соданъ»! Японія, можетъ-быть, единственная страна въ мірѣ, гдѣ появленіе локомотива не переполошило жителей деревень: толпа смотрѣла на первые поѣзда, какъ-будто видала ихъ уже десятки лѣтъ.

Отдохнувъ въ чайномъ домикѣ, вы можете успѣть попасть еще на другія зрѣлища, на примѣръ, взглянуть на борьбу японскихъ атлетовъ. На улицѣ днемъ вамъ уже бросались изрѣдка въ глаза фигуры людей, отличающихся отъ обыкновенныхъ низкорослыхъ японцевъ высокимъ ростомъ, дородствомъ и удивительной мускулатурой: это—борцы, люди въ Японіи очень популярныя, почти такъ же, какъ торреадоры въ Испаніи. Называются они «сумотори» и, кромѣ роста, отличаются еще отъ обыкновенныхъ японцевъ своею прическою: волосы ихъ скручены въ толстые жгуты и перетянуты съ помощью шнурковъ напередъ—старинная прическа, когда-то бывшая во всеобщемъ употребленіи.

Если вы направитесь въ «сумо», т.-е. балаганъ, то уже издали вы увидите цѣлые ряды бамбуковыхъ шестовъ съ именами борцовъ, потому что въ борьбѣ принимаютъ участіе сразу десятки атлетовъ. Билетъ, довольно дорогой по японскимъ цѣнамъ, — опять дощечка съ надписью — отбирается у васъ служителемъ. Съ правой стороны внутри балагана—уборная артистовъ; тамъ сидятъ на корточкахъ и лежатъ на циновкахъ «сумотори», которымъ служители растираютъ тѣло и одѣваютъ имъ единственную принадлежность туалета, голубой шелковый шарфъ—поясъ съ бахромою. Зрительный залъ — четырехугольный съ невысокой галлереей вокругъ стѣнъ:—тамъ самыя дорогія мѣста. Въ самой серединѣ зала—эстрада, совершенно круглая, всего въ діаметрѣ метра три. Полъ арены посыпанъ землею, а по краямъ она обложена пучками соломы. Идетъ борьба. Борются двое, а за ними слѣдитъ нѣсколько знатоковъ борьбы, экспертовъ. Цѣль борьбы—повалить соперника на землю, отнюдь не прибѣгая къ ухищреніямъ въ родѣ подножекъ, ударовъ или тому подобныхъ приѣмовъ; при этомъ строго соблюдается одно существенное

условіе: ни одинъ изъ борцовъ не смѣетъ даже ступить на край арены; коснувшійся ногою пучка соломы считается побѣжденнымъ. Правила борьбы очень строги, гораздо строже, чѣмъ это принято въ Европѣ; зрители, видимо, отлично знаютъ всѣ приемы и зорко слѣдятъ за ходомъ борьбы; малѣйшее отступленіе отъ правилъ вызываетъ въ публикѣ ропотъ. Мертвое молчаніе царитъ во время борьбы, но если одинъ изъ борцовъ употребитъ какую-нибудь незамѣтную для васъ, но «геніальную» уловку, громъ аплодисментовъ раздастся сразу, какъ бы по командѣ, и сразу же прерывается. Вотъ, одинъ изъ борцовъ побѣдилъ, и на вашихъ глазахъ съ японцами, обыкновенно столь спокойными и вѣжливыми, творится нѣчто неожиданное: восторгу нѣтъ предѣловъ, на арену летятъ сотни вещей, ревъ стоитъ неописуемый.

Когда вы вернулись на «рикшѣ» домой въ японскую гостиницу, васъ опять встрѣчаютъ тѣ же хорошенькія, граціозныя «мусме» низкими привѣтственными поклонами; съ васъ снова снимаютъ сапоги и, все время посмѣиваясь и тихо болтая, ведутъ васъ по блестящимъ вычищеннымъ циновкамъ, или по деревянному полу, отполированному какъ крышка рояля, сдвигаютъ въ четырехугольникъ нѣсколько деревянныхъ рамъ съ натянутой бумагой, — и вы въ своей комнатѣ. Запереться на ключъ или на задвижку вамъ нечего и думать: ни дверей, ни замка. Пока вы окончательно не уляжетесь, ширмы ежеминутно раздвигаются маленькими, стройными вѣчно улыбающимися дѣвушками съ поэтическими именами: «Весна», «Заря», «Солнечный свѣтъ», «Отраженіе луны». «Цвѣтокъ сливы» готовитъ вамъ ванну и помогаетъ даже раздѣваться. Послѣ ванны вамъ подають «кимоно», предлагають чай и трубку и все время вертятся возлѣ васъ, приготовляя вамъ постель на полу, на жесткомъ матрацѣ. Все время возлѣ васъ какая-нибудь «мусме», даже тогда, когда вамъ непременно нужно быть одному.

Наконецъ, вы улеглись, и все, что вы видѣли въ теченіе дня, и все, что окружаетъ васъ тутъ — столь своеобразно, такъ не похоже на привычную дѣйствительность, что кажется вамъ красивымъ сномъ. Вы начинаете засыпать, вдругъ легкій трескъ заставляеть васъ раскрыть глаза: чей-то крохотный пальчикъ проткнулъ бумагу, потомъ исчезъ, и въ отверстіе смотритъ на васъ любопытный черный глазъ... Еще трескъ—еще глазъ... Это маленькія «мусме» смотрять на васъ изъ сосѣдней комнаты...

Религіозный и семейный бытъ Японціи.

Чѣмъ ближе знакомятся европейцы съ японцами, чѣмъ пристальнѣе всматриваются въ нихъ, въ складъ и строй японской жизни, тѣмъ яснѣе становится имъ, что въ лицѣ Японціи они имѣютъ дѣло со страной, проникнутою совершенно своеобразнымъ, вполне самостоятельнымъ духомъ, зрѣлымъ и глубоко разработаннымъ. Особенно поражаетъ европейца, что на всемъ протяженіи Японціи, съ крайняго сѣвера и до крайняго юга, онъ встрѣчаетъ совершенно одинаковую форму семейнаго и общественнаго быта, совершенно одинаковый строй понятій, воззрѣній, наклонностей и желаній.

Какъ же сложилось это единое японское міровоззрѣніе? Что написано на ихъ скрижаляхъ Завета? Естественноѣе всего искать отвѣта на этотъ вопросъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, въ вѣрованіяхъ народа.

О японцахъ говорятъ обыкновенно, что они—народъ нерелигіозный; надо понимать это, однако, только въ томъ смыслѣ, что они мало молятся, очень мало беспокоятся о всевозможныхъ мистическихъ и спиритуалистическихъ сторонахъ религіи, что ко многому они относятся безразлично. Большая часть японцевъ присоединится, конечно, ко взгляду одного изъ самыхъ знаменитыхъ ихъ соотечественниковъ, Фукузава: «по моему мнѣнію—говорилъ онъ—между различными религіями, какъ бы онѣ ни назывались: буддизмомъ, христіанствомъ и т. д., не существуетъ бѣльшей разницы, чѣмъ, на примѣръ, между чаемъ зеленымъ и чернымъ. Спорящимъ объ этомъ лучше всего предоставить испытать на полной свободѣ и того, и другого. Жрецы подобны продавцамъ чая; но я полагаю, что не слѣдуетъ одобрять ихъ стремленій хулить чужой товаръ, съ цѣлью бойчѣе продавать свой. Единственное, что они должны дѣлать,—это держать у себя хорошій товаръ и продавать его какъ можно дешевле».

И если вы спросите у японца средняго класса, какая его вѣра, онъ васъ не пойметъ. Все, что онъ сумѣетъ вамъ отвѣтить, это,—что, согласно обычаю, ему при рожденіи дали имя въ синтоистскомъ храмѣ, и что, вѣроятно, при похоронахъ его будутъ провожать буддѣйскіе бонзы. Между этими двумя крайними точками жизни онъ легко можетъ стать на время христіаниномъ.

Первоначальною и совершенно самобытною религіею Японціи является синтоизмъ. «Синто» значитъ путь боговъ.

Теоретическое ученіе синтоизма слагается изъ мѣоовъ о сотвореніи міра и нарожденія безчисленнаго сонма боговъ, населяющихъ синтоистскій пантеонъ подъ общимъ именемъ «ками». Изъ этихъ мѣоовъ, изложенныхъ въ одной изъ предшествующихъ главъ настоя-

щей книги (стр. 38—42), видно, что синтоизмъ есть религія пантеистическая, нѣсколько напоминающая миѳологию классической древности; сущность его сводится къ обожествленію силъ природы. Практическая цѣль и смыслъ синтоизма—въ утвержденіи сѣдой древности и божественнаго происхожденія какъ всего народа японскаго, такъ и его владыкъ—микадо: микадо—потомокъ духовъ неба, а каждый японецъ—потомокъ духовъ второго разряда, пра-пра-правнукъ «ками». Ками просто значить *ы с ш і е*, а по толкованію рационалиста-теолога XVIII стол. «Мотоори», «ками» означаетъ все, обладающее чрезвычайной силой, гдѣ бы она ни проявлялась, въ людяхъ ли, или въ вещахъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ. Въ то же время «ками» означаетъ вообще *п а ч а л ь н и к ь*.

Понятно изъ изложеннаго, что синтоистское міросозерцаніе должно было привести къ культу предковъ. Микадо, по ученію синто, есть представитель и намѣстникъ божества на землѣ, глава не только свѣтской, но и духовной власти. Ему въ сѣдую старину японцы оказывали почести божескія, и не далеко еще то время, когда японецъ вѣрилъ, что простому смертному узрѣть микадо—опасно для жизни. Въ первые вѣка не было иного храма, кромѣ дворца микадо.

Первоначальный культъ отличался чрезвычайной простотой. Впослѣдствіи, съ ростомъ населенія, стали воздвигаться въ Японіи повсемѣстно синтоистскія часовни—«*міа*», и народъ въ опредѣленные дни, посвященные богамъ, собирался возлѣ этихъ «*міа*», по не для молитвы или какихъ-либо религіозныхъ церемоній, а съ исключительною цѣлью въ общей радости и живомъ весельѣ почтить память боговъ—они же предки. Въ самой часовнѣ, расположенной обыкновенно среди кипарисовыхъ и бамбуковыхъ рощъ, населенныхъ множествомъ мелкихъ птичекъ, пользующихся здѣсь общимъ покровительствомъ и любовью,—нѣтъ никакихъ идоловъ. «*Міа*» была простая обыкновенная хижина, съ небольшою колокольней передъ нею; внутри, на столѣ въ родѣ алтаря, зеркало—эмблема «Аматерасу», и по обѣ его стороны пучки бѣлыхъ бумажныхъ лентъ на длинныхъ бамбуковыхъ палочкахъ—«гохей», эмблема очищенія. Нѣкогда «гохей» не было въ «*міа*»: передъ «*міа*» стояло священное дерево, вѣчнозеленый «сакаки», и на его вѣтвяхъ паломники развѣшивали куски матеріи; вынѣ «гохей» символически изображаетъ это дерево.

Основные особенности этого культа сохранились у синтоистовъ понынѣ. Только съ распространеніемъ буддизма, разсѣявнаго по странѣ множество великолѣпныхъ храмовъ, переполненныхъ идолами, и синтоисты стали строить красивые и внушительные храмы; но зеркало и «гохей» до сихъ поръ остались священными атрибутами синтоистскаго культа.

Еще и теперь, впрочемъ, архитектура синтоистскихъ храмовъ отличается простотою. Храмы эти строятся изъ неокрашенныхъ брусевъ бѣлаго дерева (низкорослаго кипариса, обильно произрастающаго въ Японіи) съ крышами изъ коры этого же дерева, нарѣзаннаго длинными полосами. Прилагаемый рисунокъ (табл. IV) представляетъ собою точную копію съ изображенія великаго храма въ Ицумо, покупаемаго всѣми паломниками, которые во множествѣ посѣщаютъ этотъ храмъ. Слѣдуетъ принять, однако, во вниманіе, что онъ считается вторымъ по святости во всей Японіи, а потому устроенъ гораздо роскошнѣе и сложнѣе большинства другихъ синтоистскихъ храмовъ. Составныя части храма, которыя можно прослѣдить по нашему рисунку, слѣдующія:

1. Главное святилище, состоящее изъ двухъ отдѣленій. Заднее изъ нихъ, въ которомъ хранится символъ божества (зеркало, мечъ, какой-нибудь интересный камень или иной предметъ), всегда остается запертымъ; въ переднемъ же отдѣленіи стоятъ ширмы съ навѣшанными на нихъ полосами бѣлой бумаги, долженствующими представлять собою тѣни, приносившіяся когда-то въ жертву божеству. Во многихъ храмахъ зеркало помѣщается также и надъ входомъ въ святилище.

2. Молельня передъ главнымъ святилищемъ, съ которымъ она иногда но не въ ицумскомъ храмѣ, сообщается чрезъ

3. корридоръ или галерею. Надъ входомъ въ молельню зачастую вѣшаютъ гонгъ; въ послѣдній богомолецъ громко ударяетъ, чтобы обратить на себя вниманіе божества. Тутъ же выставляется большой ящикъ для сбора денежныхъ и иныхъ пожертвованій.

4. Цистерна для омовенія рукъ передъ молитвой.

5. Низенькая стѣнка или, точнѣе, заборъ вокругъ главнаго святилища и принадлежащихъ къ нему пристроекъ.

6. Вторая ограда (обыкновенно изъ досокъ), называемая досчатымъ заборомъ.

7. Особыя ворота въ третьей внѣшней оградѣ. Нѣкоторые храмы имѣютъ по нѣскольку такихъ воротъ (Торіи). Значеніе этихъ воротъ не выяснено, но, во всякомъ случаѣ, они служатъ самымъ удобнымъ признакомъ для того, чтобы съ перваго же взгляда отличить синтоистскій храмъ отъ буддѣйскаго.

8. Контора, въ которой ведутся храмовыя книги, гдѣ зачастую живутъ также нѣкоторые изъ жрецовъ.

9. Второстепенныя святилища, посвященные не главному божеству, а разнымъ второстепеннымъ богамъ и героямъ.

10. Библіотека (въ большинствѣ храмовъ ея не имѣется).

11. Сокровищница.

12. Одинъ или нѣсколько придѣловъ для жертвоприношеній.

13. Галерея, гдѣ собираются паломники.

14. Помость для танцевъ.

15. Конюшня, въ которой содержится священная лошадь (обыкновенно альбиноска).

16. Заль для народныхъ собраній (большею частью отсутствуетъ).

17. Ворота въ досчатой оградѣ.

Обыкновенно въ синтоистскихъ храмахъ имѣются, кромѣ главныхъ святиль, также и второстепенныя, напр. священный колодець,

камень, упавшій съ неба, изваяніе быка, на которомъ ѣздило боже-ство, и т. п. Участокъ, на которомъ построенъ храмъ, обыкновенно обнесенъ рощею, преимущественно изъ кипарисовъ; нижнюю часть ствола ихъ окружають грубою сѣтью изъ соломенныхъ веревокъ, указывающею, что они состоятъ подъ покровительствомъ священныхъ духовъ.

По ниспроверженіи сѣ-гуната, предполагалось сперва (въ 1868 г.) объявить синтоизмъ единственной государственной религіей Японш и совершенно упразднить буддизмъ. Приверженность народныхъ массъ къ буддѣйскому культу заставила, однако, ограничиться полнымъ отдѣленіемъ обоихъ вѣроисповѣданій другъ отъ друга. При этомъ были удалены изъ синтоистскихъ храмовъ всѣ пагоды, колокольни и богато изукрашенныя капища буддѣйскаго типа. Многія великолѣпныя постройки, которыми восхищались европейскіе путешественники лѣтъ тридцать тому назадъ, были при этомъ уничтожены, но зато можно теперь несравненно лучше ознакомиться съ единственнымъ въ своемъ родѣ архитектурнымъ стилемъ синтоистскихъ храмовъ.

Синтоизмъ совершенно свободенъ отъ всякаго религіознаго духа, какъ мы его понимаемъ; онъ не учитъ ничему, кромѣ культа предковъ; нѣтъ въ немъ ни догматовъ о существѣ боговъ, ни ученія о безсмертіи, о карахъ или наградахъ загробныхъ. Микадо, умирая, становится «ками», но что творится послѣ смерти съ обыкновенными людьми, о томъ ничего не говорятъ ни жрецы, ни толкователи-богословы. Нѣтъ въ синтоизмѣ никакихъ нравственныхъ заповѣдей; рядомъ съ правилами, скорѣе обычными, предписывающими физическую опрятность, и особымъ подраздѣленіемъ вещей на чистыя и не чистыя, напоминающими такія же подраздѣленія у египтянъ, существуетъ одно только общее правило морали, которое можно выразить такъ: «поступай согласно законамъ природы, щадя при этомъ законы общественные». По ученію теологовъ синтоизма, жители страны Восходящаго Солнца, происходящіе отъ боговъ, обладаютъ инстинктивнымъ познаніемъ добра и зла и выполняютъ свои обязанности поэтому инстинктивно; «иначе они были бы хуже звѣрей, которыхъ вѣдь никто не учитъ, какъ надлежитъ имъ поступать». Кромѣ того, микадо, находясь въ постоянномъ тѣсномъ общеніи со своею божественною праматерью, всегда можетъ въ затруднительныхъ случаяхъ совѣщаться съ нею и узнавать подлинную истину. Поэтому: «кто хочетъ идти путемъ боговъ, долженъ быть послушенъ волѣ микадо».

Мотоори объясняетъ это слѣдующими соображеніями: «Ученіе о нравственности изобрѣтено китайцами, потому что сами они народъ въ высшей степени безнравственный; японцамъ же нѣтъ надобности въ такихъ ухищреніяхъ, каждый изъ нихъ и безъ того можетъ жить

нравственно, руководствуясь голосомъ своей собственной совѣсти... Хорошій японецъ обязанъ повиноваться микадо, не задавая себѣ праздныхъ вопросовъ о томъ, поступаетъ государь справедливо или несправедливо. Только безнравственному народу, каковы китайцы, свойственно обсуждать поступки и характеры ихъ правительства и царя».

Еще одно крайне важное послѣдствіе синтоистскаго міровоззрѣнія, пустившаго глубокіе корни въ душу японскаго народа: микадо—въ идеѣ—стоитъ внѣ связи съ какимъ бы то ни было классомъ японскаго народа; общее божественное происхожденіе роднитъ микадо со всѣмъ народомъ, дѣлаетъ его главой народной семьи. Въ теченіе многовѣковой японской исторіи феодальные владѣтели и высшіе слои японскаго народа не разъ сводили фактическое значеніе микадо почти къ нулю; тѣмъ не менѣе, даже сѣ-гуны, въ эпоху наиболѣе полного ихъ владычества, въ глазахъ народа были только представителями власти микадо и никогда изъ этой фикціи не выходили.

Въ исторіи Японіи напрасно стали бы мы искать слѣдовъ борьбы за идеи личной свободы, за «права человѣка» въ какой бы то ни было формѣ, за равенство общегражданское. Человѣкъ изъ народа не могъ еще до недавняго времени носить оружія, садиться на коня, даже одѣваться по своей волѣ и образцу, распоряжаться своимъ имѣніемъ. Государственный строй Японіи всегда заставлялъ личность служить ему: личность для общества, а не общество для личности. И несомнѣнно самое неожиданное, съ чѣмъ приходится считаться японскому духу въ его столкновеніи съ понятіями и культурой европейскими, это—вліяніе принциповъ индивидуализма, протестъ личности противъ мертвящихъ гнетущихъ формъ общественныхъ и семейныхъ.

Японская семья вся цѣликомъ держится на томъ же принципѣ подчиненія единицы цѣлому. Это относится не только къ женщинѣ и дѣтямъ, но и къ главѣ семьи, къ мужу; все поведеніе его, его достоинство и самый авторитетъ держится на принципѣ цѣлостности и достоинства семьи. Отецъ и мужъ—представитель семьи, какъ цѣлаго, въ теченіе всей своей жизни; въ предѣлахъ ея онъ—господинъ и владыка, которому безусловно должны подчиняться жена и дѣти. Женщина занимаетъ въ семьѣ мѣсто подчиненное. Покуда она можетъ разсчитывать на силу и обаяніе своихъ прелестей, она еще дитя; духовно она созрѣваетъ только тогда, когда физически отцвѣтаетъ. Первые годы послѣ брака она какъ бы старшая дочь мужа, потомъ покорная и вѣрная слуга, и не только его самого, но и его родителей; однимъ словомъ, всего, что входитъ въ общій складъ могучаго въ Японіи понятія семьи.

Бракъ въ Японіи—институтъ гражданскій; религія его не освящаетъ. Ему предшествуетъ помолвка, которая въ старину, и не осо-

бенно отдаленную, дѣлала уже союзъ неразрывнымъ. Нѣкогда дѣвушка-невѣста, въ случаѣ смерти жениха, должна была чернить себѣ зубы, сбривать брови, какъ настоящая замужняя женщина, и навсегда отказаться отъ замужества. Послѣ смерти мужа и теперь жена остается вдовой до самой смерти; конечно, сожителство ей не возбраняется, но настоящій бракъ не обыченъ. Союзъ брачный совершается по уговору родителей брачующихся, и нѣкогда нерѣдки были случаи, когда нарѣченные не знали другъ друга до самаго дня вѣчанія. То же самое было когда-то въ старину и у насъ, но теперь въ Японіи подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей, проникшихъ туда изъ Европы, эта форма брака становится въ городскихъ классахъ все рѣже. Въ общемъ, однако, этотъ обычай никогда въ Японіи не принималъ такихъ грубыхъ, жесткихъ формъ, какъ у насъ; объясняется это отсутствіемъ для японскихъ женщинъ замкнутой теремной жизни. Среди восточныхъ народовъ страна «Восходящаго Солнца»—единственная, гдѣ женщину не прячутъ и никогда не прятали: она показывалась всегда, вездѣ открыто и свободно.

При выборѣ невѣсты для своего сына родители руководствуются обыкновенно требованіями, съ корыстью ничего общаго не имѣющими: характеръ, воспитанность, красота, здоровье и происхожденіе изъ почтенной семьи—вотъ требованія, предъявляемые при выборѣ супруги; богатство—дѣло второстепенное, а приданое—установленіе, японцамъ почти вовсе не знакомое, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, уродливой физически или душевно-больной.

Дѣвушка не выходитъ у японцевъ замужъ до 12 лѣтъ, юноша не женится раньше 15. Ранніе браки, особенно въ простонародіи, сильно распространены среди японцевъ, и многіе наблюдатели этимъ пробовали объяснять малый ростъ и быстрое увяданіе ихъ. До какой степени принципъ общественной пользы главенствуетъ здѣсь надъ личностью, можно судить по тому, что до самаго послѣдняго времени для вступленія въ бракъ надо было испрашивать разрѣшеніе у соответствующихъ властей: въ низшихъ слояхъ общества у начальника общины, среди самураевъ у ихъ «даймію», въ высшей аристократіи у самого микадо. Старинный обычай вѣчанія, сохранившійся въ основныхъ чертахъ понынѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: сговоръ производился черезъ посредника, обыкновенно родственника или друга жениха. Въ день свадьбы онъ приводилъ невѣсту, укрытую бѣлою вуалью,—знакъ траура въ Японіи—къ дому нареченнаго, который встрѣчалъ ее въ дверяхъ дома. Выдать дочь замужъ въ чужую семью считается равносильнымъ потерѣ члена семьи; въ день вѣчанія дочери у дверей дома ея родителей горитъ такой же костеръ, какъ въ дни, когда въ домѣ покойникъ

Женихъ ведетъ невѣсту въ домъ; они садятся, раздѣленные посредникомъ, передъ которымъ ставятся три чарки, наполненныхъ «саке». Посредникъ беретъ одну чарку и подаетъ невѣстѣ; та отпиваетъ немного и передаетъ жениху, который, въ свою очередь, отпивъ, возвращаетъ ее посреднику, допивающему чарку. Вторая чарка идетъ обратнымъ путемъ отъ жениха къ невѣстѣ, затѣмъ третья, — и обрядъ конченъ. Церемонія эта называется «санъ-санъ-ку-до» ($3 \times 3 = 9$). Обрядъ конченъ, жена скидываетъ вуаль, и начинается свадебный пиръ.

Жена не должна вмѣшиваться въ дѣла и интересы мужа за предѣлами дома. Глава дома распоряжается всѣмъ имуществомъ, и въ случаѣ крайней нужды могъ даже продать жену свою; онъ можетъ выгнать ее изъ дому по причинамъ самымъ разнообразнымъ, главнымъ образомъ, если она бездѣтна, сварлива, болтлива какъ попугай, непокорлива роднѣ мужа или не умѣетъ справляться съ хозяйствомъ и дѣтьми. Японецъ, жениясь, беретъ себѣ жену сначала на испытаніе; первые три мѣсяца брака считаются пробными мѣсяцами, и если мужъ недоволенъ, онъ можетъ отослать жену въ домъ ея родителей, что, конечно, разсматривается какъ позоръ и несчастье. Измѣна мужа по старымъ обычаямъ не наказуется въ низшихъ слояхъ общества; въ высшихъ наказывалась арестомъ. Невѣрную жену мужъ имѣетъ право прогнать или даже убить, но не одну, а вмѣстѣ съ ея любовникомъ, иначе общественное мнѣніе осудило бы его какъ убійцу. Разведенная жена не имѣетъ права брать съ собою дѣтей. Форма брака въ Японіи моногамическая — жена у японца одна. Но существуетъ обычай конкубината — «схо». Мужъ имѣлъ право, глядя по состоянію, ввести въ домъ одну или нѣсколько «мекаке» — наложницъ; въ старину количество наложницъ опредѣлялось закономъ: «дайміо» могли имѣть восемь «мекаке», высшіе военные чины пять, обыкновенные самураи двѣ, народъ ни одной. Дѣти такихъ «мекаке», по обычаю, наследуютъ только въ случаѣ отсутствія дѣтей отъ законной жены; отъ главы дома, однако, зависитъ сдѣлать своими наследниками любого изъ своихъ дѣтей или даже пріемнаго сына. Дочери ничего не наследовали, такъ какъ не въ правѣ были владѣть собственностью. Все это теперь измѣнено новымъ гражданскимъ уложеніемъ (ср. выше, стр. 131).

Если сынъ не почтителенъ, буенъ нравомъ, пороченъ и вообще роняетъ достоинство семьи, отецъ въ правѣ прогнать его. Но и здѣсь проявляется не столько деспотическая власть главы семьи, сколько интересъ семейнаго цѣлаго: сынъ, недовольный отцомъ, роняющимъ достоинство семьи, въ правѣ отъ него отказаться и искать себѣ другую семью, и, вступая въ новую семью, онъ принимаетъ ея имя. Усыновленіе совершается и до сихъ поръ чрезвычайно легко и просто.

Семейный строй въ Японіи выполняетъ помимо своего спеціальнаго назначенія, еще одну соціальную функцію чрезвычайной важности: семья является институтомъ страхованія на случай старости. Глава японской семьи воспитываетъ старшаго сына-наслѣдника и всѣхъ прочихъ членовъ семьи и несетъ всю тяжесть семейныхъ обязанностей до 50-лѣтняго возраста. Съ этого времени, по обычаю «инкію», онъ сдаетъ свою власть и всю дѣловую сторону семейной жизни своему старшему сыну, а самъ больше ни во что, активно, не входитъ; остатокъ дней своихъ онъ и его жена проводятъ безъ всякихъ заботъ, сохраняя при этомъ въ семьѣ въ высшей степени достойное положеніе. Такимъ образомъ, строй японской семьи парализуетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, одно изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе вопіющихъ золъ, свойственныхъ Европѣ: необезпеченность рабочихъ людей на случай старости.

Женщины занимаютъ въ Японіи, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, положеніе зависимое: въ дѣтствѣ женщина должна повиноваться отцу, въ супружествѣ мужу, во вдовствѣ сыну. Не надо, однако, думать, чтобы положеніе женщинъ въ Японіи напоминало собою хоть приблизительно рабскую забитость и приниженность женщинъ въ другихъ восточныхъ странахъ. Въ дѣйствительности формы семейныхъ отношеній тамъ очень мягки и любовны; дѣти—истинные господа и владыки дома, въ нихъ вся соль семейныхъ отношеній, а положеніе жены и матери почетное. Грубое отношеніе къ женщинѣ со стороны мужчины покрываетъ его позоромъ въ глазахъ окружающихъ и бросаетъ на него тѣнь какъ на главу семьи; нѣтъ ничего рабскаго и въ отношеніяхъ жены къ мужу: подчиненіе мужчинѣ, по ея собственнымъ воззрѣніямъ, не роняетъ ее въ собственныхъ глазахъ, и во всѣ семейныя отношенія она вноситъ струю достоинства и мягкости. Японская женщина сообщаетъ всему, что выполняетъ дома какъ жена, мать и хозяйка, печать высокой культурности и артистичности. Вся жизнь, со всей ея будничной стороной развертывается передъ ея глазами какъ торжественная церемонія въ честь и во славу умершихъ предковъ. Въ этой церемоніи она играетъ извѣстную роль, и какъ бы незначительна эта роль ни была для нея, всѣ детали общей работы сливаются въ одинъ ансамбль, полный глубокаго смысла. Двойственное чувство, истекающее отъ сознанія второстепенности своего значенія въ этой пьесѣ и отъ сознанія женскаго достоинства, которое она должна здѣсь сохранить, поддерживаетъ въ ней это благоговѣйное преклоненіе передъ общимъ.

Если принять при этомъ во вниманіе, что все общество японское развивалось на чувствѣ чести и имъ проникнуто, что театры японскіе разрабатываютъ передъ ихъ глазами одни только темы ры-

царства и самопожертвованія, что ихъ историческія книги, рассказы, романы и поэзія воспѣваютъ и описываютъ самопожертвованіе личности въ интересахъ семьи и отечества, что даже ихъ игры въ карты напоминаютъ имъ священныя преданія, что даже умирающіе продолжаютъ въ Японіи улыбаться и при послѣднемъ издыханіи свято соблюдаютъ этикетъ,—то станетъ понятно, что веселая и кроткая японская женщина воспитывается и живетъ въ атмосферѣ героизма. Таково мнѣніе людей, пристально изучавшихъ Японію, а исторія японская даетъ этому рядъ блестящихъ примѣровъ.

Въ полномъ и глубокомъ соотвѣтствіи со всѣмъ строемъ духовнымъ, семейнымъ и общественнымъ находится непонятное, на нашъ взглядъ, отношеніе японцевъ къ чувству любви, какъ основѣ брака. Любовь, играющая у насъ такую огромную роль,—у японцевъ отступаетъ на задній планъ. Любовь, какъ мы ее понимаемъ, черезчуръ индивидуалистична, и цѣлостности японской семьи она грозитъ многими скрытыми опасностями. Съ европейской точки зрѣнія, личной жизни у японцевъ, а въ особенности у японокъ нѣтъ; для нихъ, какъ къ-то мѣтко сказано, личная жизнь начинается со дня смерти. Японцы любятъ, конечно, какъ любимъ и мы, и ихъ литература полна свидѣтельствъ этому, но эгоистическая и дезорганизующая сила личной любви отводитъ ей, въ глазахъ этого народа, мѣсто подчиненное, низшее. Въ глазахъ японцевъ мужчину унижаетъ выраженіе нѣжныхъ чувствъ, его обуревающихъ, и если онъ ухаживаетъ за какой-нибудь женщиной, то это вы всего вѣрнѣе подмѣтите по той совсѣмъ несвойственной вѣжливимъ японцамъ пренебрежительности, съ какой онъ относится къ нравящейся ему женщинѣ. Не мужчина ухаживаетъ въ Японіи, а женщина, и это нисколько ее не унижаетъ въ ея собственныхъ глазахъ: она тѣмъ подчеркиваетъ высокое достоинство своего избранника. Идея, что инициатива въ дѣлѣ любви можетъ и должна принадлежать женщинѣ, до такой степени вкоренилась въ понятія японцевъ, что древнее законодательство Японіи даже не предусматривало случаевъ изнасилованія.

До какой степени всѣ эти воззрѣнія срослись съ душою японской женщины даже въ средѣ высшихъ классовъ, свидѣтельствуется напечатанное въ одномъ изъ крупныхъ журналовъ японскихъ признаніе молодой японской женщины, недавно разведшейся съ мужемъ. Мужъ ея, интеллигентный человѣкъ, получилъ вполнѣ европейское образованіе и усвоилъ себѣ европейскіе взгляды на женщину. Молодая женщина покинула своего мужа не потому, что онъ съ нею дурно обращался, не вслѣдствіе преслѣдованія свекрови или иныхъ причинъ, но исключительно потому, что нѣжность и заботливость, которою мужъ окружалъ ее, лишали ее достоинства супруги, мѣшали ей выполнять

свои обязанности, спутывали всѣ ея представленія. Чѣмъ больше онъ ухаживалъ за нею, тѣмъ больше молодая японка духовно отворачивалась отъ него. „Я сама казалась себѣ—говорить она — какой-то принцессой, за которой по пятамъ ходитъ влюбленный школьникъ“.

Тѣмъ не менѣе, вліяніе европейскихъ идей сказывается въ японскомъ обществѣ, и элементы протеста проявляются все чаще. Женскій вопросъ несомнѣнно народился уже въ Японіи; представительницы японскихъ женщинъ принимали участіе въ европейскихъ конгрессахъ феминистокъ. Законы Японіи идутъ имъ навстрѣчу и несомнѣнно пробиваютъ брешь въ крѣпкой стѣнѣ старыхъ воззрѣній.

Съ III и IV вѣковъ нашей эры, японская цивилизація слагается подъ замѣтнымъ вліяніемъ буддизма и конфуціанства. Конфуціанство никогда не играло въ Японіи роли религіи, но въ теченіе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ оно являлось единственной вліятельной моральной философіей и при этомъ не только не смягчало, но еще усиливало власть и значеніе семейнаго авторитета въ японскомъ быту. Буддизмъ же удовлетворялъ мистическимъ потребностямъ духа, всегда присущимъ человѣку. Для того, чтобы легче и ближе подойти къ японской массѣ, буддисты выработали особую унію—«риобу». Миссіонеры буддизма признали древнія вѣрованія народа, придавъ имъ характеръ чего-то въ родѣ культа былинныхъ богатырей. Простонародію совершенно не доступны глубины возвышеннаго буддизма; оно чувствуетъ потребность видѣть передъ собою во время молитвы какой-нибудь священный предметъ; ему нужны идолы, но происхожденіемъ ихъ оно не интересуется. Буддизмъ въ Японіи выродился въ рядъ грубѣйшихъ суевѣрій, соответствующихъ наивности темнаго люда. Бонзы (буддійскіе жрецы) выполняютъ массу церемоній въ честь безчисленныхъ божковъ; устраиваютъ для народа ослѣпительныя религиозныя торжества, церемоніи, очень выгодныя для духовенства. Буддизмъ распался въ Японіи на множество сектъ. Жрецы однихъ выступаютъ въ торжественныхъ шествіяхъ, облаченные въ пышныя одѣянія; другія—въ рубищахъ и отвратительной грязи, прямо гнусной по своей изысканности. Одни требуютъ исповѣди, покаянія и устраиваютъ собесѣдованія съ прихожанами; другіе организуютъ бдѣнія съ напѣвами, длительными и монотонными, доводящія вѣрныхъ до полного умственного оупѣнія и остолебенія. Религиозная мысль застыла здѣсь въ безчисленныхъ формахъ и изреченіяхъ, до того темныхъ и непонятныхъ, что сами бонзы, читая въ нагодахъ отрывки изъ священной книги «Бео-Ханъ Ренге Кіау» (Лотосъ истинной вѣры), не понимаютъ ни слова изъ того, что читаютъ.

Въ настоящее время въ Японіи существуетъ восемь буддійскихъ

сектъ, и многія, въ свою очередь, подраздѣляются на нѣсколько толковъ. Различія между этими сектами, въ большинствѣ случаевъ, заключаются въ метафизическихъ тонкостяхъ, которыя, какъ утверждаетъ сэръ Эрнестъ Сатоу, чрезвычайно трудно понять, а еще труднѣе выразить словами. Объ одной изъ этихъ сектъ онъ говоритъ: «вышнія истины ея ученія признаются непостижимыми даже для самихъ членовъ секты, не достигшихъ еще той степени просвѣтленія, при которой они превращаются въ буддъ. Во всякомъ случаѣ, буддизмъ въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, предлагается народу не въ философской его формѣ, а въ видѣ грубаго суевѣрія, болѣе доступнаго пониманію невѣжественныхъ народныхъ массъ. Развитые умы, способные постигать философскія истины ученія Будды, могутъ послѣ четырехъ послѣдовательныхъ перевоплощеній въ человѣческомъ образѣ превратиться въ просвѣтленныхъ буддъ, тогда какъ для простонародія, исповѣдующаго грубую форму буддизма, достиженіе такихъ высокихъ степеней святости возможно лишь по истеченіи ста кальпъ, состоящихъ каждая изъ несмѣтнаго числа тысячелѣтій. Въ виду этого, и тѣ богословы, которые понимаютъ возвышенное ученіе Будды, считаютъ дозволеннымъ прибѣгать къ благочестивому обману для успокоенія этихъ несчастныхъ. Ихъ забавляютъ заклинаніями, надѣляютъ талисманами, совѣтуютъ предпринимать паломничество къ различнымъ якобы святымъ мѣстамъ и присутствовать при торжественныхъ религиозныхъ обрядахъ въ храмахъ, гдѣ они молятся не только Буддѣ, не дерзавшему возноситься мыслью до верховнаго существа, но также его ученикамъ и даже вещественнымъ воплощеніямъ отвлеченныхъ понятій, которыя для простонародія превратились въ боговъ».

Прилагаемая таблица V представляетъ копію съ японскаго изображенія буддійскаго храма въ Икегами близъ Токіо, который можетъ разсматриваться какъ образчикъ японско-буддійской архитектуры. Въ составъ этого храма входятъ слѣдующія сооруженія: 1) двухъэтажныя ворота; 2) складъ для благодарственныхъ пожертвованій; 3) колокольный домикъ; 4) главный храмъ или хондо; 5) молельня, посвященная основателю секты, которой принадлежитъ храмъ; 6) малая пагода, называемая также зданіемъ костей, такъ какъ въ ней хранится часть останковъ основателя секты; 7) вращающаяся бібліотека, содержащая полное собраніе буддійскихъ священныхъ книгъ; 8) жилище жрецовъ; 9) зданіе для паломниковъ; 10) сокровищница; 11) кухня; 12) цистерна для омовенія рукъ передъ богослуженіемъ; 13) барабанная башня; 14) большая пагода; 15) каменные фонари, пожертвованные храму. Буддійскіе фонари обыкновенно крыты черепицей, тогда какъ кровли синтопестскихъ состоятъ изъ полосокъ древесной коры. Молельня въ честь основателя встрѣчается не во всѣхъ буддійскихъ храмахъ, и весьма немногіе изъ нихъ обладаютъ малой пагодой и бібліотекой.

Изъ весьма многочисленныхъ боговъ и богинь, статуи которыхъ встрѣчаются въ буддійскихъ храмахъ, мы приведемъ, по Чемберлену, копіи съ японскихъ изображеній слѣдующихъ божествъ:

А ми да—могущественное божество, обитающее на западѣ въ собственномъ своемъ восхитительномъ раю. Первоначально это былъ отвлеченный идеаль безпредѣльнаго свѣта. Его изображаютъ въ сіяніи, окружающемъ иногда не только голову, но и все тѣло. Пятно на лбу служитъ эмблемою мудрости.

Амида.

Б и н ц у р у—былъ сперва однимъ изъ шестнадцати ракановъ, т.-е. старшихъ учениковъ Будды, но

Бинцуру.

изъ ихъ среды онъ былъ удаленъ за то, что мысленно нарушилъ обѣтъ цѣломудрія, увидѣвъ женщину и подумавъ: какъ она прекрасна. Изображенія его помещаютъ поэтому во внѣшнемъ притворѣ. Утверждаютъ, что Будда надѣлилъ его способностью исцѣлять всѣ че-

ловѣческія болѣзни. Простонародіе очень его чтитъ и охотно заказываетъ ему молебны.

Д а р у м а — буддійскій святой, возведенный въ божеское достоинство за то, что, размышляя о тщетѣ всего земного, сиднемъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока у него (по истеченіи 9-ти лѣтъ) отвалились ноги.

Е м м а - о (по-санскритски Яма—раджа)—завѣдующій буддійскимъ адомъ. Головной его уборъ напоминаетъ судейскую шапочку, а въ правой рукѣ у него палица. Возлѣ него изображенъ секретарь со спискомъ чловѣческихъ грѣховъ.

Дарума.

Ф у д о—повидимому брахманскій богъ Сива, котораго въ Японіи отождествили съ богомъ мудрости,

окружающей его своимъ пламенемъ. Простонародіе обыкновенно считаетъ его богомъ огня. Острый мечъ въ правой его рукѣ устрашаетъ злодѣевъ, а веревка въ лѣвой—предназначена для того, чтобы вязать ихъ. Обыкновенно при немъ изображаютъ и двухъ главныхъ его приспѣшниковъ Сеи-така-додзи и Конгара-додзи (стр. 349).

И н а р и—божество риса—изображается то въ видѣ женщины, то въ видѣ бородатаго мужчины. Въ храмахъ этого божества помѣщаются всегда изображенія лисицъ (стр. 349). Поэтому въ простонародіи оно сльветъ божественною лисицею.

Д з и ц о—сострадательный помощникъ въ нуждѣ—считается осо-

Емма-о.

бымъ покровителемъ путешественниковъ, беременныхъ женщинъ и дѣтей. Каменное изваяніе его встрѣчается повсемѣстно въ Японіи, чаще всѣхъ другихъ идоловъ.

К о с и н ъ—обоготвореніе дня, соотвѣтствующаго 57-му члену китайскаго календарнаго круга, раздѣленнаго на шестьдесятъ частей. Такъ какъ этотъ день посвященъ марышкѣ, то соотвѣтствующее ему божество изображено въ видѣ трехъ обезьянъ: слѣпой, глухой и нѣмой (стр. 349). Каменные плиты съ рельефными изображеніями этихъ трехъ обезьянъ весьма часто встрѣчаются близъ загородныхъ дорогъ.

Лисицы Инари.

Дзико.

Фудосъ Сеи-така и Комара-
додзи.

Косинъ.

Путешественники имъ молятся въ надеждѣ на то, что божество не дозволитъ прочимъ богамъ увидѣть и услышать дурные ихъ поступки да и само о нихъ умолчить.

К в а н и о н ъ (Кванце-онъ Дай Босацу)—богиня милосердія, всевидящая и прислушивающаяся къ молитвамъ несчастливцевъ—изображается въ различныхъ видахъ; главные изъ нихъ на стр. 351.

С а к а - М у н и (Будда); на первомъ планѣ изображены двое его учениковъ Фудзенъ и Мондзу; первый изъ нихъ является покровителемъ восторженнаго размышленія, а второй служитъ воплощеніемъ высочайшей мудрости (стр. 252).

С и х и - ф у к у д з и н ъ—семь боговъ счастья, а именно: 1) Ебису, 2) Дайкоку, 3) Бентенъ, 4) Фукурокудзу, 5) Бисамонъ, 6) Дзуродзинъ, 7) Хотей. Изображенія ихъ на стр. 353.

Широкое распространеніе буддизма въ народѣ было все-таки враждебно основамъ синтоистскаго міровоззрѣнія и угрожало единовластію и авторитету микадо. Въ рукахъ сѣ-гуновъ и аристократіи буддизмъ служилъ орудіемъ борьбы съ основнымъ принципомъ синтоизма: «исполняй волю микадо, если хочешь идти путемъ боговъ». И хотя среди самихъ микадо было много ревностныхъ буддистовъ, тѣмъ не менѣе, стремленіе поддержать древнюю національную вѣру и воскресить ее къ новой жизни являлось характернымъ для царей Японіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Послѣдняя широко-поставленная попытка сдѣлана въ этомъ направленіи микадо Саго въ 1810 г. Онъ далъ толчокъ новому развитію синтоизма, заново сталъ отстраивать запущенные и оставленные храмы, воздвигать новые и издалъ рядъ указовъ, предписывавшихъ духовенству буддійскому вести себя нравственнѣе и не злоупотреблять легковѣріемъ народа. Отнюдь не прибѣгая къ насиліямъ или принужденію, правительство микадо всѣми силами старалось воскресить древнія національныя вѣрованія, обращаясь къ содѣйствію ученыхъ, создавшихъ по слѣдамъ Мотоори (см. выше, стр. 290) школу синтоистовъ-раціоналистовъ. Усилія эти не остались совершенно безплодными; глубоко заложенные въ сердцахъ японскаго народа традиціи, отождествлявшія синтоизмъ съ патриотизмомъ, воскресли и положили предѣлъ поглощенію синтоизма буддизмомъ. Въ настоящее время относительное распространеніе этихъ двухъ главныхъ религій въ Японіи выясняется слѣдующими цифрами: въ 1896 году въ Японіи числилось буддійскихъ «тера» (храмовъ) всѣхъ сектъ 71886, бонзъ 52837 и жриць 690; синтоистскихъ «міа» 192000, жрецовъ 15158 и жриць 110.

Жрецы синтоистскаго культа ничѣмъ не отличаются въ своей жизни отъ обыкновенныхъ согражданъ. Они женятся и передаютъ

Кваннонь.

1—Кваннонь премудрая; 2—одиннадцатилица; 3—тысячорукая; 4—украшенная конскою головою; 5—всемогущая.

свое жреческое достоинство сыновьямъ своимъ по наслѣдству. Высшіе жрецы принадлежать къ лучшимъ родамъ Японіи, и нерѣдко цари, желая парализовать кого-нибудь изъ членовъ своей семьи и устранить его отъ политической жизни, возводили его въ высокій жреческій санъ, чрезвычайно почетный, но лишенный всякаго дѣйствительнаго значенія. Со времени воскрешенія синтоизма къ новой жизни, его пытались сдѣлать господствующей, такъ сказать, государственной религіей, но неудачно: усилія эти разбились о безразличное отношеніе народа къ религіи вообще и о приверженность къ буддизму—не столько какъ къ религіи, сколько какъ къ философіи—со стороны высшихъ слоевъ японской аристократіи и просвѣщеннаго городского населенія.

Первыя попытки проникновенія христіанства въ Японію относятся къ XVI в. Сначала Франсуа Ксавье съ своей миссіей, а затѣмъ португальскіе іезуиты (1549 г.) высадились въ Японію. Совпало это

Фудзенъ.

Сака-Мунн.

Мондзу.

съ эпохою обостренныхъ междоусобныхъ войнъ феодальныхъ князьковъ. Раздоры внутри страны были миссіонерамъ на руку, и вскорѣ они

1.

2.

4.

3.

5.

6.

7.

Сихи-фукудзинъ — боги счастья (см. стр. 350).

стали подъ шумокъ воздвигать католическія церкви на мѣсто разрушенныхъ «міа» и «тера». Въ 1582 г. отцы-іезуиты насчитывали 150000 новообращенныхъ и двѣсти церквей. Но, конечно, вмѣстѣ съ христіанствомъ іезуиты привезли съ собою въ Японию духъ инквизиціи и преслѣдованія. Съ большою свирѣпостью начали они нападать на бонзъ, подстрекать обратившихся въ христіанство къ поруганію туземныхъ боговъ, разрушенію идоловъ, сожженію и оскверненію старыхъ часовенъ. При этомъ іезуиты щедро разсыпали золото, присылаемое королями Португаліи и Испаніи подъ именемъ «милостыни». Этимъ прельщались туземные правители. На Кіу-Сіу всѣ дайміо сдѣлались христіанами и принуждали своихъ подданныхъ присоединяться къ новой религіи. Населенію цѣлыхъ округовъ было приказано или принять христіанство, или удалиться въ изгнаніе. Бонзы изгонялись или убивались. Были вымышлены фиктивные чудеса, чтобы дѣйствовать на легковѣрные умы. Все это удостовѣрено не только японскими писателями, но и самими іезуитами. «Японія, говоритъ Буке, не знавшая до того религіозной нетерпимости, была научена этому іезуитами». Роковой примѣръ обратился противъ тѣхъ, кто первый его подалъ». Новая религія угрожала основанію государства въ государствѣ; идея о чужеземномъ Папѣ, не только высшемъ духовномъ главѣ всѣхъ народовъ, но и повелителѣ монарховъ, было чуждо и противно духу японцевъ. И вотъ тогда уже правительство страны объявило безпощадную войну католичеству. Первый указъ противъ христіанъ изданъ былъ Хиде-ёси въ 1587 г.: іезуитамъ приказано было немедленно очистить страну. Но рѣшительныя фанатически-жестокія преслѣдованія упорствующихъ въ католичество японцевъ начались съ 1614 года; количество вѣрныхъ таяло, и, наконецъ, послѣднія 40000 укрывшихся въ Симбара въ 1638 г. нашли тамъ смерть всѣ до единого. Разрушеніе христіанскихъ церквей, крестовъ и священныхъ изображеній было совершено съ такою безпощадностью, что новѣйшіе изслѣдователи только съ большимъ трудомъ находили незначительные остатки ихъ. Въ теченіе двухъ столѣтій имя Христа было синонимомъ волшебства, мятежа и всего враждебнаго миру. По всей Японіи, въ каждомъ городѣ, селѣ, деревнѣ, по сторонамъ дорогъ, при каждомъ входѣ въ столицу и т. п. были вывѣшены объявленія, гдѣ среди наименованій величайшихъ преступленій, угрожавшихъ обществу и правительству, было начертано одно слово съ особымъ клеймомъ, поражающимъ ужасомъ cadaго прохожаго. Это слово — Христось. Христіанство было объявлено развращенной сектой, которая считалась темнымъ пятномъ въ прошломъ японской націи.

Съ открытіемъ Японіи для иностранной торговли возобновилась въ ней и христіанская проповѣдь, но отмѣна антихристіанскихъ за-

коновъ состоялась лишь въ 1873 г. Миссіонеры различныхъ исповѣданій начали открывать школы, образовывать туземныя христіанскія ассоціаціи, знакомить японцевъ съ христіанскою литературою, устраивать публичные диспуты, собесѣдованія и т. п. Постепенно христіанство проникло во всѣ слои общества, не исключая высшихъ интеллигентныхъ и правительственныхъ сферъ. Когда открылся первый японскій парламентъ, то президентомъ палаты депутатовъ былъ избранъ христіанинъ, и христіане занимаютъ видныя мѣста въ администраціи, верховномъ судѣ, войскѣ и флотѣ. Въ настоящее время католиковъ насчитывается около 60000, протестантовъ—40000 и православныхъ—27500. Эти цифры, по сравненію съ успѣхомъ христіанской проповѣди въ XVI в. очень скромны. Японцы далеко не обнаруживаютъ того горячаго религіознаго порыва, который охватилъ ихъ при первомъ знакомствѣ съ христіанскою вѣрой. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что очень ужъ плохая память осталась въ Японіи о первоначальномъ іезуитскомъ христіанствѣ.

Въ японской православной церкви къ 1 января 1901 г. состояло церковныхъ общинъ 257, христіанъ въ нихъ 25994, священнослужителей 36, въ томъ числѣ одинъ епископъ—преосвящ. Николай (именующійся епископомъ ревельскимъ), одинъ игумень, 28 священниковъ, 6 діаконовъ, изъ нихъ русскіе: епископъ, игумень, одинъ священникъ и одинъ діакопъ, всѣ прочіе—японцы; причетниковъ—учителей церковнаго пѣнія—числилось 15, проповѣдниковъ—150.

Всѣхъ православныхъ храмовъ въ Японіи имѣется до 175. Особенно выдѣляется величественный храмъ Воскресенія въ Токио; онъ господствуетъ надъ городомъ и первый бросается въ глаза при вѣздѣ съ моря. Наоборотъ, въ древней столицѣ Японіи—Киото—имѣется лишь деревянный храмъ, который далеко уступаетъ воздвигнутымъ тамъ великолѣпнымъ каменнымъ храмамъ—католическому, епископальному и протестантскому.

Въ учебныхъ заведеніяхъ православной миссіи въ Токио состояло: въ катихизаторскомъ училищѣ 9 и въ семинаріи 62 ученика, въ женскомъ училищѣ 77 ученицъ. Учащихъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было 33, въ томъ числѣ четверо съ академическимъ образованіемъ. Въ женскомъ училищѣ имѣется спеціальныи классъ иконописанія, который снабжаетъ иконами всѣ православныя церкви Японіи. Въ Хакодате имѣется при храмѣ большая приходская школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ 4 учителями, и женская школа шитья съ двумя учительницами. Въ Осакѣ существуетъ огласительное училище. «Въ «обществѣ переводчиковъ религіозныхъ книгъ» состояло 8 переводчиковъ и 2 редактора періодическихъ изданій миссіи: двухнедѣльнаго «Сейкео Симсо» (Православный Вѣстникъ); издаваемаго

обществомъ переводчиковъ, и ежемѣсячнаго «Уранисики» (Скромность), издаваемаго при миссійскомъ женскомъ училищѣ. Кромѣ того, миссіей издано 10 переводовъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, 25 оригинальныхъ книгъ и брошюръ и четырехголосное пѣніе праздниковъ.

Съ 1895 г. въ Японіи съ особеннымъ успѣхомъ подвизается «армія спасенія».

Каково же дѣйствительное воздѣйствіе христіанства на душу японцевъ? Конечно, если полагаться на статистическія цифры различныхъ миссій, можно было бы думать, что христіанство дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи въ Японіи. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла оказывается, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ предъ собою не серьезное обращеніе, а комедію, продѣлываемую японцами съ полнѣйшею наивностью. Такъ же обстоитъ дѣло и въ Корей и Китаѣ, но цѣли, толкающія японцевъ въ объятія миссіонеровъ, не тѣ, что тамъ. Китайцы ищутъ въ миссіонерахъ и находятъ въ нихъ защитниковъ отъ притѣсненій мандариновъ; японцы же, въ большинствѣ случаевъ, цѣнятъ въ миссіонерахъ учителей иностраннымъ языкамъ, знаніе которыхъ съ каждымъ днемъ становится все болѣею потребностью въ Японіи. Часто японецъ, поступающій въ какую-нибудь школу, устроенную и руководимую миссіонерами, во все время пребыванія въ этой школѣ ведетъ себя какъ всѣ христіане: посѣщаетъ вмѣстѣ съ другими службы, молится, поетъ религиозные гимны, но продѣлываетъ все это скорѣе всего изъ чувства нѣкоторой вѣжливости, если не изъ прямого интереса. Оставляя школу, онъ оставляетъ и все свое христіанство. Было бы несправедливо, однако, думать, что здѣсь сказывается лицемеріе: вѣрнѣе всего въ основѣ здѣсь лежитъ глубоко-безразличное отношеніе къ религіи вообще. Есть мѣста въ Японіи, въ которыхъ все населеніе на нѣсколько мѣсяцевъ въ году становится сплошь христіанами; это чаще всего на водахъ, куда съѣзжается въ опредѣленный сезонъ та или иная группа иностранцевъ, поселившихся въ Японіи.

Если прослѣдить взгляды на христіанство, проявляемые японцами въ журналистикѣ и литературѣ, то къ сказанному можно прибавить слѣдующее характерное воззрѣніе: просвѣщенные японцы, любящіе науку и глубоко вѣрующіе въ ея прогрессивную силу и высокую цѣнность, оснарявая христіанство, любятъ указывать на якобы непримиримое противорѣчіе его съ наукой и на постоянную борьбу его съ передовою мыслью научною. Что, однако, дѣйствуетъ особенно отталкивающимъ образомъ на японцевъ, это—постоянное зрѣлище раздоровъ и борьбы между представителями разныхъ христіанскихъ ис-

повѣданій. Яростная борьба ведется въ Японіи не только между католиками, православными и протестантами, но и между безчисленными толками протестантскаго вѣроученія. Японцы присматриваются ко всему этому и загадочно улыбаются.

Попадаютъ, однако, и среди японцевъ люди, не только искренне примкнувшіе къ христіанству, но и мечтающіе о созданіи новаго христіанства, — японскаго. Патеръ Косаки говоритъ: «именно въ Японіи христіанство найдетъ свое полное и окончательное выраженіе»; а Іохои полагаетъ, что: «японское новохристіанство должно быть выше всѣхъ другихъ, и скоро европейцы сознаютъ это и начнутъ примыкать къ нему».

Въ общемъ же передовые японцы отказались отъ національных вѣрованій, какъ отъ ненужнаго хлама; для нихъ единственною религіею является наука, единственнымъ руководящимъ началомъ — разумъ.

Заключеніе.

Психологія японцевъ и желтая опасность.

Относительно психологіи японцевъ указаній имѣется въ литературѣ весьма много, но уже рѣзкое противорѣчіе въ отзывахъ отдѣльныхъ авторовъ о душевныхъ свойствахъ японцевъ обнаруживаетъ сомнительность и недостоверность этихъ свидѣтельствъ. Если исключить серьезныя изслѣдованія японской жизни, являющіяся результатомъ долголѣтняго изученія страны и ея народа, то источники свѣдѣній о японцахъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни—это коммерсанты, ведущіе со страной дѣловыя сношенія и сталкивающіеся преимущественно съ классомъ мелкой японской буржуазіи, другіе—случайные посѣтители Японіи, туристы и путешественники, входящіе въ соприкосновеніе, и то очень поверхностное, съ японскою интеллигенціею и народомъ и не имѣющіе специальныхъ точекъ сближенія съ японскими торговцами и промышленниками. Первые, въ большинствѣ случаевъ, отзываються о японцахъ съ дурной стороны, считая ихъ хитрыми, нечестными, скрытными, неспособными къ упорному труду и склонными къ внѣшней переимчивости. Вторые, напротивъ, идеализируютъ японскій народъ до совершенно невѣроятной степени, восхваляя ихъ умъ, вѣжливость, веселость, настойчивость, честность и другія похвальные качества. Серьезные изслѣдователи Японіи прежде всего признаютъ, что ознакомиться съ психологіею этого народа—дѣло крайне трудное, особенно въ виду коренного различія языка, поддающагося изученію лишь съ большимъ трудомъ, а также въ виду несомнѣнно весьма развитой у японцевъ способности подавлять проявленіе чувства. Какъ извѣстно, нѣкоторые психологи видятъ главное психическое отличіе цивилизованнаго человѣка отъ дикаря въ способности задерживать рефлексъ,

т.-е. внѣшнія выраженія тѣхъ чувствъ, которыя возникаютъ въ душѣ подъ вліяніемъ воспринятыхъ извнѣ впечатлѣній. Японцы способны къ этому задерживанію въ весьма высокой степени. Выразить при постороннихъ сильную радость, печаль или страхъ считается у нихъ неприличнымъ. Это придаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ поведенію японцевъ характеръ фальши и, во всякомъ случаѣ, значительно затрудняетъ наблюденіе японцевъ. Бывшій свыше 20 лѣтъ профессоромъ медицины въ Токіо д-ръ Бельцъ заявляетъ, что, несмотря на постоянное общеніе съ японцами въ качествѣ практическаго врача, онъ отказывается произвести какое-нибудь категорическое сужденіе о психологіи японскаго народа вообще. По его словамъ, въ отношеніи душевныхъ качествъ японскій народъ можно грубымъ образомъ раздѣлить на два слоя, имѣющіе каждый свои психологическія особенности. Слой промышленный и торговый, вошедшій въ соприкосновеніе съ наиболѣе несимпатичными сторонами европейской цивилизаціи — стремленіемъ къ наживѣ цѣною эксплуатаціи другихъ—всецѣло усвоилъ эти отрицательныя стороны. Японскій мелкій промышленникъ—это, въ большинствѣ случаевъ, эксплуататоръ и торгашъ, не особенно разборчивый въ средствахъ къ наживѣ. Во времена феодализма соціально и политически порабощенный низшій классъ не могъ развить въ себѣ нравственнаго міровоззрѣнія; изъ этого слоя и возникъ нынѣшній классъ мелкаго купечества въ Японіи. Классы, занимавшіе при феодализмѣ господствующее положеніе, напротивъ, усвоили очень стройный кодексъ нравственности прежняго сословія «самураевъ», изложенный въ книгѣ «Бушидо» *). Дать цѣльную характеристику того нравственнаго типа, какой представляетъ собою эта японская интеллигенція, которая можетъ считаться душою народа, и которая направляетъ историческія его судьбы—мудрено: слишкомъ много въ немъ своеобразнаго и намъ чуждаго. Въ настоящей книгѣ разобрано много отдѣльныхъ чертъ, выясняющихъ духовную фізіономію японца. Здѣсь намъ достаточно остановиться на двухъ чертахъ, имѣющихъ преобладающее значеніе для переживаемаго момента. Въ японцѣ мы находимъ мало понятное для насъ сочетаніе артистичности натуры съ отсутствіемъ чувства личности. У насъ артистическая натура неразрывно связана съ сознаніемъ своей индивидуальности, своей личной особы и своей личной самоцѣнности, но у японцевъ сознаніе особы и мѣрило цѣнности прилагаются, повидимому, къ индивидуальности не личной, а

*) Ср. выше, стр. 253 и 133—135, а также книгу г. Богословскаго, названную на стр. 135. Въ соч. г. Богословскаго почти цѣликомъ изложено и изслѣдованіе о «Бушидо» Инао Нитобе.

собирающей, каковою является нація. И это чувство національнаго самосознанія обостряется до болѣзненности, такъ какъ его гложеть червь сомнѣнія: въ глубинѣ души своей японцы не могутъ не сознавать, что культура ихъ всегда питалась чужими соками, что при своеобразной фізіономіи она не имѣетъ самобытной основы. При появленіи въ 1850-хъ годахъ американо-европейскихъ эскадръ, они должны были признать свое безсиліе; чувство національной гордости, глубоко уязвленное сознаниемъ превосходства европейцевъ, однако, не смирилось, и со свойственными имъ настойчивостью и стремительностью японцы задались цѣлью овладѣть этимъ превосходствомъ, которое въ ихъ представленіяхъ сводится къ техническому прогрессу и къ военнымъ усовершенствованіямъ, и не только овладѣть, но и превзойти. И вотъ они въ тридцать лѣтъ совершили въ своей странѣ переворотъ, въ сравненіи съ которымъ наши шумныя европейскія революціи представляются топтаніемъ на одномъ мѣстѣ*). Если въ этомъ переворотѣ японцами руководило чувство національнаго достоинства, то національная гордость стала увлекать ихъ дальше. Утвердившись въ мысли, что они сравнились съ европейцами въ культурѣ, японцы не удовлетворились сознаниемъ такого равенства и стали мечтать объ исключительномъ призваніи своего народа въ исторіи человѣчества. Народился своего рода японскій мессіаниззмъ. Десять лѣтъ тому назадъ графъ Окума, бывший министръ иностранныхъ дѣлъ Японіи, въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ такіе взгляды по отношенію къ европейскимъ государствамъ и къ будущей роли Японіи: «Европейскія державы уже выказываютъ признаки упадка, и въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ строй будетъ расшатанъ, ихъ государства распадутся. Если этого и не случится, то ихъ ресурсы будутъ истощены неудачными колонизаціонными попытками. Кто же способенъ выступить ихъ дѣйствительными преемниками, какъ не мы? Какая нація, кромѣ Германіи, Франціи, Россіи, Австріи и Италиі, можетъ выставить въ поле въ теченіе мѣсяца двухсоттысячную армію? По отношенію къ интеллектуальной силѣ, японскій умъ вполне равенъ европейскому. Даже болѣе. Развѣ

*) Конечно, поразительная быстрота, съ какою японцы усвоили всѣ техническія и многія правовыя пріобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, свидѣтельствуеетъ о необыкновенной умственной подвижности и восприимчивости японской народности, а также о ея цѣнныхъ нравственныхъ качествахъ — упорномъ трудолюбіи, выдержкѣ характера, настойчивости въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, но самая возможность столь быстрого переворота кроилась въ томъ, что въ странѣ и раньше была хотя своеобразная, но по-своему высокая культура.

японцы не открыли пути къ усовершенствованію открытія, въ которомъ иностранцы не могли достигнуть успѣха послѣ многихъ лѣтъ труда? *) Нашъ народъ удивляетъ даже французовъ, наиболѣе искусныхъ въ ремеслахъ, тщательностью своей работы. Правда, японцы малы ростомъ, но совершенство тѣла зависитъ болѣе отъ его сложенія, чѣмъ отъ величины. Когда закончится пересмотръ договоровъ и Японія окончателъно побѣдитъ Китай, мы станемъ одною изъ великихъ державъ міра, и ни одна держава не осмѣлится вмѣшаться въ какое-либо движеніе, не посовѣтовавшись съ нами. Японія въ состояніи будетъ вступить тогда въ соревнованіе съ Европой, какъ представительница восточныхъ расъ».

Нынѣ эта идея «панмонголизма» начинаетъ переходить изъ области мечтаній на почву практической политики. Опасность, которую предвидѣлъ Вл. Соловьевъ**, становится все болѣе близкою и грозною. Японія смѣло выступаетъ впередъ и рѣшительно беретъ на себя миссію возрожденія и объединенія народовъ Азіи для будущей «міровой борьбы». Пока Японія дѣйствуетъ сама по себѣ, она представляется просто честолюбивою и воинственною націею, какъ-будто похожею на Англію; но въ соединеніи съ Китаемъ она можетъ создать огромное расовое движеніе, которое и явится дѣйствительною «желтою опасностью».

«Желтая опасность» заключается не въ томъ, что Японія можетъ наводнить міровой рынокъ дешевыми издѣліями — какъ этого опасаются мнительные промышленники (ср. выше, стр. 204 и сл.)—а въ томъ, что Японія считаетъ себя призванной внести свѣтъ культуры въ многомилліонный Китай, подъ свѣтомъ же культуры Японія разумѣетъ прежде всего блескъ орудій и штыковъ.

Китай, получивъ усиліями японцевъ современную военную организацію, явился бы великою угрозою для европейскихъ націй, и новыя правильно обученныя милліонныя монгольскія арміи могли бы и не ограничиться изгнаніемъ европейцевъ изъ Азіи. Надвигающаяся опасность тѣмъ грознѣе, что основное начало европейской цивилизаціи—уваженіе къ человѣческой личности, къ правамъ человѣка—совершенно чуждо монгольской расѣ, и это обстоятельство рѣзко отличаетъ азіатское міросозерцаніе отъ европейскаго.

Къ счастью, японцы начинаютъ слишкомъ спѣшить съ практическимъ осуществленіемъ идеи «панмонголизма», и надо надѣяться, что европейскія державы во-время поймутъ, что насущные интересы

*) Окума разумѣлъ, повидимому, сдѣланное тогда японскимъ врачомъ открытіе бацилла бубонной чумы въ Гонгъ-Конгъ.

***) Влад. Соловьевъ, «Три разговора». Спб. 1900, стр. 153.

цивилизациі требуютъ отъ нихъ единенія въ рѣшеніи вопросовъ Дальняго Востока.

Россія въ теченіе многихъ вѣковъ служила для Европы заслономъ отъ монгольскихъ вторженій. Она вынесла на своихъ плечахъ тяжесть монгольскаго ига и тѣмъ дала возможность европейской культурѣ окрѣпнуть. Россія съ честью выполнила эту тяжкую задачу, заплативъ за это отсталостью во внутреннемъ своемъ развитіи. Теперь она же вынуждена грудью встрѣтить первую волну новаго «панмонголизма», но теперь человѣчество можетъ и должно сознательнѣе относиться къ ходу историческихъ событій. Въ этомъ значеніе переживаемаго момента...

Л. Ю. Шмидтъ.

Корея и корейцы.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Мая 1900 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Природа страны.

Корея расположена на сѣверо-восточной окраинѣ азіатскаго материка, на обширномъ полуостровѣ, который далеко выдается въ море и отдѣляетъ Желтое море отъ Японскаго. Самый сѣверный пунктъ Кореи находится близъ впаденія рѣки Хунь-чунь-хэ въ рѣку Тумы(е)нь-улу подь $43^{\circ} 2'$ сѣв. шир., самый южный — на островѣ Жиффаръ подь $33^{\circ} 7'$ сѣв. шир., самый восточный — на островѣ Да-желеть подь $130^{\circ} 54'$ вост. долг. отъ Гринвича и самый западный — у устья рѣки Ялу подь $124^{\circ} 34'$ восточ. долг.; такимъ образомъ, Корея расположена между широтою Марсея и Триполи (на сѣверномъ берегу Африки). По площади, опредѣляемой въ 218192 кв. километра, страна эта соотвѣтствуетъ приблизительно Италіи, и по формѣ своей, а отчасти и по распредѣленію горъ на своей поверхности, Корейскій полуостровъ также напоминаетъ до нѣкоторой степени Апеннинскій. Наибольшее протяженіе этотъ полуостровъ имѣетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, около 900 верстъ; ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ равняется всего 130 верстамъ, и даже наиболѣе удаленные отъ берега пункты въ Корей отстоятъ отъ моря не болѣе какъ на 200 верстъ.

Съ сѣвера Корея примыкаетъ на небольшомъ протяженіи къ нашему Уссурійскому краю, отграничиваясь отъ него низовьями рѣки Тумынь-улы, и на всемъ остальномъ протяженіи прилегаетъ къ Маньчжуріи, отъ которой ее отграничиваютъ та же Тумынь-ула и рѣка Ялу. Южная оконечность Корейскаго полуострова отдѣляется неширокимъ Корейскимъ проливомъ отъ самага южнаго изъ острововъ Японіи, острова Кіу-Сіу, притомъ посрединѣ пролива располагаются острова Цу-Сима, что дѣлаетъ Корейскій проливъ удобопроезжимымъ даже для относительно небольшихъ судовъ. Корейскій проливъ шириною всего лишь около 150 верстъ, и южный портовый городъ Кореи Фузанъ отстоитъ въ 18 часахъ хода отъ Нагасаки.

Примыкая на сѣверѣ къ матеріку Азіи и отдѣляясь на югѣ легко-проходимымъ проливомъ отъ острововъ Японіи, Корейскій полу-

островъ является какъ бы мостомъ, перекинутымъ съ континента къ этимъ островкамъ и облегчающимъ доступъ къ нимъ. Должно замѣтить, однако, что мостъ этотъ все же не является особенно удобнымъ для сообщенія, такъ какъ, не говоря уже про то, что онъ все же отдѣленъ отъ Японіи проливомъ, онъ и по самой своей природѣ представляетъ нѣкоторыя затрудненія при передвиженіи, такъ какъ Корея является сплошь страной гористою, пересѣченною множествомъ горныхъ хребтовъ, хотя и невысокихъ, но нерѣдко крутыхъ и обрывистыхъ.

Особенно гористою является та часть страны, которая замыкаетъ съ сѣвера доступъ на Корейскій полуостровъ, приблизительно подобно тому, какъ Альпы ограждаютъ съ сѣвера Апеннинскій. Вся часть страны, лежащая къ сѣверу отъ самаго узкаго мѣста полуострова, т.-е. приблизительно отъ параллели Гензана, представляетъ собою сложную горную страну, слагающуюся изъ ряда хребтовъ, раздѣленныхъ узкими долинами. Главнѣйшій изъ этихъ хребтовъ, образующій водораздѣлъ между южными притоками Тумынь-улы и Ялу и рѣчками, которыя впадаютъ въ Японское море, имѣетъ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и, какъ думаютъ нѣкоторые географы, принадлежитъ къ системѣ хребтовъ, особенно ясно выраженной въ Китаѣ. Къ сѣверу и къ югу отъ него отходятъ отроги, и одинъ изъ этихъ отроговъ примыкаетъ къ самой высокой вершинѣ Кореи--горѣ Пэк-ту-санъ, являющейся звеномъ, связующимъ горы Кореи съ хребтами Мальчжуріи. Пэк-ту-санъ (9300 футовъ) представляетъ собою потухшій вулканъ, въ кратерѣ котораго находится небольшое озеро. Снаружи эта гора имѣетъ видъ очень значительной столообразной возвышенности со сравнительно пологими скатами и кольцеобразнымъ гребнемъ на вершинѣ, обрывающимся внутрь кратера чрезвычайно крутыми, мѣстами совершенно отвѣсными стѣнами. Вся гора сложена, повидимому, изъ новѣйшихъ вулканическихъ породъ, и вершина ея во многихъ мѣстахъ покрыта пластами бѣловатой пемзы, что дало поводъ къ ошибочному предположенію о томъ, будто гора эта покрыта вѣчнымъ снѣгомъ.

За исключеніемъ Пэк-ту-сана, мы не встрѣчаемъ въ Корейскій вообще вулкановъ, и всѣ хребты страны имѣютъ складчатый характеръ и являются горами древняго происхожденія. На самомъ Корейскомъ полуостровѣ различается Главный или Основной хребетъ, который имѣетъ преимущественно меридіональное направленіе и, подобно Апеннинскому, тянется ближе къ восточному берегу полуострова, давая отъ себя къ западу большое количество отроговъ, отходящихъ въ направленіи, болѣе или менѣе приближающемся къ широтному. Средняя высота главнаго хребта достигаетъ на сѣверѣ около 5000 фу-

товъ и къ югу постепенно уменьшается, такъ что на самой южной оконечности полуострова хребты имѣютъ уже характеръ скорѣ холмовъ, чѣмъ горъ. Къ западному побережью Корейскаго полуострова хребетъ спускается довольно круто, и берегъ является мало изрѣзаннымъ заливами, которыхъ здѣсь очень немного. Съ другой стороны, къ восточному берегу склоны Главнаго хребта гораздо болѣе пологи, и, благодаря большому количеству отходящихъ отъ хребта отроговъ, которые продолжаются, постепенно понижаясь, до самаго побережья, послѣднее является сильно изрѣзаннымъ, и море передъ нимъ усѣяно множествомъ мелкихъ островковъ, которые несомнѣнно оторваны имъ отъ полуострова. Точно также и южный берегъ Кореи является сильно изрѣзаннымъ и изобилуетъ островами; большая часть послѣднихъ очень не велика, и лишь островъ Квельпартъ достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ.

Расположеніе хребтовъ имѣетъ немаловажное значеніе въ исторической жизни страны и въ значительной степени обуславливаетъ ея судьбы. Извѣстно, что движенія народовъ совершаются обыкновенно вдоль главныхъ хребтовъ, и хребты поперечнаго направленія служатъ для нихъ нерѣдко значительнымъ препятствіемъ. Корея, казалось бы, хорошо защищена съ сѣвера трудно-проходимой горной страной отъ вторженія сосѣднихъ народностей. Въ дѣйствительности, однако, эта защита не совершенна,—на востокѣ у устья Тумынь-улы и на западѣ у устья рѣки Ялу имѣются проходы, позволяющіе вторгаться въ страну сосѣднимъ народностямъ, и особенно послѣдній изъ этихъ проходовъ, дѣйствительно, игралъ очень важную роль въ исторіи Кореи. Всѣ нашествія враговъ совершались именно чрезъ этотъ проходъ, являющійся единственнымъ болѣе широкими воротами въ Корею изъ Маньчжуріи, такъ какъ къ востоку отъ него вся страна чрезвычайно трудно-проходима для большихъ народныхъ массъ и для войска. Продольное направленіе Главнаго хребта на Корейскомъ полуостровѣ помогало народностямъ двигаться по послѣднему съ сѣвера на югъ или съ юга на сѣверъ, не встрѣчая значительныхъ препятствій, такъ какъ всѣ отроги, тянущіеся въ широтномъ направленіи, слишкомъ незначительны.

Строеніе поверхности обуславливаетъ распредѣленіе прѣсныхъ водъ въ странѣ. При изрѣзанности страны хребтами горъ, въ ней нѣтъ условій, способствующихъ образованію стоячихъ прѣсноводныхъ водоемовъ, и, дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ въ Корейскіе озера, за исключеніемъ береговыхъ лагунъ. Зато это же самое обстоятельство обуславливаетъ обильное орошеніе страны рѣками: на отсутствіе проточныхъ водъ ни въ одной области Кореи нельзя пожаловаться.

Самыми значительными водными артеріями являются въ Корейскіе

обѣ пограничныя рѣки: Тумынь-ула и рѣка Ялу или Амнокъ-канъ. Обѣ онѣ берутъ начало съ горнаго массива Пэк-ту-санъ и сбѣгаютъ съ него въ противоположныхъ направленихъ, одна—въ Японское, другая—въ Желтое море, принимая въ себя съ сѣвера и съ юга большое количество притоковъ съ сосѣднихъ хребтовъ. На значительной части своего протяженія обѣ онѣ имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, съ сильнымъ паденіемъ воды и очень быстрымъ теченіемъ, и лишь въ низовьяхъ текутъ болѣе медленно и плавно и достигаютъ болѣе широкой ширины. Для судоходства какъ Тумынь-ула, такъ и Ялу очень затруднительны и доступны лишь въ низовьяхъ.

Въ соотвѣтствіи съ расположеніемъ хребтовъ по западному побережью Кореи, гдѣ Главный хребетъ подступаетъ близко къ морю, имѣются лишь небольшія рѣчки, совершенно горнаго характера, притомъ очень многочисленныя. Въ западной части полуострова далекое отстояніе Главнаго хребта отъ берега и большое количество боковыхъ отроговъ его позволяютъ соединяться водамъ, сбѣгающимъ съ горъ въ видѣ ручьевъ, въ болѣе крупныя водныя артеріи, и мы встрѣчаемъ здѣсь, идя съ сѣвера къ югу, цѣлый рядъ болѣе крупныхъ рѣкъ, именно рр. Чіонъ-чіонъ-ганъ, Тэ-донъ-ганъ, Ханъ-ганъ, Пенъ-ма-ганъ и Іонъ-санъ-ганъ. Въ южной части полуострова Главный хребетъ дѣлится на два отрога, расходящихся вилообразно; между ними образуется изрѣзанная мелкими хребтами долина, въ которой множество рѣчекъ слагается въ также крупную артерію—рѣку Накъ-тонъ-ганъ. Всѣ эти рѣки, за исключеніемъ развѣ рѣки Ханъ-ганъ, не достигаютъ такого развитія, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе въ качествѣ путей сообщенія, и по быстротѣ своего теченія, по обилію мелей и по присутствію обыкновенно песчаныхъ баровъ передъ устьемъ очень затруднительны для судоходства. Зато ихъ безчисленные протоки превосходно орошаютъ страну и, въ связи съ достаточно плодородною почвою, дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодною для земледѣлія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и сказывается культурное значеніе рѣкъ Корейскаго полуострова.

Располагаясь приблизительно въ тѣхъ же широтахъ, какъ три главныхъ острова Японіи, Корея, казалось бы, должна была бы имѣть и близкій къ японскому климатъ. При сравненіи ея климата съ таковымъ Японіи, лучше всего видно, однако, какъ сильно вліяетъ на климатическія условія положеніе страны по отношенію къ континентальнымъ массамъ и воднымъ пространствамъ. Главнѣйшими причинами, опредѣляющими особенности климата Кореи, являются, впрочемъ, тѣ же самыя условія, на которыя мы уже указывали при очеркѣ природы Японіи, именно зимніе и лѣтніе муссонныя вѣтры восточной окраины Азіи.

При непосредственномъ прилеганиі Корейскаго полуострова къ континенту, холодные зимніе вѣтры, несущіеся изъ центральной части материка, съ запада и съ сѣверо-запада, оказываютъ на Корею гораздо бѣльшее вліяніе, чѣмъ на Японію, и дѣлаютъ зиму на полуостровѣ несравненно болѣе холодною: имъ приходится миновать лишь Желтое море, которое неглубоко и потому само сильно охлаждается въ зимнее время. Вслѣдствіе этого зима на Корейскомъ полуостровѣ мало отличается отъ зимы въ Маньчжуріи и сѣверномъ Китаѣ.

Лѣтомъ южные муссонные вѣтры несутся на Корейскій полуостровъ съ юга и юго-востока и являются, въ противоположность сухимъ зимнимъ муссонамъ, сильно насыщенными влагою. Это обуславливаетъ то же самое явленіе, какъ въ Японіи: относительную сухость воздуха и малую облачность зимою и чрезвычайное обиліе атмосферическихъ осадковъ въ лѣтнее время, особенно въ такъ называемый періодъ дождей въ іюнѣ и іюлѣ. По количеству осадковъ лѣтомъ Корея все же уступаетъ Японіи, такъ какъ значительная часть влаги, увлекаемая муссонами, отлагается по дорогѣ на японскихъ островахъ. Лѣто въ Корейѣ отличается сильными жарамн, такъ какъ климатъ не умѣряется моремъ въ такой степени, какъ въ Японіи. Вообще климатъ Кореи должно назвать болѣе континентальнымъ, т.-е. обладающимъ болѣе значительными крайностями тепла и холода, чѣмъ въ Японіи; онъ приближается, однако, къ морскому въ томъ отношеніи, что весна является болѣе холодною, чѣмъ осень. Это объясняется тѣмъ, что на моряхъ въ сосѣдствѣ Кореи зимою образуется много льда, который весною при таяніи значительно охлаждаетъ воздухъ надъ моремъ. По сравненію съ климатомъ Европы подъ соответствующими широтами, климатъ Кореи является гораздо болѣе холоднымъ зимою и болѣе жаркимъ лѣтомъ.

Само собою разумѣется, что въ такой гористой странѣ, какъ Корея, немалое значеніе въ смыслѣ образованія климата имѣетъ также и распредѣленіе горныхъ хребтовъ. Главный хребетъ, тянущійся вдоль полуострова, ближе къ его восточному берегу, нѣсколько защищаетъ восточное побережье Кореи отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ и дѣлаетъ его климатъ болѣе мягкимъ, чѣмъ на западномъ склонѣ хребта,— зимою температура спускается здѣсь рѣдко до 12° Ц. ниже 0° , тогда какъ по западному побережью довольно часто достигаетъ 20° Ц., и снѣгъ лежитъ здѣсь въ сѣверной части полуострова толстымъ слоемъ въ нѣсколько футовъ. Лѣтомъ на восточномъ побережьи Кореи не наблюдается такихъ сильныхъ жаровъ, какъ на западномъ, такъ какъ глубокое и относительно холодное Японское море сильнѣе умѣряетъ температуру лѣтнихъ жаровъ, чѣмъ прилегающее къ Корейѣ съ запада

Желтое море, которое вслѣдствіе своей незначительной глубины сильно прогрѣвается и не можетъ и лѣтомъ оказывать такого умѣряющаго вліянія.

Нѣкоторое представленіе о климатѣ въ различныхъ пунктахъ Кореи даетъ слѣдующая табличка среднихъ мѣсячныхъ температуръ въ градусахъ Ц. изъ трехлѣтнихъ наблюдений; для сравненія приводятся и температуры Владивостока и Нагасаки.

	Владиво- стокъ.	Чемуль- по.	Сеуль.	Ген- занъ.	Фу- занъ.	Нага- саки.
Январь	—14.9	— 3.5	— 5.6	— 3.2	4.1	5.8
Февраль	—11.1	— 2.0	— 1.6	— 0.6	5.8	6.6
Мартъ	— 2.8	4.9	4.0	4.6	9.3	9.6
Апрѣль	4.5	10.2	11.2	10.5	12.9	14.9
Май	10.6	15.8	17.3	16.5	17.1	18.5
Іюнь	13.6	19.8	21.1	20.6	20.6	22.0
Іюль	19.4	24.1	25.0	23.6	24.5	26.3
Августъ	21.6	25.9	26.4	25.4	26.6	27.2
Сентябрь	16.8	20.3	19.8	20.0	23.1	24.1
Октябрь	8.4	14.1	13.0	13.7	17.2	18.8
Ноябрь	— 0.1	7.6	6.2	7.7	12.3	12.5
Декабрь	— 7.5	1.9	0.6	2.3	8.5	7.7
Средняя годовая . .	4.5	11.6	11.5	11.7	15.2	16.1
Минималн. темп. въ году	—25.6	—12.9	—15.9	—13.1	— 4.3	— 4.9
Максимальн. темп. въ году	30.6	33.8	35.2	34.6	31.6	35.7

Что касается замерзанія водъ, то по восточному побережью море сравнительно рѣдко покрывается льдомъ даже на сѣверѣ, тогда какъ по западному берегу замерзаютъ заливы и бухты; сѣвернѣе 37° сѣв. шир. судоходство зимою прекращается. Рѣки Ялу, Тумынь-ула, Тодонъ-ганъ и Ханъ-ганъ зимою замерзаютъ настолько, что по нимъ возможна перевозка тяжестей по льду.

Подобно тому какъ въ Японіи, лѣтній періодъ дождей влечетъ за собою въ Корей сильнѣйшій разливъ рѣкъ и значительныя наводненія, которыми нерѣдко сносятся цѣлыя деревни и уничтожаются на огромномъ протяженіи посѣвы. Особенно изобилуютъ атмосферическими осадками южныя области Кореи, которыя сильнѣе страдают и отъ наводненій.

Въ общемъ, можно сказать, что климатъ Кореи является какъ бы среднимъ и промежуточнымъ между климатомъ Маньчжуріи и климатомъ Японіи. При явственной континентальности онъ приближается нѣкоторыми чертами, въ особенности обиліемъ осадковъ, къ японскому, но вслѣдствіе отсутствія у береговъ Кореи теплыхъ теченій, которыми охвачена Японія, море не играетъ здѣсь такой умѣряющей роли, и

вліяніе континента беретъ въ Корейскій верхъ въ смыслѣ образованія климата.

Въ зависимости отъ континентальности климата и отъ непосредственной связи съ Маньчжуріей, растительность Кореи во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою флору Маньчжуріи, хотя, съ другой стороны, въ составъ ея входятъ также и многіе элементы, тождественные съ Японіей, особенно въ южныхъ частяхъ Корейскаго полуострова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія времена Корея сплошь была покрыта густыми и непроходимыми лѣсами, одѣвавшими и склоны горъ, и долины. Въ настоящее время, однако, эти лѣса сохранились въ значительномъ количествѣ лишь въ самой сѣверной, мало населенной и гористой части страны, тогда какъ въ средней и южной Корейскій они истреблены человекомъ и уцѣлѣли лишь кое-гдѣ въ горахъ, въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ. Обрывками прежняго лѣсного покрова являются также священныя рощи, сохранившіяся мѣстами въ долинахъ Кореи. По характеру своему корейскіе горные лѣса очень близко напоминаютъ собою лѣса Маньчжуріи и являются также смѣшанными. Въ нихъ приходится встрѣчать лиственницы, превосходные корейскіе кедры и японскія ели, чередующіяся съ зарослями дубовъ, березъ, ясеней, орѣха и липы. Подлѣсокъ состоитъ изъ многочисленныхъ низко растущихъ кленовъ, различныхъ породъ вяза, грушъ и яблонь, кустарниковъ крушины и различныхъ видовъ малины, смородины и шиповника. Всѣ эти деревянистыя породы густо перевиваются безчисленными ползучками, въ родѣ японскаго хмеля (*Humulus japonicus*), уссурійской лианы (*Maximowiczia chinensis*), дикаго винограда и др. Здѣсь можно встрѣтить почти всѣхъ представителей нашей уссурійской тайги, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ южныхъ формъ.

Сходство съ маньчжурско-уссурійскою флорою сказывается въ Корейскій и въ травянистой растительности, которая мѣстами покрываетъ склоны горъ, образуя въ южной части страны нерѣдко богатыя пастбища. Нѣсколько болѣе мягкій климатъ южной части корейскаго полуострова обуславливаетъ нахожденіе здѣсь большого количества южныхъ японскихъ формъ, частью разводимыхъ, частью встрѣчаемыхъ въ дикомъ состояніи. Здѣсь созрѣваютъ уже гранаты, цвѣтутъ древо-видныя камелии, встрѣчаются каштановыя деревья, магноліи и японскія софоры (*Sophora angustifolia*); тутъ же разводятся японскіе каки (*Diospyrus kaki*), лаковое дерево (*Rhus vernicifera*), гинко (*Ginkgo biloba*), бумажное дерево, гарденіи и цѣлый рядъ другихъ японскихъ растений. Лимонное дерево, представленное, правда, иными видами, чѣмъ въ Европѣ, доходитъ почти до Сеула, шелковица рас-

пространена по всему Корейскому полуострову, но чайное дерево не находятъ здѣсь достаточно подходящихъ условій для существованія, такъ какъ зимы Кореи для него, повидимому, слишкомъ суровы. Очень многія японскія растенія находятъ въ Корейскую свою сѣверную границу распространенія, причемъ граница эта спускается на Корейскомъ полуостровѣ гораздо болѣе на югъ, чѣмъ въ Японіи, благодаря охлаждающему вліянію континента.

Изъ культурныхъ растеній главнымъ въ Корейскій такъ же, какъ и въ Японіи, является рисъ, воздѣлываніе котораго возможно благодаря достаточно жаркому лѣту и обилію влаги; рисъ культивируется еще въ окрестностяхъ Гензана, но далѣе къ сѣверу замѣщается другими злаками, главнымъ образомъ, просомъ, пшеницею и ячменемъ; оба послѣдніе злака разводятся, впрочемъ, и въ сѣверной и средней Корейскій. Въ самыхъ сѣверныхъ округахъ разводится также овесъ, вывозимый къ намъ въ Приморскую область. Подобно тому какъ въ Японіи, большое значеніе имѣютъ въ Корейскій бобовыя растенія: ихъ разводится довольно много сортовъ, причемъ бобы частью идутъ на кормъ скоту, частью употребляются корейцами въ пищу и служатъ для приготовления сои, которая составляетъ необходимую принадлежность корейскаго стола.

Огородныя овощи въ Корейскій почти тѣ же, что у насъ, но картофель встрѣчается очень рѣдко, и культура его мало распространена; особенно необходимой приправой въ корейской кухнѣ является красный перецъ; онъ разводится въ огромномъ количествѣ, и осенью крыши корейскихъ домовъ становятся совершенно красными, такъ какъ на нихъ кладутъ стручки перца для просушиванія. Нерѣдко обширныя пространства покрыты грядами тыквъ и дынь или огромныхъ безвкусныхъ огурцовъ. Въ большомъ количествѣ разводится также табакъ, извѣстный въ Корейскій уже нѣсколько столѣтій. Табачныя поля располагаются обыкновенно на возвышенностяхъ или на скатахъ горъ, причемъ предпочитаютъ устраивать ихъ на участкахъ, которые впервые подвергаются обработкѣ. Изъ прядильныхъ растеній въ Корейскій разводятся конопля, японская крапива и хлопчатникъ, тогда какъ ленъ въ этой странѣ совершенно неизвѣстенъ. Хлопчатникъ доходитъ въ Корейскій до Сеула, и культурой его заняты огромныя пространства, такъ какъ хлопчатобумажныя ткани носить вся Корея.

Плодовые деревья разводятся въ Корейскій въ небольшомъ количествѣ и, подобно тому какъ въ Японіи, даютъ плоды водянистые и совершенно непохожіе по вкусу на наши европейскіе. Кромѣ грушъ и яблонь, разводятся абрикосы, сливы, грецкій орѣхъ и каки.

Въ общемъ, можно сказать, что по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Корея—страна, вполне пригодная для широкаго раз-

витія земледѣлія, однако, все же далеко не въ такой степени, какъ Японія. Большое количество различныхъ южныхъ культурныхъ растений, о которыхъ мы говорили выше при характеристикѣ природы Японіи, не можетъ вовсе воздѣлываться въ Корей, или же область, въ которой культура ихъ возможна, ограничивается одною лишь южною оконечностью полуострова, имѣющею и по характеру дикой растительности много общаго съ южною Японіею.

Эти условія сдѣлали и изъ корейца прежде всего земледѣльца и заставили его выработать приблизительно тѣ же приемы обработки земли, какіе мы встрѣчаемъ въ Японіи и въ Китаѣ. По корейскимъ сказаніямъ, впрочемъ, искусство обрабатывать землю перешло въ Корею изъ Китая: воздѣлыванію риса и другимъ приемамъ земледѣлія научилъ корейцевъ, будто бы, выходецъ изъ Китая Ки-Цза, принадлежавшій къ китайскому императорскому дому Шань и жившій болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х.; онъ же ввелъ въ Корей гражданское устройство, китайскіе законы и письменность, почему послѣ смерти былъ причисленъ къ лику корейскихъ святыхъ, и по настоящее время можно встрѣчать во многихъ городахъ и селеніяхъ Кореи особыя посвященные ему храмы. Отсутствіе обширныхъ луговыхъ пространствъ стѣснило и въ Корей возможность разведенія скота въ широкихъ размѣрахъ, однако, домашній скотъ играетъ въ Корей все же гораздо болѣе значеніе въ полевыхъ работахъ и въ перевозкѣ тяжестей, чѣмъ въ Японіи. Корейскіе быки служатъ даже предметомъ обширнаго вывоза въ наши предѣлы и являются главнымъ мяснымъ скотомъ, которымъ живутъ Владивостокъ и Портъ-Артуръ. Меньшая скученность населенія, по сравненію съ Японіею, позволяетъ корейцамъ шире развить земледѣліе, и потому мы не встрѣчаемъ здѣсь такихъ микроскопическихъ полей и плантацій, какъ въ Японіи,—корейскія поля гораздо обширнѣе, но въ то же время и не могутъ сравниться съ японскими по тщательности обработки.

Подобно растительности и животный міръ Кореи примыкаетъ непосредственно по своему составу и характеру къ маньчжурскому. Въ корейскихъ лѣсахъ мы встрѣчаемъ почти тѣхъ же животныхъ, какъ въ уссурійской и маньчжурской тайгѣ. Медвѣдь и барсукъ, куница и соболь, выдра и лисица встрѣчаются здѣсь съ тигромъ, который ни ростомъ, ни силою не уступаетъ бенгальскому и лишь покрытъ болѣе густою и длинною шерстью, оберегающею его отъ зимнихъ холодовъ. Тигръ, впрочемъ, вообще далеко не является животнымъ южнымъ, тропическимъ, какъ мы его привыкли считать,—на востокѣ онъ доходитъ даже до устья Амура и переходитъ по льду на островъ Сахалинъ. Нѣсколько видовъ оленей служатъ для корейцевъ предметомъ особаго промысла, именно доставляетъ такъ называемые «панты» —

молодые, только-что образовавшіеся у самцовъ и еще покрытые шерстью рога, которые вывозятся въ Китай и тамъ идутъ на приготовленіе особаго лѣкарственнаго снадобья. Кабаны, кабарга, доставляющая мускусъ, и горная антилопа являются главною крупною дичью и составляютъ предметъ охоты въ сѣверной Корее. Впрочемъ, въ средней и южной Корее, вслѣдствіе многочисленности населенія, всѣ крупныя дикія животныя почти уже истреблены и сохранились лишь въ наименѣе доступныхъ мѣстахъ.

Имѣются указанія на то, что въ южной Корее водятся обезьяны, однако, съ достовѣрностью этотъ фактъ пока еще не подтвержденъ. Изъ мелкихъ млекопитающихъ мы встрѣчаемъ въ Корее также собственныхъ лѣсамъ Маньчжуріи и Уссурійскаго края бѣлокъ, бурундуковъ, летягъ, ежей, кротовъ и зайцевъ. Къ берегамъ Кореи зимою подходятъ изъ сѣверныхъ водъ многочисленныя стада китовъ, дельфиновъ, и появляются нѣкоторыя виды тюленей.

Фауна птицъ въ Корее близко примыкаетъ къ маньчжурской и уссурійской, но заключаетъ въ себѣ также и очень большой процентъ птицъ, водящихся въ Японіи: изъ извѣстнаго до сихъ поръ 301 вида птицъ, замѣченныхъ въ Корее, въ Японіи встрѣчается 279 видовъ. При обилии въ странѣ проточныхъ водъ и рисовыхъ полей особенно многочисленны въ Корее голенастыя, между которыми бросаются въ глаза японскіе ибисы, корейскіе бѣлые аисты и цапли. Предметомъ охоты служатъ многочисленные въ сѣверныхъ областяхъ страны фазаны.

Между пресмыкающимися въ Корее встрѣчаются въ гораздо болѣшемъ количествѣ видовъ, чѣмъ въ Японіи, ядовитыя змѣи и ящерицы; въ корейскихъ рѣкахъ водятся сильно кусающіяся черепахи-триониксы (*Trionyx*). Существуетъ старинное указаніе, будто въ водахъ южной Кореи встрѣчаются крокодилы, однако, по всей вѣроятности, оно ошибочно.

Моря, окружающія Корею, не согрѣваются теплыми теченіями и далеко не въ такой степени изобилуютъ рыбою и другими животными, какъ теплыя японскія воды, потому и рыболовство не развилось въ Корее до такой степени и не достигло такого совершенства, какъ на островахъ Японіи. Суда и лодки корейцевъ отличаются большою неуклюжестью, и сами корейцы отнюдь не являются опытными мореходами и рыбаками. Возможно, впрочемъ, что тому въ значительной степени способствовала политика изолированности, которой придерживалась страна въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Море не имѣло, повидимому, значительнаго культурнаго вліянія на историческія судьбы Кореи; гораздо болѣе значеніе для страны имѣли ея близость и непосредственная связь съ азіатскимъ континентомъ.

Исторія страны.

Происхождение корейской народности до сихъ поръ покрыто совершеннымъ мракомъ. По даннымъ китайскихъ историковъ, Корейскій полуостровъ былъ населенъ съ древнѣйшихъ временъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера и сдѣлавшимися тамъ осѣдлыми. По мнѣнію большинства изслѣдователей, основанному, главнымъ образомъ, на изученіи корейскаго языка, племена эти были родственны тунгузскимъ, монгольскимъ и финскимъ племенамъ и пришли въ Корею съ Амура и Сунгари, откуда и позднѣе, въ историческія времена, къ нимъ присоединялись новые пришельцы. Корейскій языкъ причисляется лингвистами къ языкамъ туранскимъ, т.-е. татарскимъ, и лишь позднѣе, повидимому, въ него вошли многочисленныя слова и обороты китайскаго языка. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что въ южной Корей обитали съ давнихъ временъ племена совершенно иного происхожденія, именно родственныя малайцамъ. Если это предположеніе вѣрно, то мы должны признать, что и населеніе Кореи сложилось, подобно ея флорѣ и фаунѣ, изъ двухъ элементовъ — сѣвернаго и южнаго.

Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Кореи, извѣстная намъ изъ лѣтописи китайскихъ историковъ, начинается съ третьяго вѣка до Р. Х., когда китайская династія Хань, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, обратила свое вниманіе на земли, располагавшіяся на сѣверо-востокъ отъ Китая и пользовавшіяся независимостью. Завоевавъ сперва княжество Янь на границахъ Кореи, гдѣ тогда въ сѣверной части полуострова располагалось основанное китайскимъ выходцемъ Ки-Цза государство Цзо-Сіонь, китайцы возымѣли желаніе завладѣть и этимъ послѣднимъ государствомъ. Послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ попытокъ имъ удалось въ 107 г. до Р. Х. завоевать Цзо-Сіонь, и сѣверная Корея сдѣлалась, болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ, составною частью Китайской Имперіи, въ тѣ времена могущественной и сильной. Въ этотъ-то періодъ, главнымъ образомъ, и совершилось, повидимому, приобщеніе Кореи къ китайской цивилизаціи: въ страну переселилось много выходцевъ изъ Китая, которые перенесли въ нее свои знанія и образованность и позднѣе совершенно слились съ кореннымъ населеніемъ.

Между тѣмъ къ сѣверо-востоку отъ Цзо-Сіоня въ окрестностяхъ горы Пэк-ту-санъ и въ верховьяхъ Ялу сталъ постепенно усиливаться народъ когуріо, также, повидимому, племя сѣвернаго происхожденія. Какъ сообщаетъ одинъ изъ китайскихъ историковъ, люди этого племени мало занимались земледѣліемъ, но были богаты до-

шадьями и рогатымъ скотомъ; они были независимаго права, ловки, сильны и отважны, любили украшать себя драгоценностями и поклонялись небу, духамъ земли и жатвы, утренней звѣздѣ и небеснымъ невидимымъ силамъ. Нѣкоторыми обычаями они напоминали древнихъ японцевъ и, быть-можетъ, состояли съ ними въ родствѣ. Въ началѣ христіанской эры народъ когуріо сталъ усиливаться и вскорѣ вступилъ въ продолжительную борьбу съ Китаемъ, которая окончилась въ 169 г. по Р. Х. занятіемъ всего государства Цзо-Сіонь, т.-е. сѣверной Кореи и части Маньчжуріи. По изгнаніи оттуда китайцевъ, новые завоеватели основали здѣсь самостоятельное государство Когуріо. Нѣсколько позднѣе, въ III—IV вѣкѣ, въ южной части Корейскаго полуострова сформировались еще два государства—Силла и Пэкь-Цже, и нѣкоторое время всѣ три государства сохраняли свою самостоятельность, хотя и вели между собою постоянныя междоусобныя войны, отражая въ то же время притязанія китайцевъ на ихъ территорію.

Начиная съ IV и вплоть до X вѣка, мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ со стороны Китая покорить снова отпавшую страну и сдѣлать ее своимъ вассаломъ или данникомъ. Первоначально попытки эти были неудачны, и нѣсколько разъ даже значительныя китайскія арміи не были въ состояніи покорить небольшое, но отчаянно-храброе и воинственное государство Когуріо. Лишь въ VII вѣкѣ удалось китайцамъ благодаря возникшимъ между сосѣдними государствами междоусобіямъ покорить сперва государство Пэкь-Цже, затѣмъ въ 664 г.—Когуріо, такъ что независимымъ, хотя и вассальнымъ, и номинально подчиненнымъ Китаю государствомъ осталось въ Корей лишь государство Силла, на югѣ Кореи. Границы этого государства значительно расширились и захватили почти весь Корейскій полуостровъ, и въ теченіе VIII и IX вѣковъ вся страна пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, и въ ней замѣчался даже расцвѣтъ заимствованной изъ Китая цивилизаціи.

Такое спокойствіе продолжалось, впрочемъ, недолго. Въ X вѣкѣ на Корейскомъ полуостровѣ вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ древняго королевскаго рода, который когда-то управлялъ государствомъ Когуріо, нѣкоего Оань-Гіоня. Въ Китаѣ въ это время происходили внутреннія междоусобія, и приходилось отражать вторженія одной кочевой народности—киданей; все это благопріятствовало Оань-Гіоню, и ему удалось подчинить себѣ въ короткое время весь Корейскій полуостровъ, объявить его независимымъ отъ Китая и положить начало новой династіи, которая стала называться, какъ и само новое государство, Ко-Ріо.

Начало царствованія династіи Ко-Ріо было довольно благопо-

лучно. Кореѣ удалось удачно отразить вторженіе въ страну киданей, и затѣмъ около 200 лѣтъ она пользовалась почти полнымъ миромъ и спокойствіемъ. Однако, въ XIII столѣтіи снова появились грозовыя тучи на горизонтѣ: въ степяхъ центральной Азіи зародилось и разрослось могущественное царство монголовъ, которые подъ предводительствомъ Чингизъ-хана пронеслись всеокрушающей лавиной по всему азіатскому материку. Въ 1232 г. монголы вторгнулись въ предѣлы Кореи, захватили 40 городовъ и, лишь послѣ полного признанія ихъ власти, прекратили военныя дѣйствія, посадивъ управлять страню монгольскихъ чиновниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ противъ чуждыхъ правителей вспыхнуло въ Кореѣ народное возстаніе, для подавленія котораго въ 1241 г. снова вторгнулись въ страну полчища монголовъ, побѣдоносно прошедшія по Кореѣ съ одного ея конца до другого и окончательно покорившія ее подъ власть Чингизъ-хана. Корейскій король принужденъ былъ даже лично отправиться ко двору монгольскаго императора для выраженія покорности, и Корея сдѣлалась вассаломъ монголовъ.

Позднѣе внукъ Чингизъ-хана, Кублай-ханъ, принудилъ Корею принять участіе въ его попыткѣ завоевать Японію, и, хотя попытка эта и окончилась полною неудачею, все же обстоятельство это послужило причиною возникновенія враждебныхъ отношеній къ Кореѣ со стороны ея южныхъ сосѣдей—японцевъ. Какъ извѣстно, монголы завоевали и Китай и основали тамъ монгольскую династію; такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ монголовъ была, въ сущности, лишь продолженіемъ зависимости ея отъ Китая. Въ XIV столѣтіи, однако, въ Китаѣ началась борьба народа противъ правителей, и въ 1368 г. монгольская династія пала, и во главѣ имперіи воцарилась китайская династія Минь. Въ это же время въ Кореѣ, которая почти отпала отъ Китая благодаря царившимъ въ немъ смутамъ, произошла также перемѣна династій. Одинъ изъ военачальниковъ, Исюнъ-ге, низложилъ въ 1392 г. короля династіи Ко-Рю и основалъ новую династію, подъ древнимъ наименованіемъ Цзо-Сюнъ (или Чоо-Сёнъ). Въ то же время онъ отправилъ посольство къ китайскому императору съ изъявленіемъ полной покорности и съ просьбою утвердить его на корейскомъ престолѣ. Императоръ, принявъ снова Корею въ свое подданство, заставилъ ее принять въ знакъ полного подчиненія Китаю китайскіе календарь и лѣтосчисленіе.

Въ теченіе двухъ столѣтій Корея подъ покровительствомъ Китая отдыхала отъ внѣшнихъ невзгодъ и нашествій, хотя спокойствіе и нарушалось въ ней нерѣдкими внутренними смутами. Это обстоятельство отчасти ослабило страну, военное дѣло и дисциплина въ ней пали, крѣпости разрушились и пришли въ ветхость. Между тѣмъ надъ

злосчастною страню снова собирались тучи, на этотъ разъ съ юга, со стороны Японіи. Воинственная съ древнѣйшихъ временъ Японія, раздиравшаяся долгое время внутренними междоусобицами, къ концу XVI столѣтія сплотилась и окрѣпла. Въ ней начали обнаруживаться завоевательныя стремленія, особенно когда выдѣлился благодаря своимъ военнымъ талантамъ и храбрости отважный вождь Хиде-ёси, который всталъ вскорѣ во главѣ управленія страню. Мечтою Хиде-ёси было завоеваніе всего Китая, но, встрѣтивъ при приведеніи плана въ исполненіе сопротивленіе со стороны корейскаго короля, онъ обрушился прежде всего на Корею.

Огромная японская армія, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 150000 человекъ, была высажена въ Фузанѣ и двинулась на сѣверъ, почти не встрѣчая сопротивленія со стороны неподготовленныхъ и гораздо хуже вооруженныхъ корейцевъ. Одинъ корейскій городъ за другимъ переходилъ въ руки побѣдителя, и уже на 18-й день съ высадки въ Фузанѣ войска заняли Сеулъ, изъ котораго король едва успѣлъ бѣжать въ предѣлы Китая. Утвердившись въ Корей, японцы предполагали отсюда двинуться въ Китай, но въ это время флотъ ихъ потерпѣлъ сильное пораженіе со стороны корейскаго, и это задержало сухопутныя войска. Между тѣмъ, на помощь Корей пришли китайскія военныя силы, съ которыми японцы встрѣтились въ окрестностяхъ Сеула, гдѣ произошло кровопролитное сраженіе. Несмотря на то, что китайскія и корейскія войска были разбиты, японцы не могли воспользоваться своею побѣдою и отошли на югъ, такъ какъ и ихъ войско сильно порѣдѣло отъ битвъ и болѣзней.

Начавшіеся переговоры о мирѣ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ притязаній японцевъ, не имѣли удовлетворительнаго результата, и на слѣдующій годъ Хиде-ёси вторично вторгнулся въ Корею, встрѣтивъ здѣсь, однако, уже болѣе значительное сопротивленіе. Несмотря на то, что снова былъ занятъ Сеулъ, и на этотъ разъ японцамъ пришлось отступить, такъ какъ флотъ ихъ вторично былъ разбитъ корейскимъ. Конецъ этой войнѣ положила смерть Хиде-ёси въ 1598 г., и единственнымъ практическимъ результатомъ для Японіи было лишь занятіе Фузана, гдѣ былъ оставленъ японскій гарнизонъ.

Въ то же время Корея была этими двумя нашествіями японцевъ въ конецъ разорена и очень долгое время не могла отъ нихъ оправиться. Въ началѣ XVII столѣтія на Корею обрушилось новое несчастіе—нашествіе маньчжуръ, которые въ 1627 г. перешли рѣку Ялу, разбили китайскую армію и осадили Сеулъ. Корейскій король просилъ о мирѣ и заключилъ договоръ, по которому призналъ себя вассаломъ правителя маньчжуръ, но, какъ только непріатели удалились изъ страны, онъ самъ нарушилъ этотъ договоръ. Это повлекло за собою вторичное

вторженіе маньчжуръ, которые тогда овладѣли Сеуломъ, взяли въ плѣнъ короля и заставили его заключить новый договоръ, по которому Корея обязывалась отправлять ежегодно посольство съ данью къ маньчжурскому двору. Когда маньчжурская династія завладѣла престоломъ въ Пекинѣ, зависимость Кореи перешла, само собою разумѣется, опять къ Китаю, и до ближайшаго къ намъ времени ежегодно отправлялись изъ Сеула послы въ Пекинъ съ данью, состоявшею изъ разныхъ произведеній страны, въ знакъ подчиненія богдыхану.

Покровительство Китая дало Корей снова на нѣсколько столѣтій относительный миръ и спокойствіе. Оправляясь отъ пережитыхъ ударовъ, Корея, естественно, старалась оградить себя всячески отъ повторенія чего-либо подобнаго въ будущемъ и придерживалась политики полной изолированности. Она не вступала ни въ какія сношенія съ другими государствами и ревниво оберегала свои предѣлы отъ проникновенія въ нихъ иностранцевъ. Даже случайно прибывшие къ берегамъ Кореи европейскіе мореплаватели или умерщвлялись, или кончали свою жизнь въ томительномъ плѣну. Дальнія плаванія корейскихъ судовъ были запрещены, что вызвало полный упадокъ корейскаго судоходства, которое нѣкогда было высоко развито. Даже съ Китаемъ и Японіей сношенія поддерживались лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ Европѣ же Корея слыла «запретною страню».

Такой искусственно созданной стѣны изолированности не пробило и проникновеніе въ Корею христіанства въ началѣ XIX столѣтія. Христіанское вѣроученіе появилось здѣсь впервые помимо европейскихъ миссіонеровъ, такъ какъ первыми христіанами были корейцы, случайно познакомившіеся съ христіанскими сочиненіями и настолько увлекшіеся ими, что они сами отправились въ Пекинъ и тамъ приняли крещеніе. Эти первые корейскіе христіане сдѣлались и первыми проповѣдниками и стали распространять новое вѣроученіе; лишь позднѣе въ Корею проникли католическіе миссіонеры. Очень недолго, однако, христіанство распространялось въ Корей безпрепятственно: вскорѣ правительство и въ особенности конфуціанскіе ученые убѣдились въ томъ, что христіанство подрываетъ всѣ основы національныхъ вѣрованій Кореи и въ то же время сближаетъ корейцевъ съ иностранцами. Это обусловило возникновеніе въ Корей ожесточенныхъ гоненій на христіанъ, при которыхъ кровь новообращенныхъ лилась рѣкою, и многіе изъ нихъ приняли мученическую смерть.

Одно изъ наиболѣе жестокихъ гоненій въ 1866 г., когда погибло нѣсколько французскихъ миссіонеровъ, повлекло за собою первую

попытку европейскаго вмѣшательства въ корейскія дѣла. Французское правительство отправило въ Корею эскадру изъ 7 военныхъ судовъ подъ начальствомъ адмирала Розъ, поручивъ потребовать отъ Кореи удовлетворенія и наказанія убійць французскихъ миссіонеровъ. Эскадра вошла въ рѣку Ганъ (Ханъ), на которой стоитъ Сеуль, и взяла безъ особаго труда нѣсколько небольшихъ корейскихъ укрѣпленій. Но затѣмъ, при попыткѣ взять укрѣпленный корейскій монастырь, небольшой французскій отрядъ благодаря собственной неосторожности, явившейся слѣдствіемъ черезчуръ легкихъ успѣховъ, былъ разбитъ на-голову корейцами, и это настолько обезкуражило адмирала Розъ, что онъ отплылъ со всей своей эскадрой къ берегамъ Китая. Само собою разумѣется, такой успѣхъ не могъ не вызвать у корейцевъ преувеличеннаго представленія о своей силѣ и о слабости европейскаго оружія. Нѣкоторые историки думаютъ даже, что неудачная попытка французовъ имѣла позднѣе самое фатальное значеніе для всѣхъ европейцевъ на Дальнемъ Востоку и послужила одною изъ причинъ Тьень-Цзинской рѣзни въ 1870 году.

Столь же неудачна была попытка Сѣверо-Американскихъ Штатовъ завязать сношенія съ Кореей подъ угрозой военной силы. Въ 1871 г. въ корейскія воды была отправлена эскадра адмирала Роджерса, чтобы наказать корейцевъ за сожженіе сѣвшей на мель американской шкуны. Эскадра эта вошла въ рѣку Ганъ, сдѣлала высадку и овладѣла нѣсколькими укрѣпленіями, но затѣмъ, не добившись заключенія договора съ корейскимъ правительствомъ и испугавшись большихъ военныхъ приготовленій корейцевъ, покинула Корею. Не удались и попытки со стороны русскаго правительства завязать съ Кореей торговые сношенія. Первыми прорубили окно въ корейской изолированности и нетерпимости къ иностранцамъ не европейцы, а японцы въ 1876 г. послѣ того, какъ они также послали эскадру для наказанія корейцевъ за нападентіе на японское судно.

Въ 1876 г. Корея заключила торговый договоръ съ Японіей, по которому для японцевъ были открыты Гензанъ и Фузанъ, затѣмъ послѣдовалъ рядъ договоровъ и съ другими державами, именно съ Соединенными Штатами, съ Англіей, Германіей, Россіей, Франціей, Италіей и Австро-Венгріей. Такимъ образомъ, въ началѣ 1880-ыхъ годовъ Корея открыла свои портовые города для торговли съ иностранными державами и допустила иностранцевъ внутрь страны. Она отказалась, наконецъ, отъ своей замкнутости и вступила на путь общенія съ другими государствами. Это, несомнѣнно, послужило къ развитію культуры въ странѣ, къ увеличенію ея внѣшней торговли и оживленію внутренней, но въ то же время явилось также и источникомъ многочисленныхъ бѣдствій, обрушившихся на злосчастную страну въ не-

продолжительномъ времени. О событіяхъ въ Корей за послѣдніа десятилѣтія мы скажемъ, однако, лучше впослѣдствіи, когда ближе познакомимся со страной.

Изъ приведеннаго бѣлаго очерка историческихъ судебъ Кореи ясно, что названіе «Страны Утренняго Спокойствія» дано ей какъ бы въ видѣ злой ироніи. Вся исторія Кореи представляетъ собою почти непрерывный рядъ вторженій въ страну ея сосѣдей или пришлыхъ племенъ то съ сѣвера, то съ юга. Промежуточное положеніе Кореи между азіатскимъ континентомъ и островами Японіи, доступность ея съ той и съ другой стороны, отсутствіе значительныхъ преградъ внутри самой страны и, наконецъ, отчасти, быть-можетъ, нѣкоторая пассивность корейской народности облегчали возможность подобныхъ вторженій. Являясь топографически какъ бы мостомъ, переброшеннымъ съ материка къ островамъ Японіи, Корея отчасти и фактически играла роль такого моста для народностей. Располагаясь между нѣкогда могучей и воинственной Китайской имперіей и также воинственной Японіей, Корея нерѣдко служила между ними яблокомъ раздора и подвергалась нападенію то съ одной, то съ другой стороны.

Тревожная исторія, полная кровавыхъ столкновеній, постоянныа нашествія, разорявшія страну дотла, почти вѣчное иго иноземцевъ не могли не сказаться въ значительной степени и на характерѣ народности, и на развитіи культуры. При такихъ условіяхъ самостоятельная культура не могла развиваться въ Корей, не могла укорениться и окрѣпнуть въ ней и культура, заимствованная отъ Китая. Вотъ почему Корея, вплоть до настоящаго времени, является страной съ наиболѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ среди всѣхъ странъ Дальняго Востока. Корейская народность, повидимому, по самой природѣ своей не особенно воинственная, принуждена была постоянно отстаивать свою самостоятельность и свои права на самостоятельное существованіе. Это не позволило ей развиваться въ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что экономическіа условія, въ силу постоянныхъ кровавыхъ столкновеній и погромовъ, были чрезвычайно тяжелыми. Тѣмъ удивительнѣе, что все же, несмотря на всѣ неблагоприятныа вліянія, корейская народность не утратила своей оригинальности, сохранила свой языкъ, многія свои вѣрованія, обряды и обычаи, не подпала окончательно подъ вліяніе побѣдителей-китайцевъ и даже не смѣшалась ни съ однимъ изъ народовъ, вторгавшихся въ страну. Быть-можетъ, тому причиной временный характеръ всѣхъ завоеваній Кореи: побѣдители обыкновенно не оставались въ ней и не вступали въ тѣсную связь съ побѣжденнымъ народонаселеніемъ. Многое должно быть, однако, отнесено и на счетъ духовныхъ силъ и способностей, таящихся въ корейской народности и лишь не имѣвшихъ возможности проявиться

въ силу неблагопріятныхъ условій. Стоитъ вспомнить лишь, съ какимъ упорствомъ и героизмомъ отражали корейцы своихъ многочисленныхъ враговъ и отстаивали свою самобытность, чтобы убѣдиться въ томъ, что такія силы, дѣйствительно, дремлютъ въ народѣ, и если не проявляются, то только потому, что народъ задавленъ ударами судьбы и тяжкими экономическими условіями.

Населеніе страны и его бытъ.

Внѣшній типъ корейцевъ изобличаетъ ихъ иное, по сравненію съ ихъ сосѣдями, происхожденіе. Мало-мальски привычный глазъ всегда отличить корейца, при первомъ же мимолетномъ взглядѣ, отъ японца и китайца. Рослый и статный, хорошаго, иногда прямо атлетическаго сложенія, кореецъ нисколько не похожъ ни на приземистаго японца, ни на сутуловатаго китайца. Цвѣтъ кожи его далеко не такой желтый, какъ у типичныхъ представителей монгольской расы, — часто онъ совершенно бронзовый; скулы не выдаются сильно, глаза рѣдко раскосые и узкіе, и вообще лицо не производитъ впечатлѣнія типично-монгольскаго; нерѣдки въ Корей лица совершенно кавказскаго и даже семитическаго типа. Вообще же по своему облику корейцы напоминаютъ скорѣе тюркскія племена, напримѣръ киргизовъ или туркменовъ, особенно въ старости. Интересно, что въ женщинахъ яснѣе сказывается принадлежность къ монгольской расѣ, такъ какъ чаще наблюдаются желтая кожа, узкіе глаза и сильное развитіе скулъ.

Одежда и прическа корейцевъ замѣчательно разнообразны по всей странѣ: все корейское населеніе, отъ самой сѣверной до южной оконечности страны, одѣвается совершенно одинаково, и, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, эта одежда тождественна съ тою, которую носили въ Китаѣ въ царствованіе династіи Минъ. Одежда корейцевъ является прекрасно приспособленной къ климатическимъ условіямъ. Основной костюмъ корейца состоитъ изъ кофты, широкихъ шараваръ и сверху просторнаго халата съ широкими рукавами— все это бѣлаго цвѣта и зимою, и лѣтомъ. Въ соотвѣтствіи съ лѣтними жарами всѣ части одежды дѣлаются лѣтомъ изъ легкой бѣлой матеріи, у бѣдныхъ—бумажной, у богатыхъ—шелковой; зимою та же самая одежда подстегивается ватой и является, конечно, гораздо болѣе теплой, чѣмъ японская, состоящая по существу изъ одного халата. Само собою разумѣется, что это стоитъ въ связи съ болѣе суровыми корейскими зимами. Обувью служатъ корейцамъ короткіе, подстеганные ватой чулки, къ которымъ шаравары привязываются завязками, и соломенные или пенъжовые лапти. Зимою чулки предохраняютъ отъ

холода, а лѣтомъ—отъ сырости и укусовъ комаровъ, что является, быть-можетъ, далеко не лишнимъ, въ виду распространенія въ Корей маляріи *).

Женщины одѣваются въ короткія кофты, закрывающія лишь верхнюю часть груди, и въ юбки. Зимой въ Корей не рѣдкость встрѣтить мѣховую одежду и мѣховыя шапки, безъ чего въ этой странѣ, почти сплошь покрытой снѣгомъ, холодно.

Особенно оригинальны въ Корей прически и шляпы. До женитьбы мальчики и молодые люди носятъ косы, но не такія длинныя и тонкія, какъ у китайцевъ, а короткія и толстыя. Когда же кореецъ женится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится полноправнымъ гражданиномъ, онъ получаетъ право сдѣлать себѣ настоящую корейскую прическу; послѣдняя состоитъ изъ волосъ, закрученныхъ жгутомъ и завернутыхъ въ узкій и длинный шиньонъ, торчащій на головѣ какъ шишка. Этотъ шиньонъ закалывается булавками и сдерживается шнурками, а чтобы, кромѣ того, волосы по сторонамъ не растрепывались, надѣвается еще особая повязка, сплетенная изъ конскаго волоса и носящая названіе «мангынъ». Такая прическа свойственна всѣмъ женатымъ корейцамъ, безъ различія возраста и общественнаго положенія, и такъ какъ она свидѣтельствуетъ о гражданской правоспособности корейца, то послѣдній старается о томъ, чтобы она всегда была замѣтна. Вотъ почему, быть-можетъ, корейцы и изобрѣли себѣ шляпы, нелѣпыя и неудобныя которыхъ трудно что-либо придумать.

Обыкновенная корейская шляпа состоитъ изъ невысокой тульи и широкихъ полей; тулья эта настолько мала, что прикрываетъ не голову, а лишь одну прическу; шляпа, вслѣдствіе этого, не держится сама по себѣ на головѣ и должна быть привязана завязками. Кромѣ того, эта шляпа совершенно ажурна, такъ какъ плетется или изъ конскаго волоса, или изъ волоконъ расщипаннаго бамбука, окрашенныхъ особою краскою въ черный цвѣтъ. Само собою разумѣется, что шляпа эта, обнаруживающая прическу, не защищаетъ головы ни отъ солнца, ни отъ дождя, ни отъ пыли, и во время дождя даже сама нуждается въ защитѣ или въ видѣ зонтика, или въ видѣ колпака изъ промасленной бумаги, которымъ ее закрываютъ. Впрочемъ, кромѣ такого фасона, въ Корей приходится встрѣчать также и множество другихъ разнообразныхъ шляпъ, нерѣдко самыхъ фантастическихъ формъ и размѣровъ. Во время полевыхъ работъ корейцы надѣваютъ шляпы, сплетенныя изъ бамбука и имѣющія видъ гигантскихъ грибовъ; эти шляпы прекрасно защищаютъ ихъ отъ дождя и отъ солнечнаго зноя.

*) Какъ пзвѣстно, зараженіе маляріей, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ передается исключительно путемъ укусовъ комаровъ.

Женщины, выходя изъ дому, надѣваютъ иногда вмѣсто покрывала огромныя шляпы, закрывающія не только голову, но и торсъ. Въ траурѣ корейцы надѣваютъ шляпу въ родѣ огромнаго тропическаго шлема; во время дождя нерѣдко пользуются плоскими шляпами-зонтиками изъ промасленной бумаги, аршина полтора въ діаметрѣ; старики носятъ дома колпаки, сплетенные изъ конскаго волоса; у монаховъ, чиновниковъ, торговцевъ, сборщиковъ податей и даже школьнико́въ также шляпы особыхъ фасоновъ; наконецъ, у высшихъ сановниковъ черныя шляпы въ видѣ митры съ огромными ушами по бокамъ—символь ихъ полной готовности прислушиваться къ каждому слову, исходящему изъ устъ повелителя.

У женщинъ прическа гораздо проще мужской, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ и среднихъ классахъ населенія: онѣ просто завязываютъ волосы узломъ или заплетаютъ косы. Зато дамы изъ высшихъ слоевъ корейскаго общества устраиваютъ прическу совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, нацѣпляя на голову огромный деревянный ободъ и закалывая взбитые волосы аршинными булавками.

Во время періода дождей корейцевъ спасаютъ такіе же соломенные плащи, какіе употребляются и въ Японіи, но, кромѣ того, здѣсь въ ходу также плащи изъ промасленной бумаги. Послѣдняя выдѣлывается въ Корей такую плотную и прочную, что съ успѣхомъ можетъ замѣнить во многихъ случаяхъ матерію, а пропитанная особымъ масломъ—съ успѣхомъ замѣняетъ клеенку. Надо отмѣтить еще двѣ особенности корейскаго костюма: въ Корей совершенно не извѣстны пуговицы, замѣняемыя завязками, и до самаго послѣдняго времени всѣ части одежды, особенно лѣтней, не сшивались, а склеивались изъ отдѣльныхъ кусковъ особымъ рыбьимъ клеемъ и распарывались при каждой стиркѣ. Костюмъ корейца довершается вѣеромъ, спасающимъ его отъ лѣтняго зноя, и своеобразной корейской трубкой съ тростниковымъ мундштукомъ не менѣе аршина въ длину; сама чашечка для табаку величиною всего съ наперстокъ, такъ что табаку хватаетъ лишь на нѣсколько затяжекъ.

Бѣлый цвѣтъ костюма является столь же характернымъ для Корей, какъ для Китая синій, и пристрастіе къ нему тѣмъ труднѣе объяснить, что въ своей повседневной жизни корейцы далеко не отличаются особою любовью къ чистоплотности. Между тѣмъ къ бѣлизнѣ своего костюма они относятся съ большою щепетильностью, и корейскимъ женщинамъ стоитъ не малыхъ трудовъ поддержать эту бѣлизну гардероба, тѣмъ болѣе, что въ Корей совершенно неизвѣстно мыло, и вся стирка производится продолжительнымъ полосканьемъ бѣлья и поколачиваніемъ его на валькахъ.

Въ такой же степени, какъ костюмъ, приспособлено къ клима-

тическимъ особенностямъ и жилище корейца. Мы не встрѣчаемъ здѣсь уже бумажныхъ стѣнъ японскихъ домиковъ: стѣны корейскихъ домовъ дѣлаются, въ большинствѣ случаевъ, изъ сырцоваго кирпича или изъ глины, которою вымазывается рѣшетчатый переплетъ деревяннаго остова дома. Лишь окна и двери въ корейскихъ домахъ дѣлаются бумажными, за неимѣніемъ другого прозрачнаго матеріала, такъ какъ стекло почти не извѣстно внутри страны. Необходимымъ условіемъ, вслѣдствіе суровости зимы, является отопленіе, совершенно отсутствующее въ японскихъ домахъ, гдѣ единственную печь составляетъ горшокъ съ углями. Въ Корей система отопленія заимствована изъ Китая и, подобно тому какъ въ китайскихъ домахъ, состоитъ изъ печи, выходящей тонкою наружу на дворъ; отъ этой печи отходитъ дымовой ходъ, который зигзагами проходитъ подъ поломъ всѣхъ жилыхъ комнатъ и оканчивается трубою по другую сторону дома. Такимъ устройствомъ достигается большая экономія въ топливѣ, въ качествѣ котораго можно употреблять даже солому, и сильное нагрѣваніе пола, превращающагося въ сплошную лежанку. При полномъ отсутствіи какой-либо мебели, кореецъ дома и сидитъ, и спитъ на полу, почему такого рода отопленіе вполне удовлетворяетъ его.

Единственною домашнею обстановкою являются небольшіе комоды или скорѣе сундуки, въ которыхъ женщины хранятъ свое платье, и низенькіе столики, величиною съ подносъ, служащіе для ѣды. вмѣсто постели въ лучшемъ случаѣ служитъ тонкій тюфячекъ, а вмѣсто подушки—деревянный четырехгранный чурбанъ, вершка 3 въ вышину, который кореецъ подставляетъ себѣ подъ високъ, чтобы не испортить ночью своей драгоценной прически.

Корейская кухня съ небольшимъ очагомъ, надъ которымъ вмазанъ котелъ для варки риса, также не богата хозяйственною утварью: нѣкоторое количество огромныхъ глиняныхъ горшковъ, служащихъ для храненія квашенной рѣдьки, бобовой сои и другихъ приправъ, небольшое количество чашекъ и плошекъ—вотъ и все, что можно найти въ корейскомъ кухонномъ хозяйствѣ. Также незатѣйливъ и обычный столъ корейца. Главнымъ продуктомъ питанія Кореи является, какъ и всюду на востокѣ, рисъ, который употребляютъ прямо варенымъ и ѣдятъ двумя деревянными или металлическими палочками. Къ рису подаются приправы—различные продукты изъ рыбы и мяса, квашенная рѣдька, соя, красный перецъ, древесные грибы, морская капуста и т. п. Въ качествѣ главнаго напитка употребляется та самая вода, въ которой варился рисъ; какъ это ни странно, но, несмотря на близкое сосѣдство Китая и Японіи, чай въ Корей совершенно не извѣстенъ.

Такимъ образомъ, весь домашній обиходъ корейца очень несло-

женъ, и потребности его крайне ограничены. Подобно тому какъ въ Японіи, столъ его преимущественно вегетаріанскій: животныя продукты входятъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ въ составъ пищевого довольствія корейскаго населенія, и продукты скотоводства почти совершенно отсутствуютъ. Молочнаго скота корейцы не держатъ вовсе, такъ какъ совершенно не знакомы съ молокомъ и молочными продуктами. Бычье мясо идетъ рѣдко въ пищу, а изъ мелкаго скота разводятся лишь свиньи, и, говорятъ, употребляются въ пищу собаки. Вслѣдствіе этого въ Корей, какъ и въ Японіи, главнымъ образомъ, море доставляетъ животныя продукты, и рыболовство развито сильно по берегамъ, хотя и не можетъ поспорить съ японскимъ.

Рабочій скотъ играетъ у корейцевъ болѣе значительную роль, чѣмъ у ихъ восточныхъ сосѣдей, но все же примѣняется сравнительно мало. Слабосильныя корейскія лошади совершенно не пригодны для обработки полей неуклюжимъ и тяжелымъ корейскимъ плугомъ, для этого примѣняются исключительно быки. Впрочемъ, главнымъ работникомъ на поляхъ здѣсь все же оказывается самъ человѣкъ, вооруженный заступомъ. Нерѣдко и пахота совершается на людяхъ: именно къ нижней части лопаты привязываются двѣ веревки, за концы которыхъ берутся два человѣка, тогда какъ третій всаживаетъ лопату въ землю. Его помощники тянутъ за веревки, и такимъ своеобразнымъ способомъ разрыхляется почва.

Корейскихъ земледѣльцевъ нельзя упрекнуть въ лѣни и бездѣятельности. Въ теченіе лѣтняго времени они со всею семьей работаютъ въ полѣ, такъ какъ возни съ рисомъ и другими многочисленными растеніями, культивируемыми въ Корей, очень много. Приходится заботиться о тщательной поливкѣ рисовыхъ полей, о прочности плотинъ. Затѣмъ нужно полоть поля, такъ какъ иначе, при влажномъ и жаркомъ лѣтѣ, они сильно зарастаютъ сорными травами. Вообще уходъ за полями въ Корей немногимъ хуже, чѣмъ у насъ за огородами.

До нѣкоторой степени поля даже и напоминаютъ огороды, такъ какъ въ Корей, подобно тому какъ вообще на Дальнемъ Востоке, вездѣ примѣняется «рядовая» культура: поле распахивается узкими рядками, и злаки, бобовыя и другія растенія высѣваются рядами на этихъ рядкахъ. Притомъ нерѣдко поле бываетъ смѣшаннымъ, т.-е. рядка, засѣянная пшеницею, чередуется, на примѣръ, съ такою же рядкою бобовъ, затѣмъ слѣдуетъ опять пшеница и опять бобы и т. д., это позволяетъ снять съ одного поля два сбора — сперва созрѣваетъ и снимается пшеница, тогда бобы могутъ разрастись свободнѣе и даютъ второй сборъ. При тѣхъ климатическихъ условіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Корей, рядовая культура является совершенною необходимостью, такъ какъ если засѣвать поле сплошь, то въ періодъ

дождей вода застаивается на немъ, корни растений подгниваютъ, и на зернахъ злаковъ развиваются различные грибки. Къ тому же при распаханіи грядками значительно легче выпалывать сорныя травы.

Походя своимъ трудолюбіемъ на китайцевъ и японцевъ, корейцы отличаются отъ своихъ сосѣдей, однако, многими другими чертами характера: на нихъ, несомнѣнно, наложила печать полная кровавыхъ столкновений исторія ихъ злополучной страны и постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе почти не прекращавшихся нападеній внѣшнихъ враговъ и вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ. Это тревожное прошлое сдѣлало корейца безпечнымъ и мало-заботящимся о будущемъ; оно отняло у него энергію и предприимчивость, лишило инициативы.

Уже по внѣшнему виду своему кореецъ производитъ впечатлѣніе соннаго и вялаго, хотя по существу и не можетъ быть названъ угрюмымъ и необщительнымъ. Онъ не прочь при случаѣ и повеселиться, поболтать съ односельчанами о новостяхъ дня, потолкаться на базарѣ, и, подобно всѣмъ народамъ Востока, отличается чрезвычайнымъ любопытствомъ, такъ что отъ назойливости корейской толпы приходится страдать всѣмъ путешественникамъ. По характеру своему кореецъ, въ большинствѣ случаевъ, добродушенъ, совсѣмъ не проявляетъ воинственности и кровожадности. Лишь окончательно выведенный чѣмъ-нибудь изъ себя, онъ обнаруживаетъ полную необузданность и свирѣпость, свойственную вообще всѣмъ народамъ Азіи.

Несмотря на недоброжелательное отношеніе корейскаго правительства къ иностранцамъ, корейскій народъ вовсе не обнаруживаетъ никакой враждебности къ иноземнымъ путешественникамъ: можно пройти всю Корею безо всякаго конвоя и не примѣняя нигдѣ оружія. Простой народъ производитъ впечатлѣніе безхитростнаго, мало развитаго, но прямого и довѣрчиваго, привыкшаго повиноваться и даже до нѣкоторой степени забитаго. Дѣйствительно, условія, въ которыхъ приходится жить этому народу, мало приглядны не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ. Помимо общаго разоренія страны прежними нашествіями, отъ которыхъ она и до сихъ поръ не можетъ оправиться, помимо низкаго уровня культуры и образованности, — страшнымъ зломъ являются также общее административное неустройство въ Корей и господство полнаго произвола высшаго чиновнаго класса населенія. Чиновники, очень многочисленные, являются настоящими паразитами, высасывающими изъ населенія всѣ соки и жестоко притѣсняющими его.

Въ значительной степени подъ вліяніемъ историческихъ условій и прежде всего подъ вліяніемъ продолжительнаго тѣснаго сближенія съ Китаемъ сложился и семейный бытъ корейцевъ. Подобно тому

какъ вездѣ на Востокѣ, первое мѣсто въ корейской семьѣ принадлежитъ мужчинѣ; женщина же занимаетъ мѣсто совершенно второстепенное и, по корейскимъ понятіямъ, представляетъ собою существо неизмѣримо низшее, съ которымъ мужчинѣ не только не подобаетъ совѣтоваться или вообще разговаривать о чемъ-нибудь серьезномъ, но къ которому онъ не долженъ проявлять даже ничѣмъ своей привязанности. Мужъ не несетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своей женѣ, являясь въ то же время ея полновластнымъ хозяиномъ, отъ котораго она находится въ полной зависимости. Еще въ очень недавнія времена жена, уличенная въ невѣрности мужу, жестоко наказывалась палками и отдавалась въ рабство, а въ древности ее подвергали даже смертной казни. Между тѣмъ мужчина вовсе не обязанъ сохранять вѣрности; по корейскимъ обычаямъ, онъ можетъ содержать сколько угодно незаконныхъ женъ и наложницъ.

Вступаютъ въ бракъ корейцы часто въ очень молодомъ возрастѣ: въ Корее приходится встрѣчать мальчиковъ 12-ти, 13-ти лѣтъ уже женатыхъ и потому щеголяющихъ своей своеобразной прической и шляпой. У корейцевъ изъ высшихъ сословій нерѣдко женятъ дѣтей даже 7-ми, 8-ми лѣтъ, причемъ жена бываетъ иногда старше своего мужа. Положеніе женщины въ корейской семьѣ является далеко не легкимъ, тѣмъ болѣе, что на женѣ лежатъ не только все домашнее хозяйство и заботы о дѣтяхъ и мужѣ, но и значительная часть полевыхъ работъ, въ которыхъ она является главной помощницей мужа.

Еще болѣе подчиненнымъ является, однако, положеніе въ семьѣ дѣтей, хотя бы даже и взрослыхъ. Въ силу того, что вмѣстѣ съ китайской цивилизаціей корейцы восприняли и конфуціанское міровоззрѣніе, и конфуціанскую мораль, которая глубоко вкоренилась и вошла въ ихъ плоть и кровь; безпредѣльное уваженіе и глубокое почитаніе своихъ родителей, въ особенности отца, сдѣлалось главною основою отношеній дѣтей къ родителямъ. Кореецъ обязанъ при жизни родителей безпрекословно слушаться ихъ во всемъ, выказывать имъ полнѣйшее уваженіе, всѣмъ рѣшительно жертвовать для нихъ, а послѣ ихъ смерти долженъ носить по нимъ цѣлыхъ три года глубокой трауръ, оплакивать ихъ и приносить жертвы ихъ душамъ. Ни одна добродѣтель не цѣнится въ Корее такъ высоко, какъ сыновняя преданность; тѣ, кто особенно обнаружилъ ее, пользуются при жизни большимъ почетомъ и уваженіемъ, а послѣ смерти удостоиваются даже нерѣдко особыхъ памятниковъ или конфуціанскихъ часовенъ, въ которыхъ хранятся надписи, описывающія ихъ дѣянія.

Подчиненность дѣтей родителямъ, младшихъ—старшимъ, подчиненность подданныхъ монарху являются главными основами, съ одной стороны, конфуціанской религіи, съ другой — всего государственнаго

устройства Кореи, заимствованнаго отъ Китая. Этотъ культъ родителей, связанный съ культомъ еще болѣе отдаленныхъ предковъ, является несомнѣннымъ результатомъ китайскаго вліянія на Корею, такъ какъ онъ уже гораздо слабѣе сказывается въ Японіи и лишь въ малой степени свойственъ другимъ болѣе сѣвернымъ народностямъ восточной окраины Азіи, являющимся ближайшими родственниками корейскому народу.

Экономическій бытъ страны.

Главною основою благосостоянія Кореи является земледѣліе: оно не только прокармливаетъ 14-тимилліонное населеніе Кореи, но и даетъ главнѣйшіе продукты вывоза. Въ средней и южной Корее всѣ долины превращены въ сплошное море зеленыхъ полей, и даже склоны холмовъ и горъ, если только они не слишкомъ скалисты, обязательно распаханы, и по нимъ поднимаются террасами рисовыя поля, орошаемыя водою изъ сложной системы каналовъ, отведенныхъ отъ какого-нибудь горнаго ручья или рѣчки. Нерѣдко въ горахъ приходится встрѣчать поле, вспаханное на такомъ крутомъ склонѣ, что прямо кажется непонятнымъ, какимъ способомъ могъ пройти тамъ плугъ. Должно замѣтить къ тому же, что, благодаря издавна примѣняемой на Востокѣ плодотворной системѣ земледѣлія, полей подъ паромъ, которыя отнимаютъ такъ много мѣста у насъ, въ Корее совершенно не встрѣчается.

Лишь въ сѣверной Корее, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, населеніе менѣе густо, и имѣются еще свободныя мѣста, пригодныя для обработки. Трудно опредѣлить, сколько пахотной земли приходится въ Корее на душу или на семью, но, во всякомъ случаѣ, участки тамъ несравненно менѣе значительны, чѣмъ у насъ. Лишь путемъ упорнаго труда и исключительно благодаря гораздо бѣльшей урожайности корейскихъ хлѣбныхъ растений, между которыми главную роль играютъ рисъ, просо и кукуруза, могутъ существовать корейскіе крестьяне на то, что имъ даетъ земля. По корейскимъ законамъ, земля составляетъ государственную собственность и принадлежитъ главѣ государства, такъ что частныя лица могутъ брать ее лишь въ аренду. Въ дѣйствительности, однако, почти всѣ земельныя участки въ Корее находятся въ частномъ владѣніи и безпрепятственно продаются и покупаются; владѣльцы лишь уплачиваютъ въ казну поземельныя налоги. Главная часть земледѣльческаго населенія Кореи состоитъ изъ мелкихъ хозяевъ, обрабатывающихъ землю собственными силами, въ лучшемъ случаѣ при помощи нѣсколькихъ нанятыхъ рабочихъ. Относительно небольшое ко-

личество земель принадлежит крупнымъ владѣльцамъ изъ янъ-баней (дворянъ). Нѣкоторое количество земли находится также въ вѣдомствѣ министерства двора и составляетъ собственность императора.

Гораздо меньшее значеніе имѣетъ въ Корее скотоводство, и если изъ этой страны и вывозится къ намъ довольно большое количество скота во Владивостокъ, то происходитъ это не отъ избытка домашнихъ животныхъ въ краѣ, а, главнымъ образомъ, отъ нужды населенія, которое нерѣдко принуждено бываетъ въ крайности продавать свой послѣдній рабочій скотъ. Отсутствіе скотоводства обусловливается прежде всего недостаточнымъ количествомъ пастбищъ въ странѣ; подобно тому какъ въ Японіи, въ Корее луговъ, въ нашемъ смыслѣ слова, не встрѣчается, и развѣ лишь въ южной части страны горные склоны, почему-нибудь неудобные для земледѣлія, служатъ мѣстомъ, гдѣ откармливается въ нѣсколько ббльшемъ количествѣ рогатый скотъ.

Главнымъ предметомъ скотоводства является крупный рогатый скотъ и притомъ почти исключительно рабочій, такъ какъ молоко, какъ мы уже упоминали, совершенно не употребляется въ пищу въ Корее, а мясо—лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Лошади по своей слабосильности разводятся не для полевыхъ работъ, а лишь для перевозки вьючнымъ путемъ товара, равно какъ и ослы, и мулы. Изъ мелкаго скота разводятся однѣ свиньи, а изъ домашней птицы—куры, утки и гуси. Мѣстами въ Корее распространено пчеловодство, такъ какъ медъ замѣняетъ собою почти совершенно незнакомый въ странѣ сахаръ. Точно также разводятся и шелковичные черви, преимущественно китайскій шелкопрядъ, выкармливающийся не на тутовомъ деревѣ, а на нѣкоторыхъ породахъ дуба.

Немалыя богатства скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ омывающее берега Кореи море, которое все же довольно обильно рыбою. Къ южной оконечности восточнаго побережья Кореи подходят зимовать огромныя стада китовъ; кромѣ того, въ морѣ ловятся краббы, трепанги (голотурин), и по берегамъ добываются большія количества водорослей, особенно такъ называемой морской капусты (ламинарии), которая составляетъ также немаловажный пищевой продуктъ на Дальнемъ Востоке. Все прибрежное корейское населеніе занимается рыбными и другими промыслами, и за послѣднее время съ корейцами начинаютъ конкурировать даже японцы, получившіе право заниматься рыболовствомъ у южной оконечности Кореи. Кромѣ добыванія морскихъ животныхъ и растений, сильно развито по берегамъ Кореи добываніе изъ морской воды соли, которая вываривается въ устраиваемыхъ для этой цѣли солеварняхъ.

Не малый доходъ корейскому населенію даютъ лѣса, которые

въ сѣверной Корей еще сравнительно богаты крупною и мелкою дичью. Охотничій промыселъ тамъ развитъ въ большихъ размѣрахъ, въ особенности охота на оленей изъ-за ихъ роговъ, называемыхъ на востокѣ «пантами». Рога эти, пока они еще мягки и покрыты сверху шерстью, служатъ очень цѣннымъ предметомъ вывоза въ Китай, такъ какъ китайцы платятъ за нихъ огромныя деньги, употребляя ихъ на изготовленіе особаго лѣкарства. Немаловажнымъ предметомъ охоты являются также въ сѣверной Корей пушные звѣри, напримѣръ: выдры, соболи, горностаи, барсы, лисицы и хорьки. Въ прежнія времена, когда было больше тигровъ, даже существовала особая корпорація тигровыхъ охотниковъ, пользовавшихся за свою храбрость и неустрашимость всеобщимъ уваженіемъ. Теперь тигровъ осталось въ средней и южной Корей немного, и охота на нихъ составляетъ сравнительно рѣдкій случай.

Корейскіе лѣса, еще достаточно густые въ сѣверной части страны, составляютъ и сами по себѣ значительное богатство, такъ какъ лѣсные матеріалы въ Китаѣ и Японіи цѣнятся дорого. Особенно въ этомъ отношеніи выгодной для эксплуатаціи является рѣка Ялу, въ верховьяхъ которой сохранились обширнѣйшіе горные лѣса, богатые превосходными кедрами, лиственницами и елями. Въ этой-то области и начало развиваться дѣло русской лѣсопромышленной компаніи, обѣщавшее большія выгоды, такъ какъ прекрасный строевой лѣсъ можно было съ большимъ удобствомъ сплавлять внизъ по рѣкѣ Ялу, превращать его въ низовьяхъ этой рѣки въ доски и оттуда доставлять пароходами въ Портъ-Артуръ и Дальній, гдѣ имѣется огромный спросъ на лѣсные матеріалы, удовлетворявшійся ранѣе почти исключительно американскимъ лѣсомъ.

Минеральныя богатства Кореи сравнительно мало пока еще исследованы, но, по мнѣнію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ученыхъ, посѣтившихъ страну, являются довольно богатыми. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Кореи довольно многочисленны золотыя россыпи, гдѣ золото добывается совершенно первобытнымъ способомъ изъ золотоснаго песку. Мѣстами эти россыпи обнаруживаютъ довольно большое содержаніе драгоцѣннаго металла. Встрѣчаются также серебряныя, желѣзныя и въ особенно большомъ количествѣ мѣдныя руды. Кое-гдѣ имѣются залежи каменнаго угля и даже существуютъ указанія на нахожденіе нефти. Нѣкоторыя изъ горныхъ богатствъ Кореи разрабатываются уже иностранцами, главнымъ образомъ, американскими предпринимателями, получившими тамъ концессіи; другія составляютъ достояніе корейскаго правительства.

Такимъ образомъ, Корея въ общемъ отнюдь не можетъ быть названа страной, лишенною естественныхъ богатствъ, а населеніе ея

нельзя назвать нетрудолюбивымъ, и если, тѣмъ не менѣе, экономическое благосостояніе страны является крайне плачевнымъ, то это обуславливается прежде всего чрезвычайно низкою степенью культурнаго развитія корейской народности. Само собою разумѣется, что это послѣднее обстоятельство отражается прежде всего на обрабатывающей промышленности, которая находится, можно сказать, въ совершенно зачаточномъ состояніи, или, вѣрнѣе, въ состояніи полного упадка, такъ какъ въ прежнія времена многія отрасли промышленности были развиты гораздо выше, чѣмъ теперь. Выдѣлка знаменитаго японскаго фарфора, на примѣръ, заимствована японцами изъ Кореи, откуда тогда пришли въ Японію мастера, научившіе японцевъ обжигать этотъ фарфоръ и познакомившіе ихъ съ искусствомъ живописи по фарфору. Въ настоящее время сколько-нибудь сноснаго фарфора въ Корей нѣтъ вовсе, и живопись по фарфору стала совершенно неизвѣстной, точно такъ же, какъ утратилось искусство ткать узорчатые шелковыя ткани и изготовлять чеканныя и инкрустированныя металлическія издѣлія.

Въ настоящее время вся промышленность Кореи носитъ совершенно кустарный характеръ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Ткани, на примѣръ, изъ хлопка, пеньки и шелка, изготовляются корейцами домашнимъ и очень примитивнымъ способомъ. Бумага, которая играетъ въ Корей, равно какъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ Дальняго Востока, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ у насъ, изготовляется изъ луба бумажнаго дерева на особыхъ маленькихъ бумажныхъ фабрикахъ, также совершенно кустарнаго характера. Прочность ея чрезвычайно велика, и потому ею возможно бываетъ пользоваться во многихъ случаяхъ, въ которыхъ мы пользуемся матеріей, кожей или клеенкой.

Обработка металловъ сводится къ изготовленію чугунныхъ котловъ, мѣдныхъ чашекъ и другихъ кухонныхъ принадлежностей и, самое бѣльшее, къ изготовленію очень плохого и мало въ Корей распространеннаго холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Издѣлія изъ серебра и золота почти не извѣстны въ странѣ, такъ какъ покупать драгоценныя вещи тамъ не кому.

При такомъ слабомъ развитіи промышленности не можетъ быть сильно развита и внутренняя торговля, тѣмъ болѣе, что потребности крайне бѣднаго населенія очень ограничены, и почти все необходимое для его существованія находится и добывается на мѣстѣ собственными средствами. Тѣмъ не менѣе, потребность въ обмѣнѣ товарами между различными областями страны все же ощущается, и потребность эта удовлетворяется довольно многочисленнымъ въ странѣ классомъ торговцевъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, оперируютъ на очень мелкіе, на нашъ взглядъ совершенно ничтожные, капиталы.

Развитіе торговли зависитъ въ чрезвычайно сильной степени еще отъ одного обстоятельства, именно отъ развитія путей сообщенія и способовъ передвиженія. Въ этомъ отношеніи условія въ Корей чрезвычайно неблагоприятны. За исключеніемъ двухъ-трехъ главныхъ путей, можно сказать, что въ странѣ совершенно нѣтъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это слово понимаемъ. То, что въ Корей называется дорогами—не болѣе какъ вьючныя тропы, если и проходимыя, то лишь съ большимъ трудомъ и исключительно для вьючныхъ животныхъ и носильщиковъ. Въ горахъ эти тропы поднимаются нерѣдко по чрезвычайно крутымъ обрывамъ, лѣпятся по горнымъ карнизамъ и, размываясь дождями, представляютъ большую опасность. Мостовъ черезъ рѣки въ Корей очень мало, и, въ большинствѣ случаевъ, путникамъ приходится довольствоваться бродами или самымъ примитивнымъ перевозомъ, такъ что въ періодъ дождей и сильнаго разлива рѣкъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ совершенно непреодолимыми препятствіями.

Колесъ и колесныхъ экипажей Корея, повидимому, совершенно не знаетъ, особенно внутренняя часть страны; лишь въ Сеулѣ и въ портовыхъ городахъ приходится кое-гдѣ встрѣчать крайне примитивныя и грубо-сколоченныя корейскія арбы. Такимъ образомъ, всѣ товары перемѣщаются въ Корей на спинахъ или лошадей, или же носильщиковъ, составляющихъ обширную корпорацію, связанную общою организаціею и круговою порукою. Эти носильщики пристраиваютъ грузъ себѣ на спину на особыхъ деревянныхъ рогулькахъ—едва ли не единственное оригинальное корейское изобрѣтеніе. Что касается вьючныхъ животныхъ, то чаще всего для перевозки грузовъ употребляются лошади, но примѣняются также и мулы, ослы, быки и даже коровы.

Корейская лошадь представляетъ собою настоящаго карлика, чуть ли не меньше шотландскаго пони; ростомъ она такъ мала, что достигаетъ головою лишь плеча человѣка средняго роста, а если всадникъ сядетъ на нее верхомъ по-европейски, то ноги его лишь на четверть не достаютъ до земли. Вотъ почему корейцы устраиваются при верховой ѣздѣ на своихъ лошадяхъ чрезвычайно оригинальнымъ способомъ: они одѣваютъ на лошадь свое примитивное вьючное сѣдло, привязываютъ два нетяжелыхъ вьюка по сторонамъ и по верху ихъ и сѣдла кладутъ небольшой тюфячекъ, на который садится всадникъ и спускаетъ ноги на шею лошади. Для европейца такое положеніе съ ногами, болтающимися безъ стремянъ, крайне мучительно, но корейцы находятъ его наиболѣе удобнымъ. Должно замѣтить еще, что корейскія лошади сравнительно съ нашими—очень слабосильны: онѣ не могутъ поднять болѣе 5—6 пудовъ, и то этотъ грузъ является

для нихъ уже сравнительно тяжелымъ. Для каждой лошади обязательно нуженъ особый погонщикъ или «мафу», который ведетъ лошадь въ поводу и заботится о ней на стоянкахъ; даже, когда ѣдетъ всадникъ, его лошадь обязательно ведетъ подъ уздцы мафу, которому приходится выбиваться изъ силъ, если всадникъ вздумаетъ пустить лошадь рысью.

Еще однимъ изъ неудобствъ передвиженія на лошадяхъ по Корее является крайняя избалованность ихъ по отношенію къ корму. Мафу кормятъ своихъ лошадей почти исключительно одними вареными бобами, изъ которыхъ готовится нѣчто въ родѣ пойла съ мякиной. Бобы эти варятся въ огромныхъ котлахъ и даются лошадямъ даже не совсѣмъ простывшими, теплыми; подножнаго корма—овса или вообще сырыхъ продуктовъ лошади, по крайней мѣрѣ, во время работы, совершенно не получаютъ. Это обстоятельство привязываетъ путника всецѣло къ опредѣленнымъ протореннымъ дорогамъ, по которымъ имѣются на извѣстныхъ разстояніяхъ постоянные дворы («шумеги»), гдѣ можно найти котлы для варки бобовъ и запасы послѣднихъ.

Всѣ перечисленные условія чрезвычайно затрудняютъ передвиженіе по Корее каравановъ съ грузами и дѣлаютъ доставку товаровъ вьючнымъ способомъ настолько дорогою, что носильщики, перетаскивающіе грузы на своихъ спинахъ, легко могутъ конкурировать съ лошадьми. Едва ли найдется еще какая-нибудь другая страна, гдѣ грузовое движеніе совершалось бы въ такомъ количествѣ на спинахъ людей, какъ въ Корее!

Кромѣ носильщиковъ, принимающихъ на себя доставку груза, въ Корее мы находимъ очень большое количество разныхъ мелкихъ бродячихъ торговцевъ, которые также на своей спинѣ переносятъ изъ города въ городъ и изъ одного селенія въ другое различные мелкіе товары; они распродаютъ ихъ на ярмаркахъ, бывающихъ обыкновенно чрезъ извѣстное число дней въ каждомъ болѣе значительно населенномъ пунктѣ Кореи. Во время такихъ ярмарокъ въ данный городъ или селеніе собираются всѣ жители окрестныхъ деревень для того, чтобы обмѣнять выработанные ими продукты на деньги или на товары, привезенные въ городъ. Во время ярмарки городская площадь покрывается мелкими лавчонками изъ кое-какъ сколоченныхъ шалашей; рядами выстраиваются пришедшіе въ городъ торговцы, группируясь по роду товаровъ; по краямъ базарной площади располагаются мѣстные жители со скотомъ, топливомъ, различными зерновыми продуктами, овощами и т. п. Торгъ идетъ бойко и оживленно, всюду видны ожесточенно жестикулирующія фигуры продавцовъ и покупателей, густою толпою собирается народъ вокругъ бро-

дяхихъ танцоровъ и музыкантовъ или какого-нибудь акробата, выдѣлывающаго замысловатые фокусы на натянутомъ канатѣ.

Особенно бойко торгуютъ мелкія сѣстные лавчонки, гдѣ подѣ легкими навѣсами варятся на замазанныхъ въ глиняныя печи огромныхъ котлахъ рисъ и различныя похлебки, жарятся лепешки на кунжутномъ маслѣ, готовятся ѣдкія приправы изъ жгучаго краснаго перца, и все это поглощается тутъ же неприхотливою публикою, усаживающеюся за низенькими столиками на цыновкахъ или прямо на корточкахъ на землѣ. Немало разбросано вокругъ базарной площади также и мелкихъ кабачковъ, гдѣ желающіе за очень дешевую плату могутъ получить достаточное количество подогрѣтой рисовой водки, совершенно неочищенной отъ сивушныхъ маселъ, и корейскаго пива—коричневатой и мутной, кисловатой жидкости.

Такіе базары являются единственнымъ проявленіемъ въ Корей болѣе оживленной и бойкой торговли: обычно лавочки, находящіяся въ большомъ количествѣ въ любомъ самомъ незначительномъ городкѣ, торгуютъ чрезвычайно вяло, такъ что приходится прямо удивляться, какимъ способомъ умудряются ихъ хозяева извлечь доходъ изъ своего торговаго предпріятія. Чаще всего приходится встрѣчать въ Корей лавки универсальнаго характера, въ которыхъ кореецъ можетъ получить рѣшительно все, что только требуется въ его обычномъ обиходѣ. Въ такой лавкѣ можно найти и матеріи для костюма, и связки лаптей изъ рисовой соломы, и табакъ, и гвозди, и керосинъ, и бумагу для оклейки оконъ, и спички, и папиросы японскаго издѣлія, и какіе-то подозрительные кусочки, и порошки, составляющіе затѣйливыя снадобья корейской медицины, и безчисленное множество другихъ предметовъ, дѣлающихъ такую лавку похожею на какой-то музей. Все это стоитъ сущіе гроши, и едва ли цѣнность всѣхъ товаровъ такого торговаго заведенія превыситъ на наши деньги 10 рублей. Тѣмъ не менѣе, корейскій купецъ ухитряется какимъ-то образомъ извлекать барыши и существовать на нихъ, нерѣдко съ многочисленнымъ семействомъ.

Однимъ изъ крупныхъ препятствій къ развитію торговли въ Корей является обращающаяся въ странѣ монета, которая представляетъ громадныя неудобства. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ главной, а внутри страны, можно сказать, и единственной, широко распространенной монетной единицей являются мѣдныя или, вѣрнѣе, латунныя тонкія монетки съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, совершенно сходныя съ китайскими чохами и носящія названіе «пхунъ». Монеты эти носятъ обыкновенно не въ кошелькѣ, а нанизанными на веревку изъ рисовой соломы огромными пачками, причемъ каждыя 100 монетъ отдѣляются узелкомъ. Нерѣдко ихъ даже

не отсчитываютъ, а прямо отмѣриваютъ по длинѣ связки, такъ какъ считать ихъ—дѣло слишкомъ утомительное и отнимающее массу времени. На 1 рубль такихъ монетъ приходится отъ 500 до 600 по курсу, что составляетъ связку, болѣе аршина длиною и достаточно увѣсистую; 10 рублей на наши деньги вѣсятъ $1\frac{1}{4}$ пуда, такъ что корейская вьючная лошадь, поднимающая не болѣе 6 пудовъ, можетъ увезти, всего-на-всего, денегъ на 50 рублей. При выплачиваніи крупныхъ суммъ возникаютъ, само собою разумѣется, огромныя затрудненія, и даже, когда идешь на базаръ за покупками рублей на 15, приходится брать съ собою носильщика, который едва тащитъ огромную связку денегъ. Само собою разумѣется, что такая денежная система сильно затрудняетъ всѣ торговые обороты: нерѣдко купцу выгоднѣе расплачиваться какимъ-либо другимъ товаромъ, чѣмъ деньгами.

Кромѣ того, благодаря спекуляціи, главнымъ образомъ, японскихъ купцовъ курсъ на корейскія пхуны является чрезвычайно неустойчивымъ и подверженъ большимъ колебаніямъ, причемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи, вслѣдствіе недостатка въ удобныхъ путяхъ сообщенія, бываетъ одновременно различнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ попытки со стороны корейскаго правительства ввести болѣе удобную монету оставались до самаго послѣдняго времени совершенно безплодными, тѣмъ болѣе, что производились обыкновенно подъ давленіемъ японцевъ, которымъ корейцы имѣли достаточно основаній не довѣрять. За послѣднее время корейское правительство пыталось также пустить въ обращеніе никкелевую монету, чеканенную по образцу японской, однако, эта монета, несмотря на свои огромныя преимущества предъ пхунами, получила распространеніе лишь въ Сеулѣ и портовыхъ городахъ, внутри же страны принимается крайне неохотно и, надо сказать, не безъ основанія, такъ какъ дѣйствительная цѣнность ея во много разъ ниже номинальной. Не привилась также и серебряная монета, неоднократно выпускавшаяся правительствомъ, и до сихъ поръ корейцы довѣряютъ больше всего своимъ громоздкимъ пхунамъ, нанизаннымъ на веревку какъ бублики. Въ портовыхъ городахъ, гдѣ широко развита японская торговля, можно расплачиваться японскою монетою и японскими кредитными деньгами.

При низкомъ уровнѣ культуры въ странѣ, при слабомъ развитіи путей сообщенія и при ограниченныхъ размѣрахъ внутреннихъ торговыхъ оборотовъ, само собою разумѣется, и внѣшняя вывозная и привозная торговля Кореи не можетъ быть сильно развитою. Въ прежнія времена, въ періодъ корейской изолированности, она была совершенно ничтожна, именно ограничивалась тѣми торговыми обо-

ротами, которые происходили во время бывавшей одинъ разъ въ годъ ярмарки на границѣ Китая. Въ остальное же время корейцамъ было даже запрещено имѣть какія-либо торговыя сношенія съ другими государствами, и за нарушение этого запрещенія полагалась даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертная казнь.

Лишь со времени заключенія торговыхъ договоровъ съ Японіей и съ европейскими державами, т.-е. начиная съ 1876 года, корейская внѣшняя торговля стала развиваться нѣсколько сильнѣе. До 1898 г. она концентрировалась исключительно лишь въ 6 корейскихъ городахъ, именно въ трехъ портовыхъ городахъ: Фузанѣ, Гензанѣ и Чемульпо, и, кромѣ того, въ Сеулѣ, въ селеніи Ян-хоа-джинъ близъ Сеула, и въ городѣ Кіонъ-хынъ, открытомъ для русской торговли. Въ 1898 году было открыто еще 5 портовыхъ городовъ, именно Цзынампо, Мокпо, Сіонъ-чжинъ, Масанпо, Кунъ-санъ и одинъ городъ внутри страны, именно Пхіонъ-янъ.

Со времени открытія портовыхъ городовъ внѣшняя торговля въ Корей стала быстро увеличиваться, но при этомъ она въ то же время стала переходить мало-по-малу въ руки японскихъ купцовъ и отчасти также китайцевъ. Во всѣхъ портовыхъ городахъ возникли обширныя торговыя колоніи японцевъ съ многочисленнымъ населеніемъ, большимъ количествомъ складовъ и магазиновъ, транспортныхъ конторъ, банковъ и другихъ торговыхъ учрежденій. Японцами были приложены также большія старанія къ развитію пароходства между портами Кореи и японскими торговыми городами, были учреждены правильные рейсы пароходовъ, устроены агентства, проведенъ телеграфъ между главнѣйшими пунктами Кореи и проложенъ кабель, соединяющій Корею съ Японією. Всѣ эти мѣропріятія, сопровождаемыя соотвѣтствующими политическими мѣрами, стремившимися къ упроченію японскаго вліянія въ Корей, повели къ тому, что фактически вся внѣшняя корейская торговля оказалась во власти Японіи. Лишь за послѣднее время въ сѣверныхъ портовыхъ городахъ Кореи начали играть болѣе значительную роль китайскіе купцы и нѣсколько европейскихъ фирмъ; однако, преобладающее значеніе осталось все же за японцами. Въ Чемульпо, на примѣръ, въ 1896—97 г. занималось торговлею 26 японскихъ торговыхъ фирмъ, 16 китайскихъ и лишь 6 англійскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ.

Главнѣйшими предметами вывоза изъ Кореи являются сельскохозяйственные продукты и прежде всего рисъ, который направляется преимущественно въ Японію—корейскій рисъ славится на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Количество риса сильно колеблется въ зависимости отъ урожая, но, въ общемъ, повидимому, постепенно увеличивается и вывозится въ урожайныя годы на сумму до 5¹/₂ милліо-

новъ долларовъ. Въ меньшемъ количествѣ вывозятся различные сорта бобовъ и бобовые жмыхи, получающіеся при выжимкѣ бобоваго масла. Въ Японіи эти жмыхи употребляются для удобренія полей. Довольно значительно количество вывозимой изъ Кореи пшеницы, ячменя и проса.

Къ числу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ долженъ быть отнесенъ также жень-шень—знаменитое лѣкарственное растеніе Дальняго Востока, цѣнящееся чуть ли не на вѣсь золота и спасающее будто бы отъ самыхъ тягчайшихъ болѣзней. Жень-шень въ дикомъ состояніи встрѣчается въ горахъ сѣверной Кореи, въ уединенныхъ тѣнистыхъ лѣсахъ, и для отысканія его отправляются цѣлыя партіи охотниковъ. Кромѣ того, жень-шень разводится искусственно на особыхъ плантаціяхъ, но такое культивируемое растеніе, дающее корни болѣе мелкіе, цѣнится гораздо дешевле дикаго. Вывозится жень-шень въ Китай, причемъ облагается большою вывозною пошлиною. Въ 1898 г. его было вывезено почти на миллионъ долларовъ.

Довольно крупный предметъ вывоза составляетъ рогатый скотъ, который направляется, главнымъ образомъ, во Владивостокъ и Приморскую область; вывозятся также кожи скота и въ небольшомъ количествѣ мѣха пушныхъ звѣрей.

Морскіе продукты въ Корей также даютъ цѣлый рядъ предметовъ вывоза: въ Китай вывозятся акулы плавники и трепанги, въ Японію—различная сушеная рыба, рыбій тукъ, китовое мясо и морская капуста. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ продуктовъ вывоза является золото, добываемое на розсыпяхъ въ сѣверной части Кореи. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1898 году его вывезено на 2 375 000 долларовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности вывезено гораздо больше, такъ какъ огромное количество его проходитъ контрабандою помимо таможенъ.

Что касается произведеній корейской промышленности, то, за исключеніемъ корейской бумаги, вывозимой на нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ, не вывозится почти ничего; всѣ издѣлія Кореи слишкомъ грубы и первобытны и не могутъ идти въ сравненіе съ издѣліями сосѣднихъ странъ.

Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, предметомъ внѣшняго ввоза являются, главнымъ образомъ, различныя издѣлія фабричной промышленности и прежде всего хлопчатобумажныя матеріи, преимущественно англійскія и японскія. Первое мѣсто принадлежитъ шертингу различныхъ сортовъ, затѣмъ идетъ также линобатистъ, муслинъ, шитингъ и дрель. Ввозится, кромѣ того, бумажная пряжа, изъ которой корейцы сами ткуютъ матерію по своему вкусу, и даже хлопокъ, котораго не хватаетъ въ Корей для удовлетворенія всѣхъ ея

потребностей. Ввозятся также и шелковыя матеріи, составляющія предметъ роскоши и идущія, главнымъ образомъ, изъ Китая. Наконецъ, немалое количество доставляется въ Корею мѣди, желѣза, олова и другихъ металловъ. Почти единственнымъ продуктомъ ввоза, идущимъ также въ довольно значительномъ количествѣ изъ Россіи, является керосинъ, который доставляется на Дальній Востокъ изъ Батума въ наливныхъ пароходахъ, разливается въ Японіи въ жестяные ящики и въ такомъ видѣ попадаетъ въ Корею. Русскому керосину приходится тамъ, однако, за послѣднее время выдерживать сильную конкуренцію со стороны американскаго и суматрскаго. Ввозятся въ Корею также спиртные напитки, главнымъ образомъ, японская рисовая водка и пиво; въ небольшомъ количествѣ идутъ туда анилиновыя краски, японскія табачныя издѣлія, наконецъ, стеклянныя издѣлія, сахаръ, лѣкарства и различныя мелочи. При ограниченности потребностей корейскаго населенія всѣ эти предметы, однако, ввозятся въ очень небольшомъ количествѣ и идутъ даже, главнымъ образомъ, для удовлетворенія спроса живущихъ въ Корей японцевъ и европейцевъ, проникая лишь въ совершенно ничтожномъ количествѣ внутрь страны.

Принимая во вниманіе обширность и населенность страны, должно считать общіе размѣры ея внѣшней торговли очень ограниченными. Въ 1898 г. товаровъ изъ Кореи было вывезено всего на 5 709 489 долларовъ, а ввезено въ страну на 11 825 267 долл., въ 1902 г. было вывезено на 8 317 070 долл., а ввезено—на 13 692 842 долл. Такимъ образомъ, общая сумма торговаго оборота Кореи, повидимому, не перестаетъ увеличиваться, но въ то же время ввозъ товаровъ въ Корею значительно преобладаетъ надъ вывозомъ, что объясняется бѣльшею цѣнностью ввозимыхъ товаровъ по сравненію съ тѣми продуктами страны, которые ею вывозятся. Впрочемъ, отчасти такое превышеніе ввоза надъ вывозомъ обусловливается системою регистраціи товаровъ корейскими таможенными и является фиктивнымъ. Къ тому же золото, вывозимое изъ предѣловъ Кореи въ довольно большомъ, какъ мы видѣли, количествѣ, не регистрируется вовсе. По всей вѣроятности, дѣйствительная стоимость товаровъ, ввозимыхъ въ Корею, вполне точно равняется суммѣ вывоза, такъ какъ купить иностранныхъ произведеній корейцы, за неимѣніемъ свободной денежной наличности въ странѣ, могутъ лишь на такую же сумму, на какую продадутъ своихъ товаровъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, экономическое положеніе Кореи еще задолго до наступленія современныхъ событій было далеко неудовлетворительнымъ. Несмотря на то, что страна не лишена природныхъ богатствъ, и населеніе ея нельзя назвать лѣнливымъ и без-

дѣятельнымъ, Корея все же являлась самою бѣдною изъ странъ Дальняго Востока,—страною съ совершенно ничтожными ресурсами, не имѣющею денежныхъ запасовъ, вывозящею лишь малоцѣнные продукты, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Такое печальное положеніе страны обусловливается, конечно, прежде всего ея историческими судьбами. Постоянныя нашествія враговъ разоряли народонаселеніе и не позволяли развиться сколько-нибудь высоко культурѣ, внутреннія междоусобія обусловливали неупорядоченность государственнаго управленія, и образованіе алчнаго класса чиновниковъ, живущихъ за счетъ народа и существующихъ незаконными поборами, затѣмъ не остались безъ вліянія и цѣлыя столѣтія полной изолированности и отрѣшенія отъ сношеній со всѣми другими государствами—все это привело Корею къ совершенному истощенію государственнаго организма и къ упадку.

Въ довершеніе всего Корея оказалась въ тяжелой экономической зависимости отъ Японіи, цѣлко захватившей ее и опутавшей многочисленными нитями. Японцы смотрѣли на нее какъ на свою будущую колонію, изъ которой слѣдуетъ высосать возможно больше соковъ, чтобы обезсилить ее и лишить способности энергичнаго сопротивленія. По отношенію къ корейцамъ они являлись постоянно эксплуататорами, а послѣдніе, уже въ силу своей меньшей культурности и присущей имъ инертности и забитости, были всегда эксплуатируемыми. Хозяиничаніе японцевъ въ портовыхъ городахъ, захватъ ими внѣшней торговли Кореи и постоянныя вмѣшательства въ финансовыя дѣла государства были причиною непрерывнаго ухудшенія экономическаго положенія Кореи за послѣдніе годы.

Религія и образованность.

Въ Корей въ настоящее время наблюдаются три религіозныхъ вѣроученія, причѣмъ они не только играютъ одновременно одинаково важную роль, но и тѣсно между собою переплетаются и, повидимому, даже не разъединяются въ представленіи простаго народа.

Прежде всего широко распространены и сохранились въ цѣлости остатки самыхъ древнихъ религіозныхъ представленій, господствовавшихъ еще во времена, о которыхъ не сохранилось историческихъ свѣдѣній,—представленій, которыя можно во всей ихъ совокупности назвать шаманизмомъ. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается обыкновенно поклоненіе человѣка одухотвореннымъ силамъ природы и различнымъ явленіямъ ея. Въ старинныхъ китайскихъ лѣтописяхъ сохранились указанія на то, что предки корейцевъ, обитавшіе на Корейскомъ полуостровѣ, были шаманистами и поклонялись духамъ

земли, неба, утренней звѣздѣ, духамъ покровителямъ горъ и рѣкъ и даже тигру. Эти основныя черты сохранились и до настоящаго времени въ Корей въ видѣ суевѣрій и чисто шаманистическихъ взглядовъ, тѣсно перемѣшавшихся съ представленіями о буддійскихъ и конфуціанскихъ святыхъ.

Главнымъ предметомъ культа въ Корей является и по настоящее время небо, отъ котораго, по мнѣнію корейцевъ, истекаютъ всѣ земныя блага—произрастаніе злаковъ и урожай, избавленіе отъ болѣзней и т. п. Съ небомъ соединяется представленіе, правда, очень смутное, о Верховномъ Повелителѣ Неба, Создателѣ и Хранителѣ видимаго міра, котораго корейцы называютъ Санъ-Чже. При общихъ народныхъ бѣдствіяхъ, напримѣръ, при засухѣ или при обильныхъ ливняхъ, вызывающихъ наводненія, совершаются торжественныя моленія къ Небу и приносятся жертвы, чтобы умилостивить гнѣвъ Повелителя Неба.

На ряду съ этимъ почитаніемъ неба корейцы одухотворяютъ также и всѣ другія стихіи и силы природы. По вѣрованіямъ ихъ, духи наполняютъ воздухъ и море, обитаютъ подъ каждымъ тѣнистымъ деревомъ, въ каждомъ оврагѣ, горномъ ручьѣ или ущельѣ; духи наполняютъ и жилище человѣка и сопровождаютъ человѣка во всѣхъ его дѣлахъ и на каждомъ его шагу. Духи эти бываютъ добрыми и благорасположенными къ человѣку и злыми, старающимися ему повредить; сохранить благорасположеніе первыхъ и охранить себя отъ напастей, причиняемыхъ вторыми, возможно путемъ жертвоприношеній и молитвы, а также путемъ различныхъ заклинаній колдуновъ-шамановъ. Иногда эти добрые и злые духи отождествляются корейцами съ душами умершихъ людей: въ первомъ случаѣ—добродѣтельныхъ и скончавшихся спокойно, во второмъ—людей злыхъ или скончавшихся въ бѣдности и разныхъ лишеніяхъ, почему души ихъ не находятъ себѣ послѣ смерти покоя и стараются причинить возможно больше зла живущимъ людямъ.

Каждая гора, по понятіямъ корейцевъ, населена особымъ горнымъ духомъ, которому ставится маленькая молельня на перевалѣ и приносятся доброхотныя даянія окрестныхъ жителей въ видѣ чашки съ рисомъ или какихъ-нибудь плодовъ. Путники, перебирающіеся чрезъ такой перевалъ, не забываютъ захватить съ собою при подъемѣ въ гору какой-нибудь небольшой камень, лежащій у подножья, и сбрасываютъ его въ кучу на вершинѣ перевала во славу горнаго духа; съ вѣками такихъ камней накопляется цѣлая куча, свидѣтельствуя о стойкости вѣрованій въ этихъ духовъ. Точно также и море, и рѣки населены, по понятію корейцевъ, особыми духами, которымъ слѣдуетъ приносить жертвы для успокоенія душъ утопленниковъ,

иначе беспокоящихъ людей. Существуютъ также духи дорогъ, покровительствующіе путникамъ; въ видѣ жертвы имъ корейцы вѣшаютъ на вѣтви придорожныхъ кустовъ и деревьевъ лоскуточки матеріи или щепотки риса, бобовъ или другихъ сѣмянъ, завернутые въ бумажку. Особого духа-покровителя имѣетъ каждое корейское селеніе, обязанное приносить своему патрону жертвы для его умилоствленія.

Такимъ образомъ, для корейца вся вселенная представляется населенной невидимыми духами, постоянно такъ или иначе вмѣшивающимися въ его дѣла. По шаманистическимъ воззрѣніямъ, однако, если духи могутъ вліять на человѣка, то и человѣкъ, въ свою очередь, имѣетъ возможность вліять на духовъ—или умилоствляя ихъ молитвами и жертвоприношеніями, или же укрощая и изгоняя волхвованіями и заклинаніями. Для того, однако, чтобы справиться съ духами, необходимо обладать особыми сверхъ-естественными силами и познаніями, и это дается лишь немногимъ избранникамъ, посвящающимъ всю свою жизнь изученію волшебства,—шаманамъ. Въ Корей шаманами могутъ быть и мужчины, и женщины. Первые или «пань-су» обыкновенно слѣпцы, составляющіе даже особую касту, для которой колдовство служитъ часто единственнымъ и далеко небезвыгоднымъ средствомъ къ существованію. Пань-су изучаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у своихъ старшихъ братьевъ всѣ тайны колдовства, передающіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, научается заклинаніямъ и способамъ распознаванія демоновъ, вообще изучаетъ болѣе или менѣе добросовѣстно свое ремесло. Главная дѣятельность этихъ шамановъ состоитъ въ заклинаніи злыхъ духовъ при помощи различныхъ обрядовъ и гаданія о будущемъ. Кромѣ того, пань-су составляютъ гороскопы, выбираютъ наиболѣе счастливый день для свадьбы, предсказываютъ будущую жизнь жениха и невесты и отыскиваютъ при помощи компаса и различныхъ волшебныхъ формулъ подходящее мѣсто для могилы.

Такова же по существу и роль шаманки — «му-данъ», которая становится таковой по особому призванію свыше, когда вдругъ увѣрится, что ею овладѣлъ и глаголетъ ея устами демонъ. Шаманка носитъ полумужское платье и мужскую шляпу и пользуется обыкновенно извѣстнымъ уваженіемъ, такъ какъ отъ нея зависитъ очень многое. Она указываетъ, какъ умилоствлять духовъ жертвоприношеніями, сама участвуетъ въ послѣднихъ и завѣдуетъ устройствомъ празднествъ въ честь того или другого духа. Далѣе, во время болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи корейца, шаманка нерѣдко призывается для изгнанія злыхъ духовъ, вселившихся въ больного. Она изгоняетъ ихъ заклинаніями и дикою пляскою съ ножами, которые бросаетъ въ землю. Нерѣдко, такимъ образомъ, она отвращаетъ и различныя

другія несчастія, угрожающія семьѣ корейца. Кромѣ того, шаманка, подобно пань-су, занимается гаданіемъ, бросая на столъ рисовыя зерна или прислушиваясь къ звону колокольчиковъ, привязанныхъ къ палкѣ, и стараясь разслышать въ нихъ голосъ демона.

Всѣ подобныя суевѣрныя представленія и вѣрованія въ духовъ являются, несомнѣнно, остаткомъ глубокой старины и находятъ до настоящаго времени самую благодарную почву въ малокультурной и грубой массѣ корейскаго народа. Они переплетаются, съ одной стороны, съ многочисленными легендами, полными фантастическихъ приключеній героевъ-полубоговъ, драконовъ и различныхъ сверхъестественныхъ существъ, съ другой—съ представленіями и вѣрованіями, входящими въ составъ двухъ другихъ религій, господствующихъ въ Корей,—конфуціанства и буддизма.

По свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, первымъ проникъ въ Корею буддизмъ во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х., когда туда пришли два китайскихъ монаха, принеся съ собою священныя буддійскія книги. Позднѣе въ страну прибыло еще нѣсколько буддійскихъ миссіонеровъ изъ Китая, принесшихъ съ собою не только новое вѣроученіе, но и письменность, съ которою корейцы ранѣе не были знакомы. Такимъ образомъ, буддійскіе проповѣдники явились просвѣтителями страны и приобрѣли въ ней значительное вліяніе, такъ какъ новое вѣроученіе было встрѣчено очень сочувственно корейскими королями.

Въ скоромъ времени въ Корей стали возникать одинъ за другимъ буддійскіе монастыри, становившіеся разсадникомъ новой религіи и богато одарявшіеся корейскими королями. Буддійскіе монахи, какъ люди наиболѣе образованные, знакомые съ китайскими книгами и законами, пользовались необыкновеннымъ почетомъ и вліяніемъ на государственныя дѣла. Нерѣдко они находили себѣ доступъ при дворѣ и являлись ближайшими помощниками и совѣтниками короля въ дѣлѣ управленія страной; даже начальники областей и полководцы избирались нерѣдко изъ ихъ среды. Вслѣдствіе многократныхъ вражескихъ вторженій въ страну, при которыхъ монастырямъ случалось играть роль крѣпостей, въ нихъ образовалась каста монаховъ-воиновъ, временами оказывавшая немаловажныя услуги при защитѣ отечества.

Эта крупная роль монастырей въ дѣлахъ и судьбахъ государства явилась, однако, въ то же время и главною причиною паденія буддизма послѣ почти тысячелѣтняго господства въ странѣ. Вмѣшательство монаховъ въ государственныя дѣла возстановило противъ нихъ придворные круги и аристократію, сосредоточеніе военныхъ силъ въ монастыряхъ дѣлалось мало-по-малу опаснымъ и для центрального

правительства, наконецъ, по всей вѣроятности, и образованность монаховъ, не поддерживаемая извнѣ, исчезла. Всѣ эти причины подготовили быстрое паденіе буддизма, какъ только подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго общенія съ Китаемъ въ XIV вѣкѣ проникла въ Корею конфуціанская религія. Въ ней корейскіе короли увидѣли болѣе прочную поддержку того государственнаго строя, который казался имъ наиболѣе выгоднымъ для удержанія полной власти въ своихъ рукахъ.

Конфуціанство не представляетъ собою, въ сущности, стройной религіозной системы, а является скорѣе сводомъ моральныхъ правилъ и указаній, какъ слѣдуетъ поступать въ различныхъ случаяхъ повседневной жизни, связаннымъ съ высоко-развитымъ почитаніемъ душъ предковъ, національныхъ героевъ, королей и вообще людей, оказавшихъ какую-либо услугу государству. Нравственные правила, преподанныя послѣдователямъ Конфуція ихъ китайскимъ учителемъ, должны помогать человѣку въ приобрѣтеніи душевнаго спокойствія и должны приводить въ полное соотвѣтствіе и гармонію его внутренній міръ съ міромъ внѣшнимъ. Такого спокойствія и гармоніи можно достигъ лишь регулированіемъ своихъ отношеній ко всему окружающему, и такъ какъ человѣкъ является членомъ семьи, общества и государства, то и всѣ отношенія его можно свести къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, между монархомъ и подданными, между мужемъ и женою, между старшими братьями и младшими и между друзьями, стоящими на одинаковомъ уровнѣ. Достигнуть идеала во всѣхъ этихъ человѣческихъ отношеніяхъ возможно, по ученію Конфуція, лишь при обладаніи пятью слѣдующими нравственными качествами: добротою, прямою мысли, безупречною поведеніемъ, мудростью и, наконецъ, честностью, подъ понятіемъ которой подходятъ также любовь, справедливость, снисходительность и довѣріе. Какимъ образомъ слѣдовать этимъ добродѣтелямъ и какъ при помощи ихъ стремиться къ возможно болѣе идеальному отношенію ко всему окружающему—этому и учить конфуціанская религія, давая въ то же время цѣлый рядъ вполне точныхъ и разработанныхъ до мельчайшихъ деталей предписаній и правилъ, которыя указываютъ, какъ долженъ поступать человѣкъ въ любомъ случаѣ жизни, чтобы не уклониться отъ предначертаннаго идеала.

Особою добродѣтельною, являющеюся основою всѣхъ остальныхъ, считаетъ конфуціанство сыновнюю преданность и почтительность дѣтей по отношенію къ родителямъ. Оказывать величайшее уваженіе своимъ родителямъ, жертвовать для нихъ всѣмъ, быть имъ во всемъ послушнымъ—таковы главнѣйшія обязанности конфуціанца. Въ то же время, по ученію Конфуція, признается и безсмертіе души, и существованіе загробной жизни.

Отчасти подъ вліяніемъ конфуціанства, отчасти, быть-можетъ, вслѣдствіе примѣси къ нему шаманскихъ воззрѣній, у корейцевъ составилось такое представленіе,—что человѣку свойственны три души. Послѣ смерти одна его душа переселяется въ невѣдомый надзвѣздный міръ, гдѣ поступки, совершенные ею при жизни, судятъ десять судей; другая—переходитъ въ могилу, гдѣ поступаетъ на попеченіе горнаго духа; третья—переселяется въ особую, специально изготовляемую для этой цѣли деревянную табличку, на которой тушью начертывается китайскими іероглифами имя покойнаго. Эти таблички служатъ послѣ смерти предметомъ особаго почитанія родственниковъ и въ особенности дѣтей покойнаго, такъ какъ сыновняя преданность, само собою разумѣется, не должна прерываться и со смертью родителей.

Таблички предковъ помѣщаются въ особые часовни или храмы, гдѣ передъ ними въ опредѣленные дни совершаются торжественныя богослуженія, воскуряется фиміамъ и приносятся жертвы. Въ такихъ же конфуціанскихъ храмахъ сохраняются таблички покойныхъ королей Кореи, военачальниковъ и вообще людей, оказавшихъ различныя услуги государству. Эти таблички также служатъ предметомъ почитанія, и мѣстные чиновники-управители являются до нѣкоторой степени и священнослужителями, такъ какъ обязаны извѣстное число разъ въ мѣсяцъ приносить въ конфуціанскихъ храмахъ передъ табличками жертвы и воскурять ѳиміамъ.

Еще болѣе почитаются конфуціанцами храмы, въ которыхъ хранятся таблички основателя вѣроученія, самого Конфуція; такіе храмы имѣются почти въ каждомъ городѣ Кореи. Кромѣ того, послѣдователями конфуціанства почитаются и различныя силы природы, олицетворяемыя въ видѣ духовъ, такъ что конфуціанство оказывается тѣсно связаннымъ съ первобытнымъ шаманизмомъ. Конфуціанцами признаются духи покровители человѣка и хранители городовъ и селеній, духи неба, облаковъ, горъ, вѣтра, дождя и т. д., этимъ духамъ они поклоняются наравнѣ съ душами предковъ и великихъ людей и даже строятъ имъ храмы, особенно часто воздвигаемые въ честь Неба.

Въ настоящее время конфуціанство, сдѣлавшееся съ давнихъ уже поръ официальной религіей Кореи, окончательно одержало верхъ надъ буддизмомъ, и послѣднее вѣроученіе находится въ полномъ упадкѣ. Оно давно уже изгнано изъ большихъ городовъ и находитъ себѣ пріютъ исключительно въ монастыряхъ, разбросанныхъ по Корее въ наиболѣе трудно доступныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ горахъ средней Кореи. Такой монастырь ютится обыкновенно въ живописной лощинѣ, представляя собою цѣлый комплексъ зданій съ красиво изогнутыми китайскими крышами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ зданій помѣщаются храмы съ алтарями, украшенными буддійскими иконами и изваяніями

Будды, сдѣланными изъ дерева или глины и позолоченными; въ другихъ—живутъ монахи и находятся различныя хозяйственныя постройки, амбары и склады, въ которыхъ хранится монастырское добро. Въ прежнія времена монастыри располагали обширными угодьями и вели большое хозяйство, но затѣмъ эти имѣнія были у нихъ отняты или сокращены, и монастыри сильно обѣднѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезла изъ монастырей и образованность: монахи перестали заниматься изученіемъ религіи и перестали даже понимать ея основныя догматы. Теперь не рѣдкость встрѣтить монаха, не умѣющаго даже читать священныя книги и знакомаго лишь съ нѣсколькими буддійскими молитвами; все поклоненіе Буддѣ свелось ко внѣшней обрядности, къ жертвоприношеніямъ и воскуренію өиміама. Монахи къ тому же далеко не отличаются святостью жизни, и окрестное населеніе не проявляетъ къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи. Само собою разумѣется, что простой народъ еще менѣе способенъ понимать основанія буддійской религіи, чѣмъ священнослужители: въ его представленіи буддійскіе святыя путаются съ конфуціанскими и даже со стародавними шаманскими одухотвореніями природы. Лишь внѣшность религіи, жертвоприношенія въ храмахъ, участіе въ буддійскихъ праздникахъ и поклоненіе святынямъ, воскуреніе өиміама и произнесеніе молитвъ безъ внутренняго пониманія ихъ смысла усвоены массою корейскаго народа; сущность же буддизма, уже въ силу малой развитости населенія Кореи, едва ли могла быть воспринята имъ.

Повидимому, конфуціанская мораль, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ добродѣтелямъ, удобопримѣнимымъ и полезнымъ въ общественной и государственной жизни, была болѣе сродни духу корейской народности, чѣмъ туманный, полный мистической таинственности и идеалистичныхъ, трудно выполнимыхъ стремленій буддизмъ. По крайней мѣрѣ, основы этого вѣроученія проникли гораздо глубже въ народную массу, чѣмъ малодоступное для пониманія простого народа ученіе далекой Индіи. То же самое, впрочемъ, мы видимъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ—въ Китаѣ и Японіи, гдѣ также вѣроученіе Конфуція, болѣе практическое по своему характеру, вытѣснило болѣе идеалистическое и возвышенное ученіе Будды Саккіа-Муни; очевидно, склонные къ подчасъ грубому реализму и живущіе мелкими повседневными заботами и борьбою изъ-за горсти риса, нужной для дневнаго пропитанія, народы Дальняго Востока оказались скорѣе склонными къ воспріятію сухой прописной морали, не оживляемой идеалистическими стремленіями!

Одновременное существованіе трехъ религій и тѣсное ихъ сплетеніе свидѣтельствуютъ уже о большомъ индифферентизмѣ корейцевъ къ религіознымъ вопросамъ и зависятъ, какъ мы сказали, отъ общаго

низкаго уровня культуры. Этимъ объясняются и сравнительно слабые успѣхи, которые сдѣлало христіанство, существующее въ Корей съ конца XVIII столѣтія. Несмотря на усилія многочисленныхъ миссіонеровъ, въ особенности католиковъ, общее число христіанъ въ Корей различныхъ церквей и сектъ достигало въ 1897 г. лишь 29579. Отчасти крупнымъ тормозомъ въ распространеніи христіанства въ странѣ были тѣ свирѣпыя гоненія на христіанъ, сопровождавшіяся страшными казнями и пытками, о которыхъ мы уже упоминали выше въ историческомъ очеркѣ страны. Во время этихъ гоненій обнаружилось, между прочимъ, то обстоятельство, что и въ Корей возможно появленіе лицъ, глубоко увлеченныхъ и преданныхъ религіи всею душою. Многіе изъ новообращенныхъ христіанъ погибали настоящими мучениками и, несмотря на всѣ старанія преслѣдователей, не отрекались отъ своей вѣры. Это показываетъ, что и въ корейскомъ народѣ заложены все же нѣкоторые духовные зачатки, требующіе лишь извѣстныхъ условій для того, чтобы они могли проявиться и выказать всѣ высокія стороны народной души.

Низкій уровень культуры отражается, какъ это вполне естественно, прежде всего на образованности народа, которая въ Корей, можно сказать, находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Лучшимъ показателемъ образованности являются письменность и литература.

Подобно всѣмъ остальнымъ элементамъ культуры, письменность проникла въ Корею съ запада, изъ Китая, и, по даннымъ нѣкоторыхъ авторовъ, это случилось въ самомъ началѣ нашей христіанской эры, тогда какъ по другимъ источникамъ—лишь съ проникновеніемъ въ Корею буддизма, т.-е. въ концѣ IV столѣтія. Китайское іероглифическое письмо употребляется въ Корей такъ же, какъ и въ Китаѣ, для изображенія не звуковъ, а понятій, и потому для передачи одинаковыхъ понятій корейцами примѣняются тѣ же самые іероглифы, которыми изображаютъ эти понятія китайцы; читаются, однако, іероглифы корейцами совершенно иначе, чѣмъ китайцами, именно каждый іероглифъ произносится по-корейски.

По существу китайскія письмена являются, дѣйствительно, іероглифами, т.-е. начертанія ихъ до нѣкоторой степени приближаются къ изображеніямъ соотвѣтственныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ, однако, такое сходство очень отдаленно и изгладилось съ теченіемъ вѣковъ. Совершенно неправильно то представленіе, которое сложилось о китайской письменности, будто въ ней столько же знаковъ, сколько словъ въ языкѣ. Въ дѣйствительности, основныхъ знаковъ сравнительно немного, около 200, и они изображаютъ нѣкоторыя основныя понятія; всѣ остальные понятія получаютъ путемъ различныхъ комбинацій этихъ знаковъ и путемъ прибавленія къ нимъ раз-

ныхъ значковъ, придающихъ то или другое значеніе. Такимъ образомъ, китайскій іероглифъ нерѣдко представляетъ собою нѣчто въ родѣ ребуса, который приходится разгадывать, но все же по основнымъ его составнымъ частямъ можно бываетъ уяснить себѣ его значеніе. При всей несомнѣнной сложности такого способа изображенія мысли и при необходимости помнить огромное количество комбинацій, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что запомнить іероглифы гораздо легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждому слову соотвѣтствовалъ особый спеціально для него придуманный знакъ.

Корейцамъ принадлежитъ честь изобрѣтенія совершенно другого способа письменной передачи мысли, именно изобрѣтеніе настоящаго алфавита, чрезвычайно простаго по начертанію и въ то же время очень совершенно передающаго всѣ самыя трудныя слова корейскаго и китайскаго языковъ. Этотъ алфавитъ, такъ называемый «онь-мунъ», состоитъ изъ 11 гласныхъ и 14 согласныхъ и является первымъ фонетическимъ алфавитомъ на Дальнемъ Востока. Начало къ упрощенію китайскаго письма было положено корейцами еще въ VII вѣкѣ, когда были изобрѣтены особыя письмена, облегчающія чтеніе китайскихъ книгъ тѣмъ, что ими изображались различныя частицы, приставки и предлоги, не употребительныя въ китайскомъ языкѣ.

Въ XV вѣкѣ король Сье-Цзонъ изобрѣлъ алфавитъ онь-мунъ, который позволялъ уже вполне точную транскрипцію китайскихъ іероглифовъ и помогалъ читать и правильно произносить ихъ по-корейски каждому, съ затратою сравнительно небольшихъ усилій. Это прекрасное изобрѣтеніе, которое могло бы при иныхъ условіяхъ послужить къ значительному упрощенію письменной передачи мыслей и къ пышному развитію литературы, дѣлающейся благодаря ему легкодоступной гораздо большому кругу читателей, къ сожалѣнію, совершенно не привилось въ Корей. Китайское письмо, на которомъ были написаны священные конфуціанскія книги и всѣ историческія и другія сочиненія, заимствованныя изъ Китая, осталось господствующимъ. До настоящаго времени въ Корей считается даже до нѣкоторой степени предосудительнымъ пользоваться простымъ и легкимъ корейскимъ алфавитомъ и, напротивъ, признается хорошимъ тономъ и признакомъ глубокой учености изображать свои мысли трудно понятными китайскими письменами. Ученость и образованность измѣряются здѣсь, какъ и вообще на Востока, въ значительной степени количествомъ іероглифовъ, которое удалось осилить и запомнить изучающему. Лишь лица неученыя—женщины и школьники—въ самомъ началѣ ихъ учебныхъ занятій пользуются онь-мунемъ.

Другой серьезный факторъ образованности—возможность широко распространять произведенія человѣческаго ума и фантазіи путемъ

книгопечатанія—быль извѣстенъ въ Корей значительно ранѣе, чѣмъ въ Европѣ. Судя по даннымъ корейскихъ историковъ, можно думать, что книгопечатаніе, производившееся первоначально путемъ вырѣзанія текста всего сочиненія на отдѣльныхъ деревянныхъ доскахъ, которыя намазывались затѣмъ тушью и оттискивались на бумагѣ, стало извѣстно въ Корей не позже IX столѣтія.

Въ этой же странѣ книгопечатаніе сдѣлало впервые тотъ крупный шагъ впередъ, который позволилъ у насъ типографскому искусству сыграть необыкновенно крупную, ни съ чѣмъ несоизмѣримую роль въ исторіи культуры. Именно корейскій король Тэ-Цзонъ предвосхитилъ изобрѣтеніе Гутенберга, такъ какъ еще въ 1403 г. имъ былъ изданъ приказъ объ отливкѣ изъ мѣди 100 тысячъ подвижныхъ литеръ, изображающихъ всѣ китайскія письмена, которыя встрѣчаются въ главнѣйшихъ конфуціанскихъ книгахъ. Въ теченіе XV и первой половины XVI столѣтія въ Корей былъ напечатанъ цѣлый рядъ книгъ при помощи такихъ мѣдныхъ литеръ, по существу сходныхъ съ литерами, которыми печатались книги вскорѣ послѣ Гутенберга; свѣдѣнія о печатаніи книгъ имѣются и съ XVIII столѣтія. Въ настоящее время, однако, книгопечатаніе въ Корей находится въ состояніи полного упадка и, главнымъ образомъ, поддерживается лишь печатаніемъ учебниковъ и книгъ, распространяемыхъ миссіонерами.

Корейская литература имѣла первоначально исключительно религіозный характеръ, и такъ какъ прежде всего появилось буддійское вѣроученіе, то и первыми корейскими книгами были буддійскія священныя книги, проникшія сюда изъ Китая. Точно также съ распространеніемъ конфуціанства проникли и были переизданы въ Корей произведенія Конфуція и другихъ китайскихъ мудрецовъ. Конфуціанская литература развилась въ XV и XVI вѣкѣ благодаря книгопечатанію довольно сбширно, и, помимо переводныхъ сочиненій, появились многія оригинальныя, разрабатывающія различныя стороны конфуціанскаго вѣроученія. Наравнѣ съ ними появились около этого же времени и историческія произведенія, излагающія исторію Кореи съ древнѣйшихъ временъ, и даже поэтическія произведенія. Оригинальныхъ произведеній по другимъ областямъ человѣческаго знанія почти не появлялось въ Корей; по медицинѣ, астрономіи, военному искусству и т. п. корейская литература содержитъ лишь переводы съ китайскихъ сочиненій.

Изящная словесность выражается въ Корей, главнымъ образомъ, въ развитіи народныхъ пѣсенъ, легендъ, сказокъ и басенъ, сохраняющихся путемъ устной передачи; лишь небольшое количество произведеній этого рода было напечатано.

Главный расцвѣтъ литературной дѣятельности въ Корей отно-

сится къ XV—XVIII вѣку—времени наибольшаго расцвѣта конфуціанства и въ то же время періоду наиболѣе тѣснаго сближенія съ Китаемъ. Позднѣе литературная дѣятельность сократилась и въ настоящее время проявляется въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ.

Разсадниками образованности въ Корей являются школы, имѣющіяся въ каждомъ городѣ и во многихъ болѣе крупныхъ селеніяхъ. Все обученіе въ этихъ школахъ, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, сводится къ изученію грамоты, основъ конфуціанства и самыхъ элементарныхъ основъ математики. Дальнѣйшее образованіе кореецъ можетъ получить лишь въ сеульскихъ школахъ, которыхъ до недавняго времени было нѣсколько: имѣлась астрономическая школа для подготовки астрологовъ и колдуновъ, медицинская школа, въ которой изучали китайскіе способы врачеванія, школа рисованія, школа правовѣдѣнія, школа счетоводства и, наконецъ, даже школа часовщиковъ, гдѣ обучались надсмотрщики, завѣдывавшіе единственными въ тѣ времена въ Корей водяными часами, находившимися въ Сеулѣ.

Въ настоящее время въ Сеулѣ открыто нѣсколько начальныхъ школъ новаго типа, гдѣ ученики обучаются чтенію и письму, ариѳметикѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ по географіи и исторіи. Кромѣ того, имѣются англійская, французская, русская и японская школы переводчиковъ, подготовляющія драгомановъ и переводчиковъ соотвѣтственныхъ языковъ. Въ русской школѣ, существующей съ 1896 г., преподавателемъ состоитъ русскій бывший офицеръ Г. Бирюковъ, и обучалось за послѣдніе годы болѣе 80 учениковъ.

Имѣется также въ Сеулѣ военная школа, устроенная японцами для подготовки офицеровъ корейской арміи, и японская же медицинская школа, подготовляющая военныхъ фельдшеровъ. Обѣ эти школы, однако, существуютъ всего лишь нѣсколько лѣтъ, и результаты ихъ дѣятельности пока еще ничѣмъ не проявились.

Такимъ образомъ, общій низкій культурный уровень Кореи сказывается и въ дѣлѣ народнаго образованія—оно пока находится лишь въ зачаткѣ.

Образованность въ Корей выражается возможностью читать конфуціанскія книги и нѣкоторыми познаніями въ ариѳметикѣ, въ исторіи и въ географіи страны. О самостоятельномъ развитіи науки въ Корей до сихъ поръ не могло быть и рѣчи: страной усвоивалась лишь китайская образованность, и то въ мало совершенномъ видѣ.

Государственное устройство въ Корей.

До японо-китайской войны Корея считалась вассаломъ Китая и управлялась королемъ, который хотя и не назначался китайскимъ богдыханомъ, но все же состоялъ отъ него въ нѣкоторой зависимости. Ежегодно корейскій король долженъ былъ отправлять въ Пекинъ посольство съ дарами, состоящими изъ различныхъ произведеній страны, и взаменъ ежегодно присылался китайскій посоль, который привозилъ въ Сеуль китайскій календарь на этотъ годъ. Каждый новый корейскій король утверждался въ своемъ санѣ китайскимъ императоромъ, а по смерти короля императоръ жаловалъ ему посмертный титулъ, подъ которымъ корейскіе короли обыкновенно и извѣстны въ исторіи. Во внутреннія дѣла Кореи китайское правительство совершенно не вмѣшивалось, и корейскій король являлся неограниченнымъ монархомъ, имѣвшимъ полное право распоряжаться жизнью и смертью своихъ подданныхъ и судьбами своей страны. Такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ Китая была совершенно номинальною.

Начиная съ занятія Кореи японцами въ 1894 г., наступилъ періодъ крупныхъ реформъ, сильно измѣнившихъ весь государственный строй страны. Въ 1897 г., послѣ окончательнаго признанія Кореи независимой, нынѣшній правитель ея, имѣвшій ранѣе титулъ короля, принялъ титулъ «ханъ-чже», т.-е. императора, и въ торжественной деклараціи отказался отъ всякой связи съ Китаемъ и подтвердилъ свою неограниченную власть надъ страной и ея населеніемъ.

Во главѣ всѣхъ административныхъ учрежденій въ Корей былъ поставленъ государственный совѣтъ, состоящій изъ канцлера, всѣхъ министровъ, пяти государственныхъ совѣтниковъ и секретаря. Совѣтъ этотъ вѣдаетъ какъ изданіе новыхъ законовъ, такъ и рѣшаетъ наиболѣе важныя государственныя дѣла, относящіяся къ области внутренней и внѣшней политики.

Второй инстанціей были установлены въ Корей послѣ реформы 8 министерствъ, именно: министерство двора, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военное, народнаго просвѣщенія, юстиціи и министерство земледѣлія, торговли и промышленности. Сфера дѣятельности этихъ министерствъ приблизительно такая же, какъ и у насъ въ соответственныхъ учрежденіяхъ. Каждое изъ нихъ дѣлится на рядъ департаментовъ и отдѣленій, завѣдующихъ тѣмъ или другимъ дѣломъ, и имѣетъ во главѣ отвѣтственнаго министра, назначаемаго императоромъ. Бумажное дѣлопроизводство этихъ министерствъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ и кормитъ обширный штатъ чиновниковъ, не устраняя, однако, крупныхъ неурядицъ во внутреннихъ дѣлахъ Кореи.

Внутреннее управленіе страною обставлено также сложною бюрократическою системою. Вся страна раздѣлена въ административномъ отношеніи на 13 провинцій, называемыхъ по-корейски «до», а эти провинціи подраздѣляются на округа и уѣзды. Во главѣ каждой провинціи стоитъ губернаторъ, во главѣ округа (округовъ всего 10)—окружной начальникъ и во главѣ уѣзда—уѣздный начальникъ; окружные и уѣздные начальники подчинены губернатору. При каждомъ изъ этихъ чиновниковъ-администраторовъ находится значительный штатъ низшихъ служащихъ—писарей, полицейскихъ, курьеровъ и т. п. Какъ окружной, такъ и уѣздный начальникъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ цѣлый рядъ должностей: онъ является не только управителемъ своего района, но и главнымъ военнымъ начальникомъ, наблюдаетъ за правильнымъ взносомъ податей и налоговъ, завѣдуетъ составленіемъ податныхъ списковъ, наблюдаетъ за школами и нерѣдко даже самъ производитъ экзамены, наконецъ, представляетъ собою до нѣкоторой степени и главное духовное лицо, такъ какъ въ извѣстные дни долженъ приносить жертвы и произносить установленныя молитвы въ конфуціанскомъ храмѣ своего города. Судебныя дѣла также находятся въ вѣдѣніи того же самага чиновника, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя наказываются каторжною работою или еще болѣе тяжелыми наказаніями.

Тѣ же самыя должности по своей провинціи несутъ и губернаторы, но они обязаны наблюдать за уѣздными и окружными начальниками и обладаютъ болѣе широкими полномочіями и болѣе широкою судебною властью. Сами губернаторы находятся въ подчиненіи министра внутреннихъ дѣлъ и сносятся непосредственно съ Сеуломъ.

Округа и уѣзды дѣлятся въ Корей на волости, а послѣднія подраздѣляются на деревни, причемъ въ деревняхъ существуетъ мѣстное самоуправленіе, представляющее нѣкоторое сходство съ нашимъ устройствомъ. Въ каждой деревнѣ имѣются выборные староста, голова, писарь и посыльный. Всѣ эти должностныя лица избираются домохозяевами на одинъ годъ, причемъ староста несетъ приблизительно тѣ же обязанности, какъ и у насъ.

Для обсужденія и рѣшенія различныхъ деревенскихъ вопросовъ созываются мѣстныя собранія—деревенское, волостное или уѣздное. На этихъ собраніяхъ рѣшаются дѣла, касающіяся регистраціи хозяйствъ и земель, проведенія дорогъ, постройки мостовъ, устройства ирригаціи полей, распредѣленія обязательныхъ работъ и т. п. Въ деревенскомъ сходѣ принимаютъ участіе по 2 выборныхъ отъ каждой семьи и предсѣдательствуетъ староста. Въ волостномъ собраніи предсѣдательствуетъ волостной старшина и участвуютъ выборные отъ

каждой деревни и волости; въ уѣздныхъ собраніяхъ является предсѣдателемъ уѣздный начальникъ и участвуютъ волостные старшины и по два выборныхъ отъ каждой волости. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи вопросовъ, наиболѣе близкихъ къ самому населенію, оно принимаетъ непосредственное участіе, но окончательная санкція дается все же соотвѣтственнымъ чиновникомъ-администраторомъ той или другой инстанціи.

Судопроизводство въ Корей очень несовершенно. За исключеніемъ верховнаго суда, находящагося въ Сеулѣ и рѣшающаго самыя важныя дѣла, все судопроизводство находится въ рукахъ губернаторовъ и окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, сами и рѣшаютъ дѣла и приводятъ свои постановленія въ исполненіе. Печатнаго свода законовъ, которыми судьи могли бы руководствоваться при отправленіи своихъ обязанностей, въ Корей не имѣется, и судебный приговоръ постановляется, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла и по выслушаніи свидѣтелей и обвиняемаго, согласно съ обычаями страны. Въ случаѣ какихъ-нибудь неправильностей при судопроизводствѣ, обвиняемый можетъ апеллировать въ судъ высшей инстанціи—изъ уѣзднаго города въ областной или, наконецъ, въ верховный сеульскій судъ, но случается это рѣдко.

Благодаря тому, что судебныя должности не отдѣлены въ Корей отъ административныхъ и судьями являются чиновники, не подготовленные и не знающіе законовъ, а главное алчные къ деньгамъ и недобросовѣстные,—подкупность и продажность въ корейскихъ судахъ дѣло самое обыкновенное. При финансовыхъ неурядицахъ страны чиновники болѣею частью получаютъ свое жалованье очень нерегулярно, а иногда и вовсе не получаютъ его по годамъ и волей-неволей принуждены кормиться за счетъ мѣстнаго населенія. При этомъ удержаніе въ свою пользу части государственныхъ доходовъ и взяточничество при веденіи судебныхъ процессовъ являются для нихъ самыми доходными статьями и нерѣдко используются въ самой широкой степени, несмотря на то, что по корейскому закону взяточникъ прирѣшается къ смертной казни или къ ссылкѣ. При широкой власти, которой пользуются мѣстные управители, жалобы на ихъ дѣянія рѣдко достигаютъ Сеула, и центральное правительство узнаетъ объ ихъ образѣ дѣйствій развѣ лишь тогда, когда мѣстное населеніе, выведенное изъ терпѣнія незаконными поборами, открыто начнетъ проявлять свое неудовольствіе, и въ провинціи вспыхнетъ бунтъ.

Наказанія, къ которымъ приговариваютъ въ Корей за различные проступки, въ прежнія времена были очень жестоки, причемъ помимо казни примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ также и пытки для того, чтобы добиться признанія обвиняемаго. Пытаемому вывихивали и ло-

мали кости, перепиливали веревкою мышцы ногъ, вырывали кусками мясо, привязывали зажженные фитили къ ногамъ, подвѣшивали его за руки надъ огнемъ и т. п., приговореннаго же къ смерти казнили не только отрубаніемъ головы и повѣшеніемъ, но и сжиганіемъ заживо, ударами палокъ или даже закапываніемъ живымъ въ землю. Особенно сильно наказывались и наказываются и по настоящее время проступки дѣтей противъ родителей и рабовъ противъ ихъ господъ; сынъ, ударившій своего отца, или рабъ, сжегшій поминальныя таблички предковъ своего господина, наказывались смертью, если же сынъ убилъ своихъ родителей, то онъ сжигался живымъ.

Въ настоящее время, послѣ реформы, наказанія значительно смягчились, пытки были отмѣнены совершенно, и за тяжкія преступленія наказываютъ теперь смертною казнью, пожизненною ссылкой, или каторжными работами въ государственныхъ рудникахъ; за болѣе легкія преступленія полагаются тюрьма или тѣлесныя наказанія кнутомъ или бамбуковыми палками; обычнымъ орудіемъ наказанія является также употребляемая и въ Китаѣ «канга»—большая и тяжелая четырехугольная доска, состоящая изъ двухъ половинъ съ отверстіемъ посрединѣ, въ которое входитъ шея преступника. Обѣ половины приставляются къ шеѣ и замыкаются съ боковъ на ключъ, такъ что разнять ихъ невозможно. Съ кангой на шеѣ совсѣмъ нельзя лежать, и приходится испытывать страшныя мученія, такъ какъ тяжесть доски все время давить на плечи. Кромѣ того, преступникъ совершенно безпомощенъ и, безъ содѣйствія постороннихъ, можетъ умереть съ голода и жажды, такъ какъ ему не достать до рта руками.

Вся администрація Кореи состоитъ исключительно изъ гражданскихъ чиновъ, такъ какъ корейцы восприняли отъ своихъ учителей-китайцевъ отношеніе къ военнымъ силамъ, какъ лишь къ неизбѣжному злу. По представленію корейцевъ, гражданская служба является гораздо болѣе почетною, чѣмъ военная, и потому управлять страной должны гражданскіе чиновники, а военные должны быть лишь ихъ подчиненными помощниками. Корейское войско составлялось съ давнихъ поръ преимущественно изъ людей низшаго сословія—простолюдиновъ и рабовъ (рабство процвѣтало въ Корей до реформы, хотя по численности рабы и не составляли значительнаго элемента народонаселенія), и офицера комплектовались изъ самыхъ захудалыхъ и разорившихся дворянскихъ семей («янъ-баней»). Войско и военные не пользовались особеннымъ почетомъ и не имѣли никакихъ особыхъ привилегій, и, хотя по закону всѣ корейскіе подданные до 60 лѣтъ могли призываться къ отбыванію воинской повинности, для чего они заносились даже въ особые списки, однако, огромное большинство уклонялось отъ воинской службы и откупалось отъ нея особымъ на-

логомъ, такъ что многочисленное войско, существовавшее въ Корей на бумагѣ, сводилось въ дѣйствительности къ очень ограниченнымъ по численности и плохо организованнымъ военнымъ силамъ. Вооруженіе войскъ до реформы было совершенно первобытное: солдаты были вооружены копьями, мечами и луками съ отравленными стрѣлами. Огнестрѣльнымъ оружіемъ, фитильнымъ или кремневымъ были снабжены далеко не всѣ. Крѣпости защищались самыми первобытными пушками, желѣзными или мѣдными; укрѣпленныхъ пунктовъ было немного, и содержались они въ очень плохомъ состояніи.

Реформы, начавшіяся послѣ японо-китайской войны, коснулись и военнаго устройства. Для преобразованія арміи были приглашены инструкторы, сперва американскіе офицера, потомъ русскіе и, наконецъ, японцы. Армія была раздѣлена на нѣсколько полковъ, организованныхъ по европейскому образцу; было учреждено 12 военныхъ чиновъ, солдатамъ и офицерамъ было назначено жалованье; наконецъ, была измѣнена и обмундировка солдатъ по японскому образцу, и были приобрѣтены ружья различныхъ системъ. Тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени корейская армія, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ у государства, не превышаетъ 5000 человекъ и далеко не можетъ похвастаться дисциплинированностью и благоустройствомъ. Что же касается флота, то въ настоящее время его нѣтъ совершенно, хотя въ XVII столѣтіи, какъ мы говорили уже въ историческомъ очеркѣ, Корея не только располагала относительно большимъ боевымъ флотомъ, но и одерживала даже при его помощи блистательныя побѣды надъ Японіей.

Неорганизованность арміи и флота зависитъ, съ одной стороны, отъ современныхъ финансовыхъ неустройствъ и низкаго уровня культуры Кореи, съ другой—также и отъ историческихъ причинъ. Разоренная многочисленными прежними нашествіями враговъ, Корея въ теченіе 2—3 послѣднихъ столѣтій не вела никакихъ войнъ и жила совершенно изолированной жизнью. Это обстоятельство вызвало упадокъ военнаго искусства и полный застой въ немъ, что, въ свою очередь, привело корейское государство къ его современной беззащитности и безсилію.

Корея и сосѣднія государства.

Царствованіе нынѣшняго правителя Кореи было богато внутренними и внѣшними событіями, а судьба его самого обильнѣе различными трагическими перипетіями, чѣмъ жизнь любого изъ современныхъ монарховъ. Смутное время въ Корей началось со смертію въ 1863 г. короля Чіоль-Цзона, который не оставилъ послѣ себя

прямыхъ наслѣдниковъ и не назначилъ себѣ преемника, вслѣдствіе чего при дворѣ начались интриги и борьба изъ-за престола между различными родственниками короля. Послѣ продолжительныхъ неурядицъ одержала верхъ королева Цзо, усыновившая принца Икъ-Сіона, сына одного изъ дальнихъ родственниковъ покойнаго короля И-Хаына. Принцу Икъ-Сіону—нынѣ царствующему императору Кореи—было въ то время всего лишь 12 лѣтъ, и потому въ дѣйствительности первые годы правила страню номинально королева Цзо, а фактически И-Хаынъ, извѣстный болѣе въ исторіи подъ титуломъ Тэ-Уонь-Гуня, предоставляемомъ въ Кореѣ отцу короля. Тэ-Уонь-Гунь, человекъ чрезвычайно ловкій и способный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, властолюбивый и неразборчивый въ средствахъ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, которыя пришлось пережить странѣ за послѣдніа десятилѣтія.

Первыя десятилѣтія царствованія Икъ-Сіона прошли, однако, сравнительно спокойно, хотя и тогда уже происходили нѣкоторыя внутреннія неурядицы, такъ какъ Тэ-Уонь-Гунь велъ энергичную борьбу съ представителями могущественной корейской аристократіи—янъ-банями. Затѣмъ ненависть Тэ-Уонь-Гуня къ иностранцамъ и опасенія, что проникшее въ Корею христіанство поведетъ къ сближенію съ «западными варварами», какъ называли европейцевъ китайцы и корейцы, побудили Тэ-Уонь-Гуня начать жестокія гоненія на христіанъ, а это повлекло за собою первыя крупныя столкновенія съ европейцами—экспедицію французскаго адмирала Розъ и американскую экспедицію адмирала Роджерса, о которыхъ мы говорили выше. Позднѣйшее столкновение съ японцами едва не вовлекло Корею въ войну съ Японіей и закончилось открытіемъ корейскихъ портовъ сперва для японской, а затѣмъ и для европейской торговли.

Нарушеніе полной изолированности и сближеніе Кореи съ Японіей и съ европейцами обусловило возникновение въ странѣ партіи, стремившейся къ реформамъ и нововведеніямъ, желавшей преобразовать Корею по образцу только-что преобразовавшейся Японіи. Противовѣсомъ этой партіи была консервативная партія съ Тэ-Уонь-Гунемъ во главѣ; послѣдній всталъ въ то же время во враждебныя отношенія къ своему сыну-королю, который, достигнувъ совершеннолѣтія, устранилъ его отъ управленія государственными дѣлами. Главное вліяніе на короля и на управленіе страню получила энергичная и властолюбивая супруга короля, королева Минь.

Мало-по-малу борьба партій въ Кореѣ обострялась и проявилась въ цѣломъ рядѣ дворцовыхъ революцій и мятежей. Такъ, въ 1882 г., консервативная партія воспользовалась засухой, грозившей странѣ голодомъ, и возбудила народное возстаніе въ Сеулѣ, сдѣ-

лавъ попытку схватить короля, когда онъ совершалъ торжественное моленіе о ниспосланіи дождя. Въ то же время сторонники Тэ-Уонь-Гуня распространили слухъ, что японцы, которыхъ тогда было уже не мало въ столицѣ Кореи, напали на дворецъ и взяли въ плѣнъ короля и королеву. Это вызвало разгромъ японскаго квартала, при которомъ погибло нѣкоторое количество японцевъ, тогда какъ остальные успѣли спастись, пробившись съ оружіемъ въ рукахъ къ морю.

Какъ бы то ни было, Тэ-Уонь-Гуню удалось захватить на нѣкоторое время власть въ свои руки и воспользоваться ею въ смыслѣ наказанія своихъ враговъ: многіе изъ приверженцевъ королевы и членовъ семьи Минъ были казнены, и сама королева и наслѣдникъ престола спаслись лишь бѣгствомъ и принуждены были долгое время скрываться вдали отъ Сеула. Разгромъ японцевъ, однако, опять едва не вызвалъ войны съ Японіей и, во всякомъ случаѣ, стоилъ Корей дорого, такъ какъ правительству пришлось уплатить всѣ убытки и, кромѣ того, разрѣшить японцамъ содержать въ Сеулѣ войско.

Между тѣмъ Китай давно уже опасался, какъ бы его до того времени вѣрный вассалъ не сдѣлался жертвою завоевательныхъ стремленій Японіи, и съ тревогою слѣдилъ за усиленіемъ въ Корей японскаго вліянія. Внутреннія неурядицы позволили Китаю вмѣшаться, и, благодаря присылкѣ въ Корею китайскаго войска и насильственному увозу Тэ-Уонь-Гуня, котораго китайцамъ удалось хитростью заманить на китайское военное судно, на нѣкоторое время въ Корей снова былъ водворенъ порядокъ, и преобладающее вліяніе на короля опять получили королева Минъ и члены ея семьи, сдѣлавшіеся преданными сторонниками китайскаго вліянія въ странѣ. Партія реформъ, съ другой стороны, стремилась къ усиленію вліянія Японіи на внутреннія дѣла Кореи, и, такимъ образомъ, борьба между этими двумя партіями стала сводиться все болѣе и болѣе явственно къ борьбѣ между приверженцами Китая и сторонниками Японіи.

Черезъ два года, въ 1884 г., борьба между этими партіями снова обострилась и привела къ кровавой катастрофѣ. Воспользовавшись беспорядками, возникшими въ городѣ, сторонники японской партіи, при содѣйствіи японскаго войска, вошли во дворецъ и захватили короля подъ предлогомъ, что хотятъ защитить его отъ мятежниковъ; затѣмъ, завладѣвъ государственною печатью, послали приказы наиболѣе выдающимся представителямъ противной партіи немедленно явиться во дворецъ, и, по мѣрѣ того какъ тѣ приходили, тутъ же умерщвляли ихъ. Торжество ихъ продолжалось, однако, не долго. Находившійся тогда въ Сеулѣ начальникъ китайскихъ войскъ генералъ Ю-Ань, узнавъ о происшедшемъ, ворвался со своими и съ корейскими войсками во дворецъ, гдѣ завязалась жаркая схватка между ними

и японцами. Значительный численный перевѣсъ оказался на сторонѣ китайцевъ, и японцамъ, вмѣстѣ съ корейскими приверженцами реформъ, едва удалось спастись въ японское посольство. Эти событія вызвали снова мятежъ и рѣзню въ городѣ, причемъ погибло много японцевъ. Было сожжено японское посольство, и японскій отрядъ былъ принужденъ выступить въ Чемульпо подъ прикрытіе своихъ военныхъ судовъ. Власть снова возвратилась въ руки короля и сторонниковъ консервативной партіи, тогда какъ приверженцы противной партіи частью бѣжали, частью были казнены.

Это вторичное нападеніе на японцевъ вызвало со стороны японскаго правительства снаряженіе посольства въ Китай, на которое была возложена задача придти къ соглашенію съ китайскимъ правительствомъ относительно будущей политики въ Корей. Посольству этому, дѣйствительно, удалось заключить въ 1885 г. въ Тянь-Цзинѣ договоръ, по которому оба государства условливались не посылать въ Корею своихъ войскъ и военныхъ инструкторовъ и извѣщать другъ друга въ томъ случаѣ, если посылка войскъ явится неизбежною, вслѣдствіе возникновенія въ Корей безпорядковъ. Этотъ договоръ, явившійся первымъ дипломатическимъ успѣхомъ Японіи по отношенію къ Корей, далъ возможность японцамъ безпрепятственно усиливать постепенно свое экономическое вліяніе на Корейскомъ полуостровѣ безъ опасенія встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны китайцевъ. Японія отнюдь не отказалась отъ своей завѣтной мечты—уничтожить всякое вліяніе Китая на Корею, и если не захватить окончательно послѣднюю, то, по крайней мѣрѣ, получить преобладающее вліяніе на ея дѣла. Эта задача была лишь отсрочена, и прежде всего Японія поставила цѣлью захватить въ свои руки внѣшнюю торговлю и всѣ внѣшнія сношенія Кореи; какъ мы говорили уже выше, это и удалось блестяще выполнить японцамъ въ теченіе 9-ти лѣтъ относительнаго спокойствія вслѣдъ за Тянь-Цзиньскимъ договоромъ. Такой экономическій захватъ страны долженъ былъ подготовить почву для ея болѣе полного порабоженія.

Что касается внутреннихъ дѣлъ Кореи, то они претерпѣли за это время мало измѣненій. Внутренняя глухая борьба партій продолжалась, хотя и съ менѣе рѣзкими проявленіями, тѣмъ болѣе, что виновникъ многихъ золъ, обрушившихся на Корею, Тэ-Уонь-Гунъ, былъ возвращенъ китайцами въ Сеуль и снова сталъ во главѣ партіи приверженцевъ Японіи. Отношенія Кореи къ Китаю оставались прежними, номинально вассальными, и попрежнему ежегодно отправлялось въ Пекинъ посольство съ незначительною данью, и въ отвѣтъ прибывало въ Сеуль китайское посольство, которое король долженъ былъ встрѣчать передъ воротами города.

Непорядки внутренняго управленія страною, хищничество чиновниковъ, выжимавшихъ соки изъ населенія за этотъ мирный періодъ, не были устранены и вызвали, въ концѣ концовъ, на юго-западѣ Кореи мятежъ, получившій названіе возстанія «тонъ-хаковъ». Подъ этимъ именемъ извѣстна въ Корей особая секта, носившая первоначально исключительно религіозный характеръ и соединявшая въ себѣ элементы, заимствованные отъ конфуціанства, буддизма и христіанства; позднѣе она получила политическую окраску, именно объединила подъ своимъ знаменемъ всѣхъ, недовольныхъ правительствомъ и протестующихъ противъ современнаго положенія вещей. Возстаніе тонъ-хаковъ въ 1894 г. приняло угрожающіе размѣры, и корейское войско, высланное противъ мятежниковъ, было разбито, такъ что правительству пришлось обратиться за помощью къ Китаю, который немедленно выслалъ двухтысячный отрядъ, оттѣснившій тонъ-хаковъ на югъ.

Этими событіями не могла не воспользоваться Японія, признавая моментъ подходящимъ для того, чтобы попытаться осуществить свои замыслы по отношенію къ Корей. Тотчасъ же былъ посланъ значительный японскій отрядъ, который занялъ позиціи, господствующія надъ дорогами въ Сеулъ и Чемульпо, и были отправлены войска также на югъ Кореи. Въ отвѣтъ на протестъ китайскаго правительства Японія поставила въ видѣ ультиматума рядъ такихъ условій, на которыя ни Китай, ни Корея не нашли возможнымъ согласиться, такъ что война сдѣлалась неизбежною.

Однако, еще до фактическаго начала войны съ Китаемъ японцы обезпечили себѣ полную свободу дѣйствій въ Корей, ворвавшись въ королевскій дворецъ и захвативъ въ свои руки короля и всю его семью. Немедленно было образовано новое правительство съ Тэ-Уонъ-Гунемъ и приверженцами Японіи во главѣ, и, такимъ образомъ, несмотря на полное несочувствіе народа, Японія получила возможность распоряжаться въ странѣ по своему усмотрѣнію. Подъ давленіемъ Японіи, Корея подписала съ нею договоръ, по которому японцамъ поручалось изгнать изъ страны китайскія войска. Кромѣ того, былъ уничтоженъ торговый договоръ съ Китаемъ, и китайскимъ подданнымъ дозволено было жить въ Корей лишь въ портовыхъ городахъ.

20 іюля 1894 г. послѣдовало формальное объявленіе войны Китаю, и въ первыхъ же стычкахъ китайскія войска, еще въ предѣлахъ Кореи, были разбиты японцами на-голову и бѣжали. Столь же счастлива для японцевъ была и остальная часть кампаніи, кончившаяся уничтоженіемъ китайскаго флота, полнымъ разгромомъ китайскихъ войскъ въ Маньчжуріи и легко доставшимся взятіемъ Портъ-Артура.

По заключенному 5 апрѣля 1895 г. въ Симоносеки мирному договору съ Китаемъ Японія должна была получить въ вѣчное владѣніе весь Ляодунскій полуостровъ съ прилежащими къ нему островами и прибрежную полосу Маньчжуріи отъ устья рѣки Ялу до рѣки Ляо-хэ. Такимъ образомъ, Корея оказалась бы охваченной съ двухъ сторонъ Японіей и естественнымъ порядкомъ вещей должна была бы рано или поздно окончательно подпасть ея вліянію. Такая перспектива показала, однако, опасной для сохраненія равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ европейскимъ державамъ, и, въ силу этого, Россія, Франція и Германія ультиматумомъ, поставленнымъ Японіи, потребовали полного отказа ея отъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ, взамѣнъ котораго Японія получила Формозу и добавочное денежное вознагражденіе. Осенью того же года Ляодунскій полуостровъ былъ оставленъ японцами, а весной 1898 г. онъ былъ занятъ русскими войсками, такъ какъ Россія получила его отъ китайскаго правительства въ арендное пользованіе на 25-лѣтній срокъ.

Опасность полного поглощенія Японіей, угрожавшая Корей, миновала, но происшедшія событія, тѣмъ не менѣе, очень сильно отразились на внутренней государственной жизни страны и на упроченіи въ ней японскаго вліянія. Подъ давленіемъ Японіи въ Корей былъ проведенъ цѣлый рядъ важныхъ внутреннихъ реформъ, для чего былъ учрежденъ особый законодательный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра. Изъ мѣропріятій этого совѣта особенно важными являются, полное уравненіе янъ-баней съ простымъ народомъ предъ лицомъ закона, упраздненіе рабства, уничтоженіе экзаменовъ для полученія чиновъ и многочисленныя преобразованія, долженствовавшія улучшить отношенія чиновниковъ къ народонаселенію. Большинство этихъ мѣропріятій, впрочемъ, не было проведено въ жизнь, тѣмъ болѣе, что встрѣчало постоянно полное противодѣйствіе со стороны всего корейскаго населенія, настроеннаго вообще консервативно и съ ненавистью взиравшаго на упроченіе въ странѣ японцевъ.

По Симоносекскому договору Корея была объявлена независимымъ государствомъ, и король далъ торжественную клятву въ храмѣ своихъ предковъ сохранять полную независимость страны и заботиться о введеніи реформъ для улучшенія ея внутренняго быта. Борьба партій въ странѣ, однако, не прекращалась. Тэ-Уонъ-Гунъ во главѣ партіи, желавшей реформъ, держалъ сторону японцевъ и интриговалъ противъ королевы Минъ, которая стояла во главѣ консервативной партіи, боровшейся противъ японскаго вліянія. Постоянно смѣнявшіеся министры и другіе высшіе сановники также вели нескончаемыя интриги одинъ противъ другого, между тѣмъ какъ финансы

страны и ея внутреннія дѣла приходили все въ бѣльшій и бѣльшій упадокъ. Наравнѣ съ крупными реформами, знаменовавшими, дѣйствительно, нѣкоторый прогрессъ въ управленіи страной, японцы настаивали также и на проведеніи многихъ мелкихъ нововведеній, нарушавшихъ вѣковыя обычаи и привычки корейскаго народа; такъ, былъ изданъ указъ о замѣнѣ платья съ широкими рукавами болѣе удобнымъ для работы костюмомъ, было запрещено носить корейскую прическу и т. д.,—все это, разумѣется, еще болѣе раздражало простой народъ и возстановляло его противъ корейскихъ реформаторовъ и ихъ вдохновителей-японцевъ.

Въ борьбѣ придворныхъ партій одерживала верхъ то одна партія, то другая, и японцы не могли не замѣтить, что главою и душою консервативной партіи являлась королева, имѣвшая сильное вліяніе на своего супруга. Вновь назначенный японскій посланникъ, генераль Міура, познакомившись съ положеніемъ вещей, рѣшилъ нанести окончательный ударъ враждебной японцамъ партіи устраненіемъ королевы. Заручившись для этого содѣйствіемъ Тэ-Уонъ-Гуня и его сторонниковъ, японцы подготовили снова нападеніе на дворець. Ночью 8 октября 1895 г. отрядъ японскихъ солдатъ и корейцевъ проникъ во дворець и захватилъ сперва короля и наслѣдника престола, а затѣмъ звѣрски умертвилъ разбуженную отъ сна и тщетно пытавшуюся спастись бѣгствомъ 45-лѣтнюю королеву. Король, попавшій въ руки враговъ, принужденъ былъ исполнять все, что ему диктовали, и даже скрѣпилъ своею печатью указъ о низложеніи уже покойной королевы въ разрядъ низшихъ наложницъ. Было образовано снова правленіе изъ министровъ, принадлежавшихъ къ партіи реформъ, и неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное на населеніе Кореи убійствомъ любимой многими королевы, японцы пытались всячески загладить.

Дѣйствія новаго правительства и всѣ неурядицы послѣдняго времени вызвали, однако, сильное броженіе въ народѣ, и можно было ожидать, что повторится опять массовое возстаніе корейскаго народонаселенія противъ ненавистныхъ имъ японцевъ. Въ то же время правитель страны находился въ безвыходномъ положеніи, окруженный въ своемъ дворцѣ врагами и ежеминутно ожидающій новыхъ покушеній на его жизнь. Все это побудило короля искать спасенія подъ защитой иностранной державы, именно въ русскомъ посольствѣ, куда ему удалось тайно бѣжать 11-го февраля 1896 года. Въ стѣнахъ посольства преслѣдуемый злымъ рокомъ монархъ несчастной страны нашелъ не только защиту отъ своихъ враговъ, но и самую дружелюбную и радушную встрѣчу со стороны тогдашняго русскаго посланника въ Корей Вебера.

Россія начала тщательно слѣдить за событіями, происходящими

въ Корей, еще съ середины 1880-ыхъ годовъ, а послѣ возникновенія осложненій между Японіей и Китаемъ вниманіе было, само собою разумѣется, удвоено. Опасность упроченія въ Корей японскаго вліянія и невозможность допустить окончательный переходъ этой страны подъ власть Японіи были признаны еще тогда же, но препятствовать какимъ-либо образомъ утвержденію Японіи въ Корей, при слабомъ развитіи нашей торговли и при полномъ отсутствіи русскихъ людей въ этой странѣ, не было возможности. Бѣгство короля въ русское посольство и пребываніе въ послѣднемъ въ теченіе цѣлаго года дало прекрасный случай Россіи получить преобладающее вліяніе на внутреннія дѣла Кореи, но, къ сожалѣнію, случай этотъ не былъ въ достаточной степени использованъ. Правда, по ходатайству короля, были въ 1897 г. отправлены въ Корею въ качествѣ инструкторовъ корейскаго войска 3 русскихъ офицера и 10 унтеръ-офицеровъ, и въ качествѣ совѣтника по финансовымъ дѣламъ былъ командированъ въ Сеулъ чиновникъ министерства финансовъ г. Алексѣевъ; однако, пребываніе ихъ въ странѣ было очень непродолжительнымъ, и уже черезъ годъ они были отозваны и замѣнены японскими инструкторами и англійскимъ совѣтникомъ.

Точно также очень недолго просуществовало въ Сеулѣ отдѣленіе нашего Китайскаго банка, которое было упразднено, едва успѣвъ начать операціи. Съ того времени вся дѣятельность русской дипломатіи въ Корей заключалась лишь въ стремленіи парализовать усиливающееся вліяніе японцевъ, и единственными пріобрѣтеніями ея были уступка Россіи въ арендное пользованіе небольшого земельного участка въ договорномъ международномъ портѣ Масанпо и нѣкоторыя концессіи, полученныя русскими предпринимателями, напримѣръ, концессія лѣсного дѣла на р. Ялу и концессія китобойнаго промысла на восточныхъ берегахъ Кореи графа Кейзерлинга.

За время пребыванія въ русскомъ посольствѣ корейскому королю удалось освободиться совершенно отъ вліянія японской политики и возстановить свою почти утраченную власть. Имъ была образована комиссія изъ корейскихъ сановниковъ и нѣсколькихъ европейцевъ для пересмотра всѣхъ изданныхъ за послѣдніе годы законовъ и распоряженій правительства, былъ упраздненъ комитетъ министровъ, и возстановленъ существовавшій въ Корей со временъ древности государственный совѣтъ.

Прогрессивное движеніе въ странѣ, однако, не затихло и выразилось возникновеніемъ въ Сеулѣ особаго политическаго общества, получившаго наименованіе «Клуба Независимости». Это общество сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ среди корейскаго населенія, и въ составѣ его числилось немало выдающихся сановниковъ, тѣмъ

болѣе, что первое время оно не имѣло противоправительственнаго характера и даже пользовалось покровительствомъ короля. Однако, позднѣе Клубъ Независимости пріобрѣлъ настолько сильное вліяніе въ странѣ, что сдѣлался опаснымъ для правительства, и дѣятельность его приняла другой характеръ и неоднократно шла въ разрѣзъ съ желаніями правительства, вслѣдствіе чего, въ концѣ концовъ, клубъ былъ закрытъ.

Въ началѣ 1897 года былъ законченъ новый дворецъ для корейскаго короля, такъ какъ онъ не хотѣлъ оставаться въ старомъ, связанномъ для него со слишкомъ многими тяжелыми воспоминаніями. Почувствовавъ себя въ безопасности, король покинулъ русское посольство и водворился въ своемъ новомъ жилищѣ, расположенномъ неподалеку отъ зданій посольствъ европейскихъ державъ, въблизи которыхъ онъ чувствовалъ себя все же, повидимому, болѣе спокойно. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ титулъ императора, и Корея была торжественно объявлена независимой имперіей, а позднѣе ея независимость была подтверждена дипломатическимъ соглашеніемъ между Японіей и Россіей, въ одномъ изъ пунктовъ котораго оговаривалось невмѣшательство Россіи въ дальнѣйшее развитіе экономическаго вліянія Японіи на Корею. Этотъ договоръ далъ новый толчокъ къ тому постепенно разраставшемуся экономическому захвату Кореи Японіей, о которомъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Не встрѣчая препятствій со стороны наиболѣе опаснаго своего соперника — Россіи, Японія постепенно расширяла свою коммерческую дѣятельность, заботилась о развитіи путей сообщенія въ Корей и удержаніи ихъ въ своихъ рукахъ, увеличивала путемъ соглашеній съ корейскимъ правительствомъ количество договорныхъ портовыхъ городовъ и въ то же время всячески старалась пріобрѣсть вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику страны.

Несмотря на то, что въ корейскомъ народѣ не уменьшалось враждебное отношеніе къ японцамъ, обусловленное ихъ безцеремоннымъ образомъ дѣйствій, корейское правительство, раздираемое внутренними неурядицами и не обладающее ни войскомъ, ни финансовыми средствами, не имѣло силъ противодѣйствовать сплоченной и прекрасно организованной японской пропагандѣ. Шагъ за шагомъ оно было принуждено уступать японцамъ и подпадало все болѣе и болѣе ихъ вліянію.

Японія понимала, однако, очень хорошо, что окончательное упроченіе ея власти въ Корей сдѣлается возможнымъ лишь съ полною утратою самостоятельности Корейской имперіи и съ устраненіемъ изъ Кореи и изъ сосѣдней Маньчжуріи русскаго вліянія. Японцамъ постоянно приходилось встрѣчаться съ энергичнымъ сопротивленіемъ

русской дипломатіи при всѣхъ ихъ попыткахъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Между тѣмъ, для Японіи Корея являлась единственною областью, удобною для колонизаціи, а развитіе колонизаціонное движеніе являлось совершенно необходимымъ при томъ избыткѣ населенія, который давно уже давалъ себя чувствовать на японскихъ островахъ. Корея представляла собою также и наиболѣе удобный рынокъ для сбыта различныхъ японскихъ дешевыхъ, но плохихъ произведеній промышленности. Наконецъ, она въ представленіи японскихъ политиковъ рисовалась мостомъ, чрезъ который могущество и власть возрожденной къ новой жизни Японской имперіи должны были распространиться и на сосѣдній материкъ, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые обладали наиболѣе богатою фантазіею, рисовался уже въ недалекомъ будущемъ и захватъ Китая, и объединеніе всей монгольской расы подъ властью великой имперіи Восходящаго Солнца. Эти мечты и надежды руководителей японской политики, въ связи съ чувствомъ обиды и желаніемъ мщенія за неудачу, которую понесла Японія, главнымъ образомъ, благодаря Россіи послѣ своей первой крупной побѣды надъ Китаемъ, были основною причиною тѣхъ неустанныхъ приготовленій Японіи къ войнѣ съ нашимъ отечествомъ, которыя предшествовали современнымъ событіямъ.

Что же представляетъ собою Корея для Россіи, и какое она имѣетъ для нея значеніе?

Поступательное движеніе Россіи на востокъ и расширеніе ея владѣній въ этомъ направленіи началось еще съ первыхъ завоеваній Сибири Ермакомъ и его послѣдователями и, казалось, завершилось и достигло своего естественнаго предѣла, когда граница нашего отечества охватила восточную окраину—во второй половинѣ прошлаго столѣтія Россія получила въ свое полное владѣніе низовья Амура, островъ Сахалинъ и богатый Уссурійскій край. Здѣсь Россія, можно было думать, нашла выходъ въ океанъ, начало свободнаго морского пути, котораго давно уже искала и на востокъ, и на западъ; обладая Владивостокомъ и Николаевскомъ-на-Амурѣ, она владѣла ч моремъ и безпрепятственно могла развивать на Востокъ свою торговлю.

Въ дѣйствительности, однако, оказалось, что добытые Россіей цѣною немалыхъ усилій опорные пункты являются все же недостаточными для намѣченной цѣли. Не говоря уже про то, что оба упомянутые порта замкнуты въ теченіе значительной части года льдами, стоитъ лишь бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что и въ лѣтнее время изъ нихъ нѣтъ свободнаго выхода въ море: Охотское море неблагоприятно для плаванія вслѣдствіе долго сохраняющихся здѣсь льдовъ и страшныхъ тумановъ, царящихъ лѣтомъ; кромѣ того, оно сообщается съ океаномъ узкими и опасными Куриль-

скими проливами; Японское же море замкнуто со всѣхъ сторонъ японскою территоріею и связано съ открытымъ океаномъ также лишь узкими Лаперузовымъ, Санфарскимъ и Симоносекскимъ проливами, находящимися во владѣніи Японіи. Единственнымъ сколько-нибудь удобнымъ и широкимъ выходомъ въ океанъ является Корейскій проливъ—между полуостровомъ Кореи и самымъ южнымъ изъ большихъ японскихъ острововъ, о-вомъ Кіу-Сіу,—и онъ отчасти суживается хорошо укрѣпленнымъ японскимъ островомъ Цусима (Тсусима).

Вопросъ о выходѣ въ открытое море сдѣлался особенно острымъ съ того времени, какъ было рѣшено соединить восточную окраину желѣзнодорожнымъ путемъ съ центральною частью Имперіи. Для Великаго Сибирскаго пути необходимъ былъ конечный пунктъ, который бы обладалъ незамерзающею гаванью и давалъ бы свободный доступъ къ открытому океану. Такимъ пунктомъ, обладающимъ также и многими другими стратегическими и экономическими преимуществами, былъ избранъ Портъ-Артуръ, явившійся вторымъ нашимъ оплотомъ на восточной окраинѣ и замѣнившій собою Николаевскъ, который расположенъ крайне неблагопріятно и потому давно уже утратилъ все прежнее значеніе.

Опираясь на Владивостокъ и Портъ-Артуръ, Россія могла считать свое господство на морѣ обезпеченнымъ, пока Корея являлась самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ Японіи. Стоило, однако, Корей сдѣлаться подвластною Японіи—и Россія утратила бы свою господствующую роль на морѣ, такъ какъ морское сообщеніе между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ было бы отрѣзано, и Корейскій проливъ превратился бы для насъ въ новыя Дарданеллы.

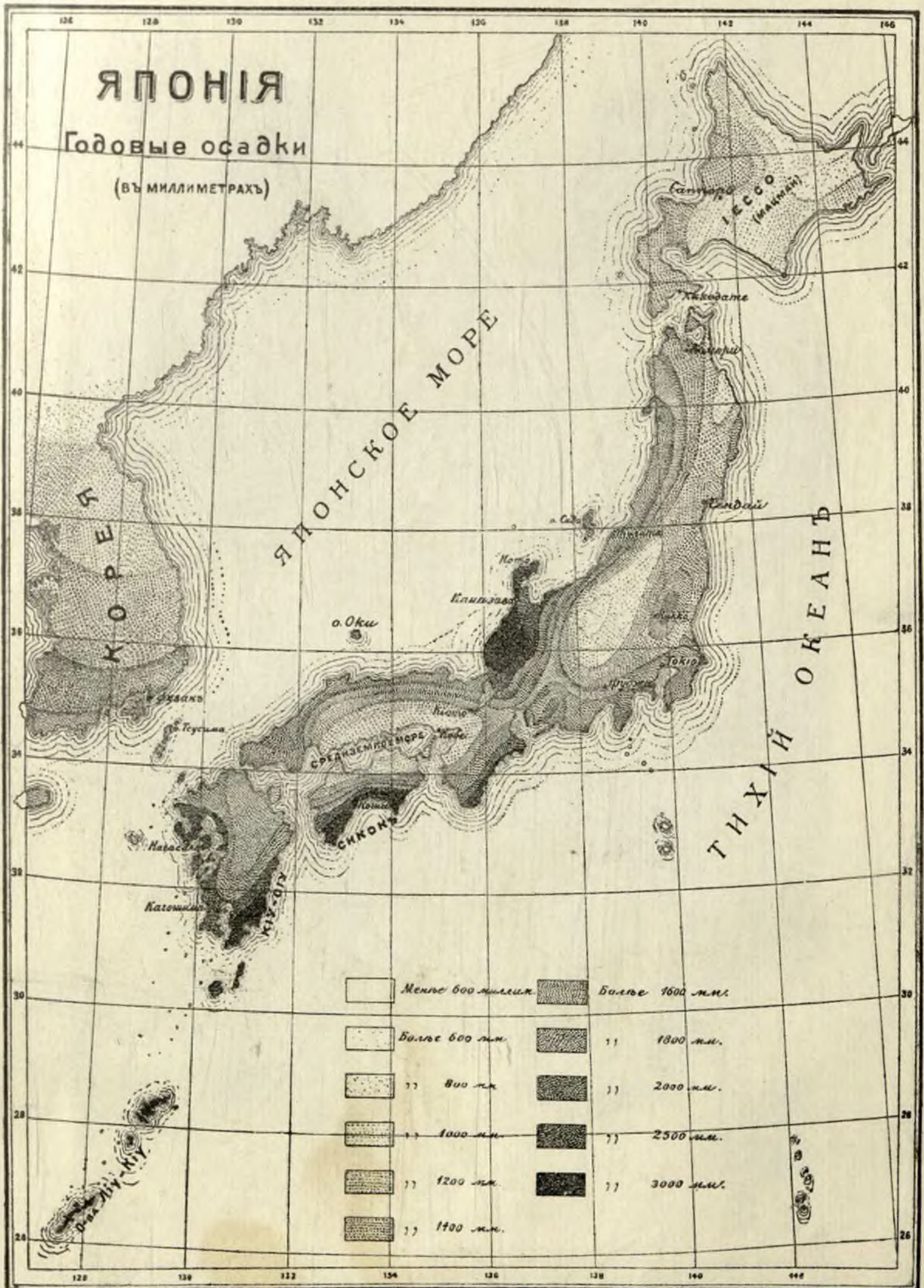
Такимъ образомъ, намъ настолько же важно было, чтобы Корея сохранила свою независимость и служила бы «государствомъ-буферомъ» на востокѣ, насколько для Японіи было желательнымъ сдѣлать эту страну первымъ звеномъ своихъ дальнѣйшихъ завоеваній на материкѣ. Эта коллизія интересовъ обоихъ государствъ была основною причиною того кроваваго столкновенія, которое мы въ настоящее время переживаемъ...

Роль Кореи въ настоящемъ столкновеніи между Россіей и Японіей могла быть, само собою разумѣется, лишь пассивною. Не обладая ни флотомъ, ни сухопутными силами, ни финансовыми средствами, Корея не могла охранить свою неприкосновенность, и территорія ея безъ единого выстрѣла была наводнена японскими войсками. Снова былъ занятъ Сеулъ японцами, и повелитель Кореи попалъ въ руки своихъ недавнихъ враговъ, теперешнихъ «друзей» и «союзниковъ».

Въ недалекомъ будущемъ Корей предстоитъ опять, какъ и въ

минувшіе вѣка, сдѣлаться ареною борьбы между Востокомъ и Западомъ и—на этотъ разъ — между арійской и монгольской расами, между европейской и азіатской цивилизаціями! Снова отзывается на судьбѣ Кореи фатальное географическое положеніе страны, по которому она является мостомъ, перекинутымъ съ азіатскаго континента на японскіе острова! Надъ несчастною «Страною Утренняго Спокойствія» какъ бы свершается злой рокъ, преслѣдовавшій ее въ теченіе всей предшествовавшей исторической жизни!...

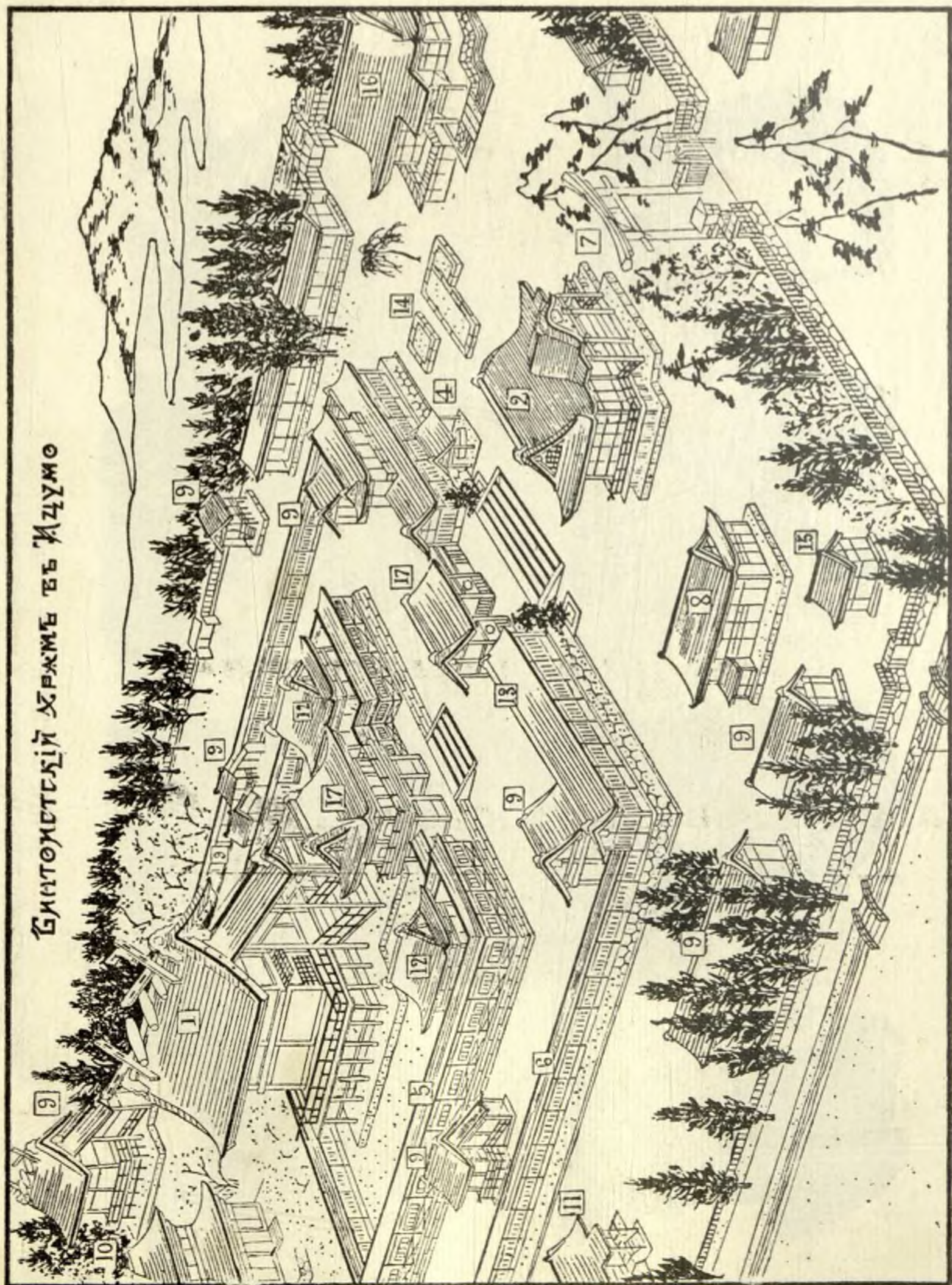

А И Н У.

Я П О Н С К И Е Т И П Ы.
 А—корейско-маньчжурский (изящный) типъ; 1—3 женскіе, 4 мужской типъ. В—монголо-малайский (грубый) типъ;
 5—7 женскіе, 8 мужской типъ.

Бинтометскій храмъ въ Ицумо

ЗУДАЙСЬКІЙ ХРАМЪ ВЪ ИКЕЖИ

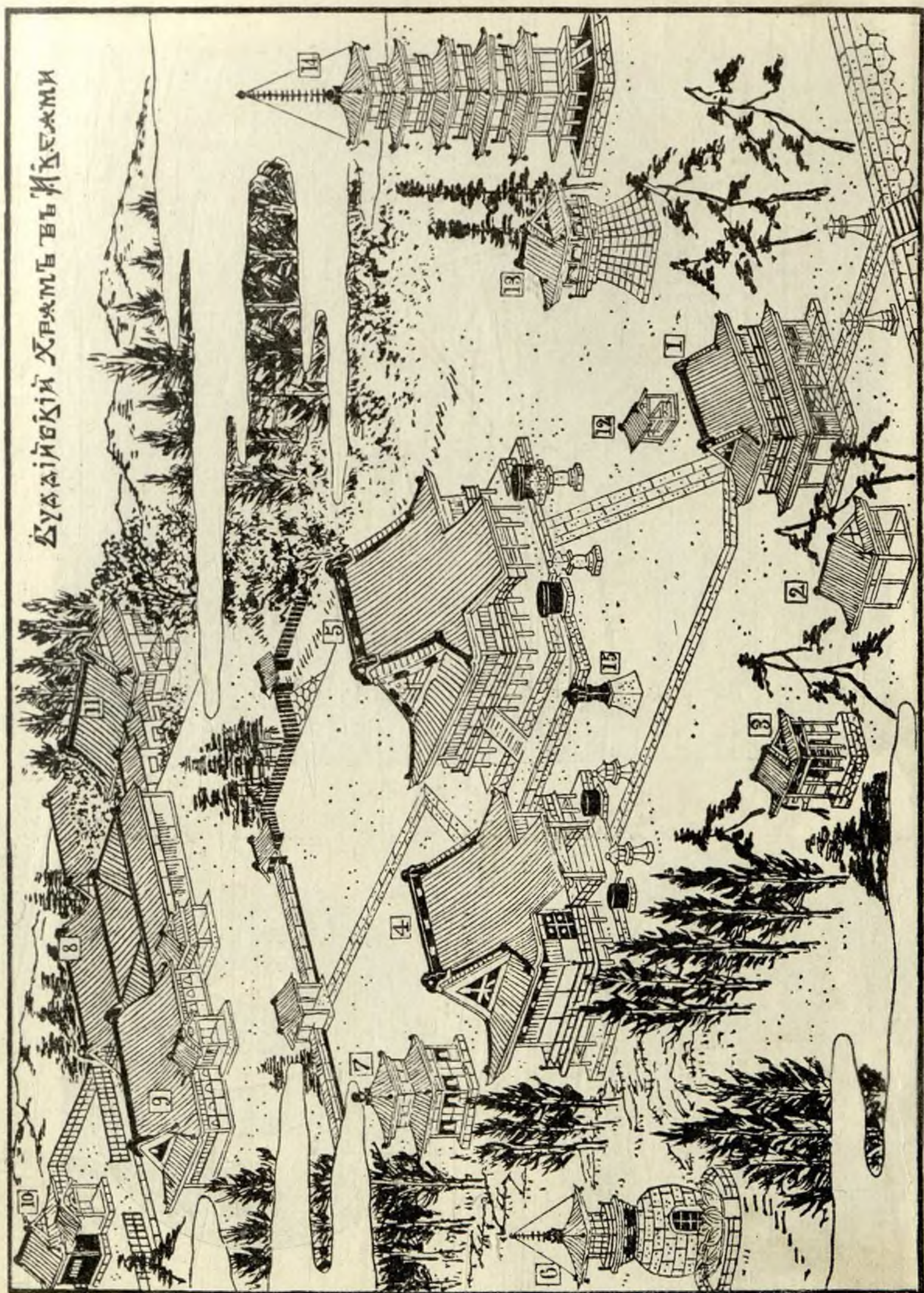

Рис. 1. ЧАШКА МЕЧА СЪ ЖУРАВЛЯМИ.

Рис. 2. ЧАШКА МЕЧА СЪ ЦВѢТАМИ.

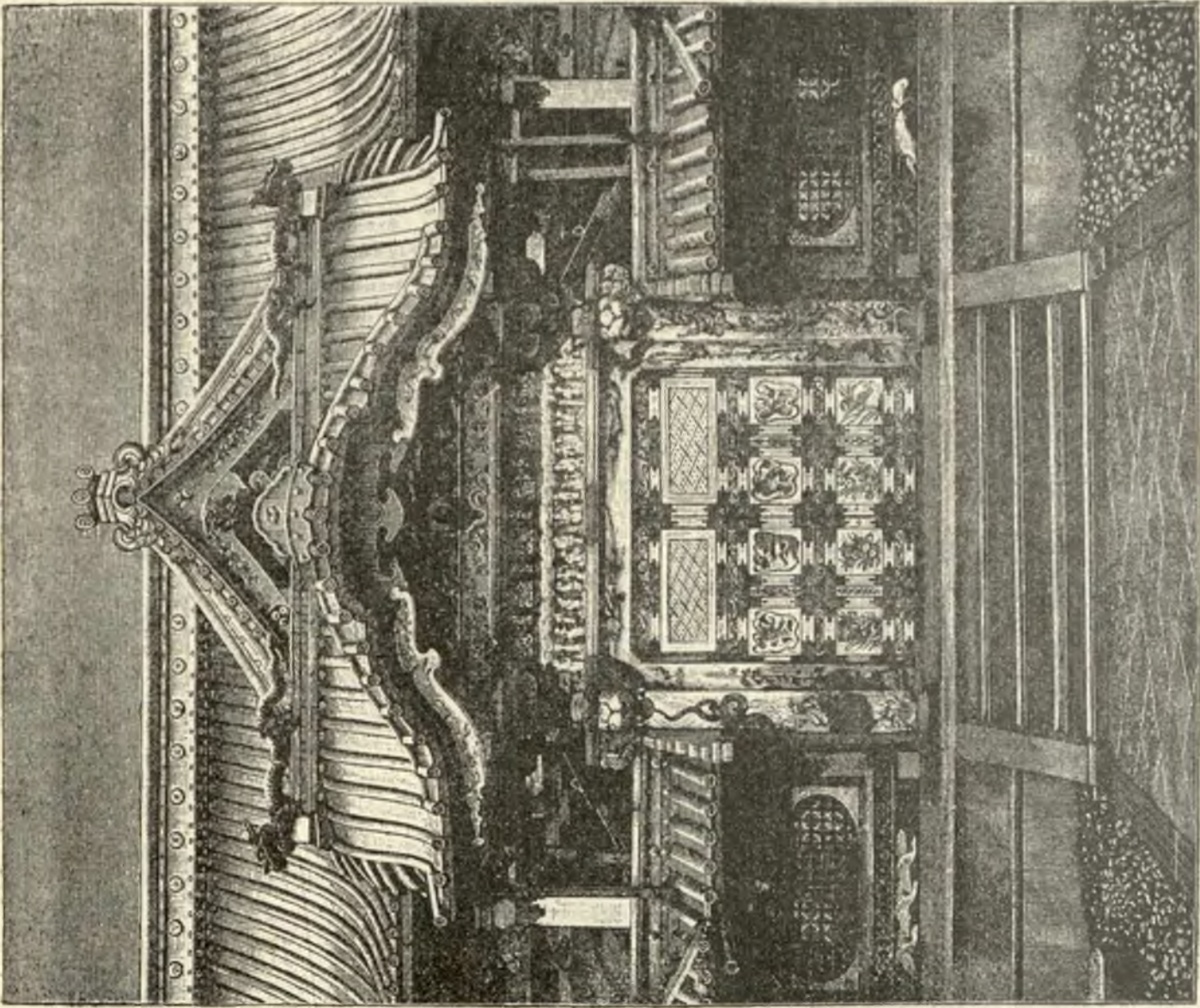

Рис. 3. ГЛАВНЫЯ ВОРОТА ХРАМА ВЪ НИККО.

Рис. 1. ФУДЖИ-ЯМА, священная гора японцев. Картина Гokusai.

рис. 2. ГОЛОВКА. Рисунок Утамаро

Рис. 3. ЖУ
Пол

Рис. 1. БУРЯ. Хромоксилографія Хирошиге.

ВЪ ВИДЪ УЛИТКИ.
Ie Тадатоши.

Рис. 3. ПОЭТЕССА КОМАТИ.
Нецке Мивы старшаго.

